

Министерство просвещения РСФСР
СВЕРДЛОВСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

**РЕАЛИЗАЦИЯ
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
В ТЕКСТЕ**

Сборник научных трудов

Свердловск
1986

Реализация языковых единиц в тексте: Сб. науч. тр./Свердл. пед. ин-т. Свердловск, 1986. 120 с.

Сборник посвящен реализации языковых единиц в тексте на лексическом, грамматическом и фонологическом уровнях. На различном материале авторы выявляют особенности и специфику реализации потенциально коммуникативных единиц в тексте или речевом акте. Материалы сборника могут использоваться в практике преподавания и при чтении теоретических курсов на факультете иностранных языков педвузов.

Редакционная коллегия:

Е. Ш. Красногор, М. П. Мещерякова (отв. редактор), В. И. Тормашпольский

Рецензенты:

кафедра английского языка Магнитогорского пединститута, Л. З. Родионова, канд. филол. наук (Уральский политехнический институт им. С. М. Кирова), Н. А. Пирогов, канд. филол. наук (Свердловский педагогический институт)

В современной трактовке основных языковых и коммуникативных единиц (предложения, логико-синтаксического единства и текста — высказывания, абзаца и речевого отрезка) на первый план выдвигаются проблемы коммуникативной значимости, условия «правильной», удачной коммуникации, обеспечивающие однозначное толкование единиц текста¹. Четкое различие и соотнесение в анализе предложения логических, номинативных (языковых) и коммуникативных (речевых) категорий составляет предмет семантики единиц языка и речи, предмет коммуникативной и языковой компетенции.

Всякая речемыслительная деятельность человека осуществляется с помощью определенных взаимосвязанных единиц мышления, языка и речи. Каждое из этих понятий (и явлений, которые обозначаются этими понятиями) имеет относительную самостоятельность. Переход одного явления, одного понятия в другое находит выражение в сфере мышления, различным моментам этого перехода соответствуют разные понятия.

Подобным же образом обстоит дело с понятиями языка и речи (и явлениями, обозначающимися этими понятиями), которые можно рассматривать в теории грамматики, в частности в теории коммуникативного синтаксиса, в абсолютном, относительном и соотносительном плане. В зависимости от грамматической, коммуникативной или логической точки отсчета, т. е. от уровня анализа, одна и та же формально-грамматическая структура может рассматриваться одновременно как предложение, высказывание и суждение. Однако в теории грамматики единицы языка, речи и мышления определяются как абсолютные величины.

По нашему мнению, понятия язык и речь не являются взаимоисключающими, а лишь определениями двух разных сфер состояния грамматической системы. Но разграничение понятий языка и речи часто необходимо производить для более глубокого уяснения специфики того и другого явления и диалектических переходов друг в друга. Различным моментам перехода языка в речь и речи в язык должны соответствовать разные понятия и их единицы.

Так, в языке и речи мы различаем следующие соотносительные номинативные (языка) и коммуникативные (речи) единицы:

Язык
текст

— *Речь*
— речевой отрезок (речема)

логико-синтаксическое	
единство	— абзац
предложение	— высказывание (протасис)
словосочетание	— синтагма
слово	— лексема (глоссема)
морфема	— семантема (семема)
фонема	— смысловозначительный звук (слог, силлабема, лексема)

Единицы языка всегда называют или обозначают что-либо, поэтому они называются номинативными (назывными). В речи они сообщают что-либо о чем-либо, поэтому называются иначе, выступают как коммуникативные термины. Поскольку коммуникация (общение письменное или устное) осуществляется в основном не предложениями, а текстами (в качестве речевых отрезков), то текст является основной и максимальной номинативной единицей языка². Текст — это первичный, однословный или многословный переменный языковой знак отрезка речи (рече́мы), выражающего одно или множество умозаключений (логических единств, рядов суждений).

Другая номинативная единица языка — логико-синтаксическое единство. Оно структурно объединяет одной общей мыслью два и более предложений, в речи соотносится с абзацем, выражающим ряды суждений. Закон коммуникативной преемственности предложений в тексте выявил текстообразующую роль коммуникативной перспективы предложения и логико-синтаксического единства (как микротекстов) и самого текста (как макротекста, макродиалога автора с читателем). Так, по мнению ряда лингвистов, наиболее распространенной моделью тема-рематической цепочки, образующей логико-синтаксическое единство, является простая линейная тематическая прогрессия, заключающаяся в пошаговой тематизации ремы предшествующего предложения по схеме Ф. Данеша³.

Номинативной единицей языка выступает и предложение, которое соотносится с высказыванием как речевой единицей. Предложение — это языковой знак высказывания, а высказывание есть речь (протасис, по терминологии Аристотеля), утверждающая или отрицающая что-либо о чем-либо, а также речевая единица, не предназначенная для передачи полнозначной (субъектно-предикатной) информации и представленная в языке непредложенческими структурами (английский термин *non-sentence utterances*), обладающими номинативно-коммуникативной функцией внутреннего порядка. К непредложенческим высказываниям относят обычно обращения, приветствия, междометия и т. п. Например, в английском приветствии *How do you do?* (*Здравствуй(те)!*) лишь этимологически можно усмотреть выражение субъектно-предикатных отношений, воплощенных здесь в скрытой форме, все словосочетание вос-

принимается как одно слово. То же наблюдается в русском однословном приветствии, которое скрыто содержит в себе предложенческую структуру (*Здравствуйте! — Я желаю вам здоровья*).

При использовании языка в конкретной коммуникативной инстанции основной минимальной единицей речи является высказывание. Всякое минимальное высказывание — предложение, а предложение есть инвариант множества высказываний. Это можно показать на примере одной ядерной структуры типа NV р N — John looked at Mary, в которой, подводя каждый раз новый контекст и перемещая предикативное (логическое) ударение с одного члена предложения на другой, можно выразить столько высказываний (и, следовательно, столько суждений), сколько имеется матриц (членов) в данном предложении плюс логически нерасчлененное предложение, выражающее одно-предикатное (мономатриальное) высказывание. Получается четыре высказывания (и суждения) с различной интонацией в рамках одного и того же формально-грамматического предложения. В устной речи интонационные различия воспринимаются на слух отчетливо. Эти факторы — достаточно убедительное доказательство перехода предложения в высказывание и высказывания в предложение, доказательство их соотносительности.

Номинативными единицами языка меньше предложения являются словосочетание и слово. Словосочетание — это синтаксическое сочетание двух или более полнозначных слов, служащее для выражения единого, но расчлененного понятия или представления. В английском языке все большее распространение получают, особенно в прессе, именные словосочетания, состоящие из четырех-пяти существительных, например: Transport Workers Trade Union leader (*руководитель профсоюза транспортных рабочих*). Это явление свидетельствует о высокой степени аналитизма в современном английском языке.

Номинативная функция еще в большей степени присуща слову. Его можно определить как основной строевой знак языка, выражающий лексическое и грамматическое значение, как основной выразитель понятийных категорий. Иначе говоря, слово есть языковой знак понятия или отношения. Это предельная составляющая предложения, способная непосредственно соотноситься с предметом мысли. В речи слово выступает как лексема, т. е. как элемент речи, лексическое и грамматическое значение которого раскрывается только в структуре предложения или контексте. Лексемный характер одного и того же слова как основной единицы языка особенно часто проявляется в широко развитой конверсии английского языка. Например, We talk English and We had a talk in English. Здесь в двух предложениях одно слово talk, но две лексемы talk, каждая из которых имеет свое конкретное лексическое и грамматическое значение.

Кроме того, слово как языковая единица в отличие от традиционного понимания в функциональном плане стоит выше словосочетания. Слово может не только входить в синтагму, выражаемую словосочетанием или словом, но и в логико-синтаксическое единство, а также самостоятельно может иметь интонацию и стать предложением — реализатором высказывания⁴. Словосочетание также может быть самостоятельным выразителем понятия и высказывания, но реже, чем слово.

Рассмотрим соотношение номинативных и коммуникативных единиц с логическими категориями. Языковая единица — слово состоит из семантических элементов — морфем и фонем, которые в речи имеют соотносительные величины. Морфема — наименьшая значимая единица или часть слова, выражающая формальное (грамматическое) значение, непосредственно соотносимая с соответствующим ей элементом речи — семемой, содержащей лексическое значение. Фонема — минимальная единица выражения звукового языка, выступающая в речи как смысло-различительный звук, слог, силлабема или лексема.

Мыслительная деятельность складывается из ряда простейших мыслительных процессов. Как и всякая деятельность, она может быть расчленена на отдельные мыслительные действия, а именно на процессы анализа и синтеза, сравнения и обобщения, абстракции и конкретизации, с последующим образованием понятий. Мыслительные операции составляют основу всякого мышления, основу образования единиц мышления, к которым относятся понятие, суждение, умозаключение (логическое единство или ряды суждений) и полискепсис, т. е. множество логических единств, умозаключений или рядов суждений.

Поскольку результаты трудовой и познавательной деятельности человека закрепляются только в языке, постольку существует тесная связь понятий и языка, единиц мышления и единиц языка. В процессе исторического развития элементы языка могли возникнуть только в связи с появлением абстрактного обобщенного мышления как средство его осуществления и существования. Таким образом, мышление совершается только на основе языка, языковых данных, усвоенных устно коллективом людей или зафиксированных в письменных формах. Мысль человека, образ мышления людей того или иного сообщества не может формироваться и существовать без языковой оболочки. Мысль получает такую оболочку в речи, в виде психофизических звуков в устной речи и в виде звуко-буквенных обозначений в письменной речи.

Следовательно, слова любого языка как языковые знаки даны нам не от самой природы, а возникли и существуют через отношение к обозначаемому. Такое отношение всегда предполагает отвлечение от конкретного предмета, явления, лица и т. п. Поэтому, по Ленину, «всякое слово (речь) уже обобщает. <...> В языке есть только общее»⁵. В свою очередь это

общее становится индивидуальным в речи. Но единичное (индивидуальное) и общее не исключают друг друга.

Это философское положение еще раз доказывает диалектический переход одних явлений и понятий в другие, переходы друг в друга единиц мышления, языка и речи. Предложение несет номинативную функцию как языковой знак в однословной или многословной форме. Его назывная функция проявляется, следовательно, не только в так называемых номинативных (назывных) предложениях типа *Зима, Вечер*, но также в любом простом предложении ядерной или неядерной структуры, которое прямо или косвенно называет какое-то действие, например *Иван приехал в Тбилиси*, *John came to Tbilisi*. Назывная функция этих (и подобных им) предложений даже в языках разных систем легко определяется методом преобразования их в номинативные конструкции, а именно: *Приезд Ивана в Тбилиси*; *John's coming to Tbilisi*.

Соотносясь с высказыванием и суждением, предложение может подвергаться анализу на трех уровнях: логико-грамматическом (или семантическом) для определения выражения субъекта и предиката суждения, логико-коммуникативном — для определения выражения терминов актуального членения и синтаксическом (традиционном) — для синтаксического разбора по членам предложения.

Возьмем в качестве примера простое повествовательное предложение: *Ученики пишут диктант*. На логико-грамматическом уровне оно выражает суждение из двух членов и связки и соответствует аристотелевской формуле S есть P: субъект — *ученики*, предикат — *пишут диктант* и отношение между субъектом и предикатом, или связка. На логико-коммуникативном уровне предложение членится уже как высказывание по интонационному признаку, по степени коммуникативного динамизма, в результате чего обнаруживается выражение трех членов актуального членения: темы (Т — *ученики*), переходного элемента (Пэ — *пишут*) и коммуникативного центра высказывания предикемы* (П — *диктант*), — и поэтому оно соответствует условной формуле высказывания $T - Пэ = П$. На синтаксическом уровне определяется по формально-грамматическим признакам три члена предложения: подлежащее (*ученики*), простое глагольное сказуемое (*пишут*) и прямое дополнение (*диктант*), предложение соответствует английской формуле прямого порядка слов $S - V - O$, в русском — $П - С - Д$.

Таким образом, при использовании языка в речи (устной или письменной) мысль выражается в троичной структуре суждения, предложения и высказывания одновременно.

Итак, понятия языка и речи не являясь взаимноисключающими, поскольку одновременно отражают непосредственную действительность мысли. При этом язык выступает как знаковая система осуществления и существования мысли, а речь как

проявление языковой системы в конкретной инстанции коммуникации. В мышлении, языке и речи следует различать логические, номинативные и коммуникативные единицы, имеющие относительную самостоятельность. В качестве логических единиц мышления выделяются понятие, суждение, логическое единство (умозаключение) и полискепсис (многообразие логических единств или умозаключений). В качестве номинативных единиц языка — слово, словосочетание, предложение, логико-синтаксическое единство и текст. В качестве коммуникативных единиц речи соответственно номинативным — лексема, синтагма, высказывание, абзац, речевой отрезок (речема). Все единицы трех категорий обусловлены диалектическими переходами и соотносительностью друг с другом. Суждение, предложение и высказывание имеют трехчленную структуру. Предложение целесообразно анализировать на трех уровнях: логико-грамматическом, логико-коммуникативном и синтаксическом. Коммуникативные единицы речи непосредственно соотносятся с мышлением и его единицами.

Основные понятия языка и речи находятся в состоянии взаимодействия, равным образом связаны их основные единицы — предложение и высказывание. Они переходят с уровня синтаксического на логико-коммуникативный и наоборот. Это означает, что синтаксическая единица языка — предложение может рассматриваться как интонационная величина (при синтаксическом разборе по членам предложения) и как интонационная (при разборе по членам высказывания, т. е. при актуальном членении). Высказывание (по диалектическому закону о переходе одних явлений в другие) всегда превращается из чисто интонационной речевой единицы в статико-синтаксический языковой знак, т. е. в предложение как синтаксическую единицу. Поэтому возможно говорить о членении этого синтаксического знака, т. е. предложения на логико-коммуникативном уровне, как интонационной единицы, т. е. как высказывания, не впадая при этом в противоречие или непоследовательность. Наличие некоторого или явного противоречия является непременным условием для диалектических переходов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 10—18.

² В лингвистической литературе по этому вопросу имеется ряд определений текста. См. об этом: Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981.

³ См.: Москальская О. И. Указ. соч. С. 22.

⁴ По мнению П. В. Чеснокова, «слово занимает центральное место среди строевых типов языковых единиц, поскольку оно является наименьшей единицей, способной воспроизводить отдельную мысль» (Чесноков П. В. Основные единицы языка и мышления. Ростов н/Д, 1966. С. 271).

⁵ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии»// Полн. собр. соч. Т. 29. С. 246, 249.

По поводу структурных и семантических особенностей инверсии было высказано множество мнений, каждое из которых отражает какую-то особенность этого построения: а) главное и придаточное предложения меняются ролями, так что логические и синтаксические связи не совпадают, а противопоставляются¹; б) придаточное содержит основную информацию предложения, рему²; в) главное служит для уточнения события, описанного в придаточном, с точки зрения его протекания во времени³; г) происходит взаимное подчинение частей, так что неясно, где главное, а где придаточное⁴; д) сложноподчиненное предложение приближается или даже превращается в сложносочиненное⁵.

Сложноподчиненные предложения с инверсией стилистически отмечены как эфатические⁶. В них всегда возможна пермутация придаточного и главного со снятием стилистической отмеченности: *Porta was rolling on the runway and Dave was on final approach when I heard Harry and the control tower calling (Coppel) → I heard Harry and the control tower calling when Porta was rolling on the runway and Dave was on final approach*. При пермутации с союзом *before* утвердительная форма главного предложения меняется на отрицательную и наоборот: *I hadn't been there ten minutes before a persistent buzzing struck my ear (Cronin) → A persistent buzzing struck my ear before I had been there ten minutes*.

Кроме этих двух содержательных свойств, инверсия имеет еще два формальных признака: обязательная постпозиция придаточного и особая интонация, которую Е. Эдгрэн описывает как два отдельных интонационных контура⁷. Однако эти формальные маркеры инверсии не имеют большого дифференцирующего значения. Постпозиция — это обычное, наиболее частотное положение придаточных с союзами *when* и *before* без инверсии, а интонация сама по себе недискретна: в одной интонации предложения налагаются друг на друга различные смысловые задания; в письменном тексте интонация не обозначена.

Приводят и другие лингвистические маркеры инверсии. А. К. Федоров отмечает, что в инвертированных предложениях невозможно задать обычный вопрос от главной части к придаточной, но появляется возможность направить вопрос от придаточной части к главной, поскольку она модифицирует основную мысль, выраженную в главной части⁸. А. Н. Суровцев предлагает пермутационный эксперимент⁹, приведенный нами выше: *Когда заря уже занялась, он возвратился домой → Заря уже занялась, когда он возвратился домой*.

Добавим еще один формальный критерий. Известен так на-

зываемый закон Глитман: личное местоимение, допустимое обычно только после кореферентного существительного, может употребляться не анафорически, а катафорически только в составе препозитивного придаточного предложения¹⁰: If I could have hoped to train *him*, I would have bought a *Lion* instead of that dog... (Dickens); And then as suddenly as *they* attacked the *Apaches* vanished (Arnold). В. Г. Как расценивает катафорическое личное местоимение как отстоявшееся средство подчинения в формальном аппарате гипотаксиса¹¹. Наши наблюдения показали, что при инверсии главное предложение может содержать катафорическое личное местоимение к кореферентному имени в постпозитивном придаточном: The sun was directly above *his* head when Deerslayer landed (Cooper). Таким образом, по закону Глитман, придаточное превратилось в главное предложение, а главное — в придаточное.

Возникает вопрос: в каких условиях происходит инверсия? Мы имеем в виду «собственно инверсию» без коррелирующих элементов по *sooner*, *hardly*, *scarcely*, *barely* в главном предложении, так как в этом случае эффект инверсии постоянный, а значит, нет инверсии как отклонения от нормы¹². «Собственно инверсия» имеет место в пяти случаях, и все они связаны с необычным соотношением содержания, особенно временных планов, между главной и придаточной частями. Эта необычность объясняет ту легкость, с которой носители языка и изучающие язык опознают инверсию¹³.

1. Если в сложноподчиненном предложении с союзом *when* передается одновременность двух событий, то обычно они совпадают по времени или событие в придаточном охватывает событие в главном. Если же, наоборот, событие в главном предложении служит фоном для более кратковременного события в придаточном, то возникает необычное соотношение временных планов, при котором легко развивается инверсия, напр.: ... she was driving the car *when* the accident happened (Rinehart); I was in my room *when* Fritz came running in (Holt). В этом случае инверсия служит для передачи неожиданного, драматического события на фоне длительного действия, которое оно прерывает. Для главного предложения характерным является длительный вид глагола, а для придаточного — недлительный таких глаголов, как *come*, *hear*, *see*, *notice*, *feel*, *say*, *happen*. Лексический состав придаточного отражает внезапность и неожиданность события (*suddenly*, *out of a blue sky*), а в главном употребляется часто *just* и обстоятельства, передающие период времени, напр.: I was just coming out from the studio on my way to the canteen, *when* I turned a corner rather sharply, and ran slap into her (Marcus); We had been th this for what seemed only minutes *when* I pulled my trigger... (Coppel).

2. При передаче разновременности обычно придаточное обозначает предшествующее событие. Если же постпозитивное

придаточное имеет значение последующего события, то создаются условия для инверсии. Это самый редкий случай инверсии: I'd just put the phone *when* the door bell rang (Murdoch and Priestley); He had just stepped from the lamplit pavement into the shadow of a tree, *when* he tripped over something and went sprawling... (Priestley). Для главного предложения характерна совершенная форма глагола-сказуемого. Н. Ф. Иртеньева подчеркивает, что словоформа Past Perfect имплицитно подразумевает, второстепенный характер события в главном предложении и создает антиципацию какого-то важного события в придаточном¹⁴, которое следует немедленно за событием в главном предложении¹⁵. С совершенным часто употребляются наречия *just* и *already*.

3. Третий случай связан со вторым. Их можно даже объединить, так как здесь в главном предложении называется действие, которое должно было предшествовать событию в придаточном, но не имело места. Суммарный смысл этих довольно частотных сложноподчиненных предложений — прерванное действие и неосуществленная интенция. Непроизошедшее событие маркируется следующими лексико-грамматическими индексами: отрицанием: She had not yet gone to bed *when* Tony came carefully into the room (Rinehart); эквивалентом фазовых глаголов to be about: Devereaux was about to swing on the wing-ladder *when* a jeep skidded to a stop... (Coppel); целевым инфинитивом: She was crying and raised her hand to hit him *when* he caught her by the wrist (Coppel); выражениями типа on the verge: Eyes watering, he was on the verge of cutting himself a chew of tobacco *when* he stopped listening (Bradbury). В третьем случае употребляется также союз *before*: He hadn't finished the word *before* her hand struck him across the cheek... (Coppel).

4. Главное предложение обозначает период времени, который прерывается событием в придаточном. Период времени может передаваться косвенно, через локальное обозначение или через действие в развитии. Остальные компоненты содержания главного в данном контексте несущественны, так как они либо повторяют ранее сказанное, либо вытекают из него: I cut out into traffic and turned back away from the Embarcadero. We went a good half-mile *before* she spoke again (Robbins); We had only been married five years *when* he died (Christie). They had not been gone from the inn very long *when* the wicked Earl of Doorn came hammering at the door... (Blyton). В четвертом случае инверсия не выражена ярко, но если событие в главном представляется как незаконченное, то эффект инверсии усиливается: He had not been back in his room five minutes *before* Maitland came in... (Cronin). Как видно из примеров, в этом случае распространены союзы *when* и *before*. Отрицание в главном предложении потеряло свою силу и передает незавершенность события.

5. Пятый случай обычно к инверсии не относят, так как он лишен стилистической отмеченности, значений неожиданности и прерванного действия. Этот случай можно назвать «логической инверсией», связанной с тем, что главное предложение передает всего лишь временную характеристику события в придаточном, т. е. основная информативная нагрузка ложится на придаточное. Очевидно, именно это Б. А. Ильиш имел в виду под «эмансипацией придаточного предложения»¹⁶. Если в перечисленных четырех случаях возможна трансформация пермутации главного и придаточного, то в пятом главное предложение можно заменить на обстоятельство времени: *I think it was about twenty minutes to seven when Mrs. Argyle came into the library (Christie) → Mrs. Argyle came into the library at about twenty minutes to seven.* Время указывается обычно выражениями *it is six o'clock; it is late, it is evening.* Кроме союза *when* могут употребляться временные союзы *before, since —* реже *until, till.*

Сложные предложения с коррелирующими наречиями *sooner, hardly* и т. д. передают быструю смену событий в главном и придаточном предложениях, неполную завершенность действия в главном и вторжение действия в придаточном, хотя момент смены действий не фиксируется¹⁸. Эти предложения можно преобразовать в сложноподчиненные предложения с союзами *as soon as, immediately, the moment, the instant* и т. д., но при этом они теряют сему неожиданности для говорящего.

Весьма распространено мнение, что сочетания *hardly — when* и другие превратились в парный союз, вряд ли может быть принято, так как первый компонент обычно расположен не в начальной позиции в первой предикативной единице, а после подлежащего или между частями сказуемого.

В синтаксических работах по русскому языку вопрос об инверсии разработан более тщательно, чем в англистике, и ее находят не только в сложноподчиненных предложениях с придаточными времени, но и причины, следствия, условия, цели и уступки¹⁹. В английском языке инверсия также не ограничивается только темпоральными сложноподчиненными предложениями.

Вопрос об инверсии в сложноподчиненном предложении должен быть исследован более подробно, но уже сейчас можно провести некоторые обобщения.

В чем же заключается сущность инверсии? Какой коммуникативный заказ она выполняет? Обычно основное содержание сложноподчиненного предложения заключается в главном предложении, а придаточное времени передает один из сирконстантов основного события. При инверсии придаточное часто содержит более важную мысль, чем главное²⁰.

Наши наблюдения над большим массивом материала (10 000 примеров) показали, что инверсия приводит к рематизации

постпозитивного придаточного предложения. Вот характерный пример: Benard was no more than laid to rest when — but I shall spare you the suspenseful details! — Let me say immediately that before the month was out, only five days ago, *I consented to become the wife of a Mr. Robb Duale Tilly...* (Coleman). В главном предложении обычно много местоименных анафорических элементов, характерных для тематических единиц, напр.: *Hardly had he done so when he pushed himself off the wall...* (MacLean). Отсюда понятно и коммуникативное назначение этого древнего синтаксического построения, распространенного во всех европейских языках. Оно является средством когезии текста. Почти во всех засвидетельствованных примерах тематическое главное предложение повторяет полностью или частично содержание предшествующей части текста, а в придаточном содержится новая информация. Главное предложение имеет функцию ретроспекции. Например, в одной главе участник описываемых событий по имени Нам уходит, а следующая глава начинается предложением с инверсией: *Ham had been gone for over two hours when for the second time that night Pete heard pounding at his door...* (Johnson).

Часто главное предложение содержит уточнение или непосредственное следствие из предыдущего текста, не имеющее значительной информативной ценности, обогащающей повествование: ... he turned to take his leave. *His hand was on the door knob when Deborah's voice stopped him* (Coleman); Around dusk, the tired officers gathered in the wardroom for dinner and *were just settling down* when a violent explosion was heard (Di Mona).

Таким образом, только грамматика текста объясняет причину и сущность инверсии. Расхождение между логикой и грамматикой проявляется в том, что новая мысль начинается не с новой главы, не с красной строки и даже не в новом предложении, а внутри предложения. Инверсивные сложные предложения могут служить пограничными сигналами членения текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Жигадло В. Н., Иванова И. П., Иофик Л. Л. Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. М., 1956.

² Напр.: Ilyish B. The structure of modern English. М.; Л., 1965. Р. 305.

³ Напр.: Edgren E. Temporal clauses in English. Uppsala, 1971. Р. 26.

⁴ Напр.: Nosek J. Contributions to the syntax of the new English complex sentence//Acta Universitatis Carolinae. 1966. Р. 17.

⁵ Напр.: Kобрина Н. А., Корнеева Е. А. An outline of modern English syntax. М., 1965. Р. 137—138.

⁶ Иргеньева Н. Ф. Прошедшее время перфекта как элемент стиля в языке художественной литературы//Исследования по прошедшим временам глагола в английском языке. М., 1960. С. 9.

⁷ Edgren E. Op. cit. Р. 176.

⁸ Федоров А. К. Трудные вопросы синтаксиса: Пособие для учителей. М., 1972. С. 177.

⁹ Суровцев А. Н. К вопросу о сложных конструкциях с взаимоподчинен-

ными придаточными предложениями: Учен. зап./Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1958. Т. 173. С. 37; см. также: *Sechehaye A. Essai sur la structure logique de la phrase.* Paris, 1926. P. 202.

¹⁰ *Gleitman L. K. Coordinating conjunctions in English/Language*, 1965. Vol. 41. No. 2. P. 274; ср.: *Dik S. C. Coordination: Its implications for the theory of general linguistics.* Amsterdam, 1968. P. 36—37; *Chomsky N. Language and mind.* New York, 1972. P. 45—46; *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A university grammar of English.* М., 1982. P. 98; *Левинский Ю. А. Проблемы сочинения.* Пермь, 1980. С. 28. Кстати, до Л. Глитмана мы находили эту закономерность у *З. Хэрриса (Хэррис З. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре//Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2. С. 588).*

¹¹ Языковая номинация. (Общие вопросы). М., 1977. С. 288.

¹² Вряд ли целесообразно отрывать модель по *sooner — than* от моделей *hardly — when*, *scarcely — before*, как это делает Е. Эдгрен на том основании, что *than* не является темпоральным союзом. Все эти модели объединяются функционально, по строению и экспрессивно-стилистической нагрузке.

¹³ Уже ученики старших классов и даже слабые студенты вуза замечают что-то необычное в инвертированных темпоральных предложениях.

¹⁴ *Иргеньева Н. Ф.* Указ. соч. С. 9—10.

¹⁵ *Винокурова Л. П.* Грамматика английского языка. Л., 1954. С. 321.

¹⁶ *Ilyish B.* Op. cit. P. 303.

¹⁷ В немецком языке *Е. В. Гулыга* отмечает инверсию у союза (Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., 1971. С. 96).

¹⁸ *Nosek J. Studies of Post-Shakespearian English adverbial clauses//Acta Universitatis Carolinae.* 1959. No. 2. P. 26.

¹⁹ *Федоров А. К.* Указ. соч. С. 177—181; *Его же.* Система подчинительных союзов в современном русском языке (Проблема взаимосвязи значения союза и структуры сложного предложения): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1972. С. 6—15.

²⁰ *Rynell A. Parataxis and hypotaxis as a criterion of syntax and style, especially in Old English poetry Lunds Universitets Arsskrift, Ny Följd.* Lund, 1952. Bd. 48. P. 12—16.

Т. А. Знаменская
(Свердловск)

СПОСОБЫ АКТУАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТЕКСТЕ

Анализ функционирования сложноподчиненного предложения показывает большое разнообразие форм, которыми оно может быть представлено в тексте. Цель данной статьи — выявление и описание тех внутренних и внешних лингвистических условий, которые определяют структуру и семантику сложноподчиненных предложений (СПП) и влияют на своеобразие их функционирования в тексте. К общим лингвистическим условиям относится тип текста — повествовательный или диалогический. Так, по сравнению с повествованием в диалогической речи СПП функционирует с большим разнообразием форм своего состава. Если в повествовании оно, как правило, характеризуется цельноформленностью и полнотой состава, то в разговорной речи соотношение частей и значимость их участия в диалоге имеет свои особенности, зачастую невозможные для СПП в повество-

вательном тексте. Все СПП, употребляющиеся в тексте (повествовательном или диалогическом), можно разделить на две большие группы в зависимости от того состава, которым представлена модель СПП в тексте:

- цельнооформленные СПП: объединяют в своем составе обе части, главную и придаточную;

- разделенные СПП: 1) главная и придаточная части употреблены отдельно друг от друга; 2) представлены лишь одной придаточной частью.

К внутренним факторам, определяющим ту или иную форму реализации модели СПП в тексте, относятся понятия синсемантии (для группы цельнооформленных СПП) и автосемантии (для группы разделенных СПП)¹. Они позволяют объяснить структурное разнообразие СПП в тексте исходя из его лингвистических свойств.

Внешними условиями, влияющими на полноту состава СПП, являются лингвистические условия, в которых оно выступает в тексте, т. е. окружающий контекст, а также закономерности, действующие на уровне сверхфразового единства. Проанализируем условия функционирования в тексте сложноподчиненных предложений в полном их составе.

Внутренним условием употребления в тексте СПП как целостной единицы является его синсемантия. Под синсемантией понимается такая взаимозависимость частей СПП, при которой они способны выражать присущее всему предложению значение, лишь будучи объединены в его составе. Зависимость частей в этом случае обоюдонаправленна: главная часть зависит от придаточной, придаточная — от главной.

Синсемантия может выделяться на основе структурных и смысловых признаков, которые определяют статус сложноподчиненного предложения как целостной единицы и не могут быть устранимы без разрушения структуры и смысла предложения. К ним относятся:

- препозиция придаточной части СПП по отношению к главной: *If you play tennis well you can walk into a club anywhere* (P. Benchley);

- наличие слов-коррелятов в обеих частях СПП (наречий, местоимений, артиклей — в главной части и союзов, союзных слов — в придаточной: *Dr. Gibbs is never so happy as when he's at Antietam or Gettysburg* (T. Wilder). *I came as soon as I could* (J. Fowles);

- наличие в главной части слова-заместителя, содержание которого раскрывается в постпозитивной придаточной части: *How far is that — where you live?* (E. Caldwell);

- наличие подлежащего придаточного предложения в составе СПП: *What we don't know can't hurt us* (I. Shaw);

- наличие придаточного предложения в роли предикативного члена: *Money is how things are done* (J. O'Hara);

— наличие придаточного предложения в роли дополнения к переходному глаголу в главной части: I know what you're thinking (J. Donleavy).

Итак, в структуре самого СПП имеется ряд формальных элементов, наличие которых делает обязательным его цельно-оформленную реализацию в любом тексте. Эти признаки можно отнести к внутренним условиям, поскольку они являются имманентными свойствами данной языковой модели.

К внешним условиям относятся условия, в которых находится СПП в тексте (сверхфразовом единстве (СФЕ) или диалогическом единстве), когда на структуру СПП влияют закономерности, действующие не внутри самого предложения, а на уровне текста. К таким условиям относится в первую очередь положение СПП внутри текста. Если СПП представляет собой верхнюю границу СФЕ или диалогического единства, оно всегда обладает полнотой состава и четкостью оформления. Это отмечают все лингвисты, занимающиеся изучением структуры целого текста и его единиц². К. Э. Хайдольф считает, что «может быть выделен класс начальных предложений»³. Л. М. Лосева подробно рассматривает признаки начального предложения и выделяет три наиболее характерных: 1) смысловой — первое предложение всегда вводит новую микротему; 2) лексико-синтаксический — все члены предложения лексически однозначны и не содержат анафорических элементов; 3) синтаксический — начальные предложения всегда полные, в них не надо восстанавливать элементы предыдущего предложения.

Особое положение начального предложения и такие обязательные для него качества, как полнота состава, независимость от предыдущего контекста, смысловая полнота и автономность предопределяют функционирование СПП в тексте в цельно-оформленном виде. В этом случае нередко СПП с более чем одним придаточным: What I am going to tell you has something to do with how sometimes it's necessary to go a long distance out of the way in order to come back a short distance correctly (D. Eden). Начиная СФЕ, такое предложение вводит информацию, которая служит темой последующего повествования или диалога, в нем заложена, по выражению В. Дресслера, «речевая программа» говорящего.

СПП может выполнять и другую роль в тексте, а именно служить рамочной конструкцией отрезка текста, выделяя его как структурно и семантически связанную дискретную единицу. Другим видом конструктивной роли СПП в тексте может служить его повтор внутри текста в виде параллельных синтаксических конструкций. Как в роли рамочной конструкции, так и при повторе СПП служит не только для выделения границ СФЕ и осуществления связующей функции, но и несет важную семантическую информацию, обеспечивая смысловое единство текста. Известно, что в организации текста и его единиц боль-

шую роль играют логико-семантические отношения между входящими в него языковыми единицами. В тексте способом линейной организации отражаются ситуации внешнего мира, те отношения, которые существуют в действительности между событиями, людьми и вещами,—временные, пространственные, причинно-следственные, условные и др. Многие ученые считают, что можно выделить сверхфразовое единство по признаку такой логико-семантической связи, преобразовав входящие в данный отрезок предложения в единое сложное предложение введением нужного союза, например условного или временного⁵. В тех случаях, когда СПП входит конструктивным элементом в состав СФЕ в виде повтора, характер отношений, выраженных в нем (причинно-следственный, локативный, условный и т. д.), накладывает отпечаток на смысловую структуру данной единицы текста. В приводимом ниже отрывке вся организация текстовой единицы подчинена каузативному типу отношений, выраженному через параллельный синтаксический повтор СПП с причинным союзом: *You are here to learn discipline. Discipline is necessary if we are to train you to the maximum state of efficiency, discipline and obedience. You will obey your instructors because they are well-trained, you will obey them because they can train you efficiently, you will obey them because it's necessary for you to train efficiently. That is what you are here to learn: obedience and discipline. Any questions? Thank you* (A. Wesker).

Таким образом, СПП служит в единице текста одним из связующих средств как в качестве структурного элемента, так и на уровне семантики текста.

Кроме рассмотренных нами внутренних и внешних условий, определяющих реализацию модели СПП в тексте в полном его составе, есть ряд экстралингвистических факторов, служащих той же цели. К ним относятся коммуникативная целеустановка высказывания на наиболее эксплицитную и полную передачу информации, определенный изоморфизм между онтологией действительных ситуаций и отражением их последовательности в языке, стремление автора высказывания сохранить динамизм описываемых событий и т. п.⁶

Употребление разделенных СПП в тексте имеет целый ряд своих особенностей, поэтому их описание и анализ выходят за рамки данного исследования и могут стать предметом отдельной статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973; Гулыга Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., 1971; Иофик Л. Л. Сложное предложение в новоанглийском языке. Л., 1968.

² Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976; Дресслер В. Син-

таксис текста//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. VIII; *Лосева Л. М.* Текст как единое целое высшего порядка и его составляющие (сложные синтаксические целые)//Русский язык в школе. 1973. № 1; *Падучева Е. В.* О структуре абзаца/Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Тарту, 1965 и др.

³ *Хайдольф К. Э.* Контекстные отношения между предложениями в генеративной грамматике//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. VIII.

⁴ *Лосева Л. М.* Указ. соч.

⁵ См. статьи *А. Вежбицкой, В. Дресслера, П. Сгалла* и др. в кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. VIII.

⁶ См.: *Знаменская Т. А.* Семантико-синтаксическая характеристика некоторых видов английского сложного предложения//Семантико-системные отношения в языке. Свердловск, 1984.

**Е. Ш. Красногор,
Л. В. Белякова
(Свердловск)**

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ БУДУЩНОСТИ В ТЕКСТЕ (на материале произведений Г. Грина)

Вопросы, связанные с выражением значения будущего времени в английском языке, получили широкое освещение в лингвистической литературе. Тем не менее специфика будущего времени, наличие ряда присущих ему особенностей обусловили существование многих сложных, не до конца разрешенных проблем. Многообразие средств отнесения действия к будущему, постоянное развитие, изменение значений и функций этих средств оставляет место для дальнейших исследований. Особый интерес в настоящее время представляет исследование средств выражения будущего с точки зрения синтагматики, выяснения особенностей и функционирования в тексте. Целью данной статьи является анализ различных способов передачи действий, относящихся к будущему в современном английском языке, на материале произведений Г. Грина. Г. Грин — писатель, который при внешней сдержанности и лаконичности изложения добивается большой выразительной силы. Одна из характерных черт его стиля — разнообразное, гибкое использование возможностей грамматических средств языка, в том числе и средств выражения будущности. Он часто прибегает к диалогу, передаче мыслей героев с помощью косвенной речи или прямого цитирования, несобственно прямой речи, то есть тех форм повествования, где часто встречается необходимость выражения будущих действий. Это и послужило причиной выбора для анализа произведений именно Г. Грина.

Материалом для анализа послужила сплошная выборка всех средств выражения будущности из четырех книг Г. Грина: сборника рассказов «Комната в подвале» и романов «Суть дела», «Тихий американец», «Почетный консул»¹.

Одно и то же значение в языке может выражаться различными способами, имеет место тесная взаимосвязь разных уровней языка. Средства каждого из них передают грамматическое значение, не дублируя друг друга, а привнося дополнительные оригинальные оттенки значения. В рамках одного уровня можно

иногда выделить несколько средств передачи одного значения, отличающихся семантическими, стилистическими и другими особенностями. Так различается несколько грамматических форм отнесения действия к будущему: будущее неопределенное, будущее продолженное, будущее перфектное, настоящее неопределенное и продолженное. На уровне лексики значение будущности выражается с помощью наречий времени типа *soon*, *tomorrow*. Особый интерес представляет исследование того, как эти средства реализуются в речевой цепи.

Особенно детально вопрос о роли контекста в реализации грамматического значения разработан в работах А. И. Бондарко².

Существуют определенные нормы, в соответствии с которыми языковые средства используются в процессе коммуникации. Однако в речи возможны отклонения от нормы. Любое языковое средство, служащее для передачи того или иного значения, имеет определенный семантический потенциал, реализующийся частично или полностью в каждом отдельном случае употребления этого средства в речи. Он может расширяться, сужаться, перестраиваться. Отдельные возможности языковых средств, реализуемые в речи, могут быть не отражены в нормативных грамматиках.

Природа художественного текста обуславливает дополнительные особенности использования различных грамматических форм и лексических средств. Выбор конкретного языкового средства происходит в результате творческого акта, он подчинен решению поставленных писателем художественных задач. Использование той или иной грамматической формы может стать изобразительным средством. Фактором, который в значительной степени влияет на функционирование языковых средств, является также индивидуальный стиль писателя. Стиль характеризуется и тем, как автор использует возможности грамматического строя языка, каким средствам отдает предпочтение, отражаются ли в его произведениях новейшие тенденции в развитии языка. Говоря о реализации значения будущего в тексте, нельзя забывать о том, что будущее время обладает рядом особенностей, отличающих его от прошедшего и настоящего времени. К последним относятся гипотетичность самой природы будущего, тесная ассоциация значения будущности со значением модальности³, особые соотношения с настоящим, специфика использования, поскольку будущее время обычно не выступает ведущей формой связного повествования. Отличительной чертой будущего времени в современном английском языке является и многообразие способов отнесения действий к будущему. Перечисленные факторы обусловили строение поля будущности в современном английском языке.

Анализ указанных произведений Г. Грина позволяет сделать вывод, что ядро грамматико-лексического поля будущности —

будущее неопределенное время. При этом форма «will+инфинитив» в большинстве случаев лишена модального значения, в то время как форма «shall+инфинитив» в рассматриваемых текстах имеет выраженный оттенок модальности. На 940 страницах текста форма будущего неопределенного встречалась 980 раз. На периферии располагаются другие грамматические средства отнесения действия к будущему: будущее продолженное (41), будущее перфектное (11), формы настоящего неопределенного и продолженного (последняя встретилась 38 раз). Говоря о настоящем неопределенном, следует различать 3 случая отнесения им действия к будущему: 1) обязательное использование настоящего в значении будущего в придаточных времени, условия и уступки; 2) факультативное использование настоящего в значении будущего в сложноподчиненных предложениях, как в главном, так и в придаточном предложении (30 примеров); 3) использование настоящего неопределенного в простых предложениях (25 примеров).

Г. Грин достаточно широко использует устойчивое десемантизированное сочетание *to be going to* с инфинитивом (86 примеров). Гибкое, разнообразное использование грамматических средств — одна из характерных особенностей стиля автора. Применение им перечисленных средств имеет некоторые отличия, на которых мы остановимся ниже. Одним из средств отнесения действия к будущему является повелительное наклонение. Такая функция императива, по определению А. И. Бондарко, «несобственная» функция данной формы, вытекающая из ее семантического значения⁴.

Рассмотрим грамматико-лексические средства, используемые Г. Грином. В семантике всех модальных глаголов заключена возможность отнесения действия, выраженного инфинитивом, к сфере будущего с захватом настоящего, напр.: *Better to rest today. After the shock. Tomorrow perhaps we can find you some transport; I think we may soon be in a position to find out (The Honorary...); Perhaps one day you will have a reason for writing about it. But you must not say you saw the drum here (The Quiet...).*

К модальным глаголам примыкают устойчивые сочетания *had better* со значением целесообразности, полезности действия и *would rather* со значением желательности. Обе формы широко используются Г. Грином: *I'd rather coble my rough draft tonight than wait till tomorrow (The Honorary...).*

В поле будущности входят глаголы типа *to want*, *to intend*. Основным компонентом их значения является желание или намерение совершить действие, побочным — значение будущности: *Are you planning to desert this woman? We don't intend to give in to this kind of blackmail anywhere, under any circumstances (The Honorary...).*

Г. Грин не использует для отнесения действий к будущему

таких выражений, как *to be on the point of*, *to be on the verge of*, *to be up (on) the brink of*, *to be up (on) the eve of*.

Лексические средства, входящие в поле будущности, обычно являются побочным средством отнесения действий к будущему, чаще всего конкретизируя время совершения действия⁵. В ряде случаев они могут выступать как основное средство отнесения действия к будущему: *What happens afterwards God knows. I have patients to see in the morning (The Honorary...)*.

Остановимся на некоторых специфических чертах использования Г. Грином средств отнесения действия к будущему. Как указывалось, будущее время тесно связано со значением модальности. Это обуславливает наличие различных трактовок формы выражения будущего. Одни ученые ставят под сомнение существование немодальной формы будущего в современном английском языке⁶, другие признают существование такой формы⁷. Проанализировав все примеры употребления сочетаний инфинитива с глаголами *will* и *shall* в языке Г. Грина, можно сделать вывод о немодальном употреблении формы с *will* и наличии оттенка модальности в форме с *shall*: *I'll try to win her confidence, Dr. Plann said; You'll find me on the verandah, Ted, with the whiskey (The Honorary...)*. *What'll he do next, heng? (The Quiet...)*.

Значение модальности отсутствует, когда передаются объективные факты, действия в будущем, обусловленные естественным ходом развития событий, характером и обычной манерой поведения персонажей, непреложными законами природы: *We will relieve you in two hours; How will you fill in the time? I will look at the shops and then I'll have a coffee (The Honorary...)*. В следующих примерах глагол *will* не имеет значения желательности или волеизъявления. Он служит только вспомогательным глаголом для образования аналитической формы будущего времени, напр.: *Think how anxious your father and mother will be. Perhaps tomorrow I will be killed by a car or a fever (The Heart...)*; *Clara will feel pain longer than me (The Honorary...)*.

Глагол *shall* в значительно большей степени проявляет в анализируемых произведениях свои модальные возможности: *You shall have it tomorrow, master Philip (The Basement...)*. *Where shall home be? (The Basement...)*. В анализируемых примерах глагол *shall* практически и во всех случаях употребления с первым лицом имеет четко выраженный оттенок модальности: *We shall keep the chair warm for you (The Quiet...)* (со значением обещания); *... then we shall kill the Consul (The Honorary...)* (со значением угрозы); *I shall ask her to marry me, Tom (The Quiet...)* (со значением твердого намерения совершить действие) и т. д.

Типичными являются следующие случаи употребления будущего продолженного в произведениях Г. Грина: для передачи

действия, которое обязательно должно иметь место и вытекает из указанных в контексте предпосылок: *You heard their loud-speaker. They will be coming for you soon* (The Honorary...); для подчеркивания напряженности ситуации, интенсивности действия: *They'll be laughing about him and me. Oh, Ticki, Ticki, please let me go away and begin again* (The Heart...); для привнесения в высказывание оттенка иронии: *They'll be murdering each other without him* (The Heart...); для выражения оттенка уверения, утешения: *They'll be sending you home very soon* (The Heart...); как средства выражения вежливости: «*Then I'll be going*», he said; *I don't suppose I'll trouble you again* (The Quiet...).

Итак, будущее перфектное в большинстве рассмотренных случаев используется с оттенком эмфазы, модальности, с выражением твердой уверенности, предположения, сарказма, что придает высказыванию возвышенно-эмоциональную окраску.

В анализируемых произведениях можно выделить два момента использования настоящего продолженного в значении будущего. В большинстве примеров данная форма передает действия, намеченные на основе принятого решения, другим ее значением может быть значение намерения совершить действие.

Обращает внимание большое количество сложноподчиненных предложений с придаточными времени и условия, где и в главном, и в придаточном предложениях будущее действие выражено формой настоящего неопределенного времени. Использование настоящего времени в главном предложении носит в таких случаях экспрессивную окраску, будущее представляется говорящему особенно ярко и выразительно, напр.: *If I faint here, I drown* (The Quiet...).

Использование форм настоящего продолженного по сравнению с настоящим неопределенным в простых предложениях более широко и разнообразно. Очень часто Г. Грин использует сочетание «*to be going to* + инфинитив» для отнесения действий к будущему. Его значение «намерение совершить действие» особенно отчетливо, когда говорящий заинтересован в способе, времени, условии осуществления действия: «*I don't know how we're going to feed these people*», the priest told be (The Quiet...).

Однако в ряде случаев основное значение данной конструкции обогащается дополнительным оттенком. Необходимость осуществления действия в связи с обстоятельствами, имеющими место в настоящем, напр.: *Clara's going to be anxious.— Don't worry. I'll deal with Clara* (The Honorary...).

Анализ произведений Г. Грина приводит к выводу, что будущее неопределенное время составляет ядро поля будущности. Глагол *will* и его энклитическая форма *'ll* в рассматриваемых текстах способны передавать будущее время без каких-либо дополнительных модальных значений. Глагол *shall* имеет яркую

модальную окрашенность при употреблении со всеми лицами. Г. Грин разнообразно использует и другие грамматические средства отнесения действия к будущему. Так, форма будущего перфектного в большинстве случаев носит модальный, эмфатический характер.

Писатель также широко использует эмоционально-экспрессивные возможности формы будущего продолженного. Наблюдается вытеснение форм настоящего неопределенного в значении будущего в простых предложениях формами настоящего продолженного. Последние два утверждения, а также констатация достаточно частого употребления продолженного инфинитива с выражениями *had better*, *would rather* свидетельствуют о расширении использования продолженных форм в современном английском языке. Факультативное использование настоящего неопределенного в значении будущего в сложноподчиненных предложениях обусловлено отнесением действия к будущему микроконтекстом и экспрессивными возможностями использования этой формы. Сочетание *to be going to* с инфинитивом выступает в языке Г. Грина практически полностью грамматикализированным средством отнесения действия к будущему.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Green G.* The Heart of the Matter. London, 1962; The Quiet American. M., 1963; The Honorary Consul. London; Sydney; Toronto, 1973; The Basement Room. M., 1969.

² *Бондарко А. И.* Теория морфологических категорий. Л., 1976; *Бондарко А. И.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.

³ *Угрюмова М. А.* Выражение будущего действия в английском языке XVI—XVII вв.: Автореф. дис. ... филол. наук. М., 1981.

⁴ *Бондарко А. И.* Теория морфологических категорий. С. 144.

⁵ См.: *Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.

⁶ *Бархударов Л. С.* Очерки по морфологии современного английского языка. М., 1975; *Биренбаум Я. Г.* О форме будущего в грамматической категории времени английского глагола // Филол. науки. 1981. № 1; *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958; *Kruisinga E. A.* A Handbook of Present-Day English. Croningen; Noordhoff, 1925; *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvic J.* A Grammar of Contemporary English. London, 1972 и др.

⁷ *Иванова И. П.* Вид и время в современном английском языке. Л., 1961; *Ильиш Б. А.* Строй современного английского языка. Л., 1971; *Curme G. O.* A Grammar of the English Language. N.Y., 1966; *Poutsma H.* A Grammar of Late Modern English. Croningen; Noordhoff, 1926; *Sweet H.* A Short Historical English Grammar. Oxford, 1982 и др.

Семантическая основа высказывания и ее структурное воплощение являются объектом многих лингвистических исследований. Наиболее своеобразные теории языка возникают на пересечении смысловых и структурных категорий¹, и то, что до сих пор нет общепризнанной теории строения и функционирования языка, объясняется сложностью объекта исследования, многомерностью фактов языковой действительности. «Свойства языка настолько своеобразны, что можно по существу говорить о наличии у языка не одной, а нескольких структур, каждая из которых могла бы послужить основанием для возникновения целостной лингвистики», — отмечает Э. Бенвенист².

Цель данной статьи — рассмотреть французское глагольное сказуемое в свете учения о членах предложения и с позиции складывающегося в последнее время комплексного семантико-синтаксического подхода. В рамках статьи не представляется возможным дать детальный анализ этой синтаксической категории, ограничимся рассмотрением трудных для анализа случаев и попытаемся выявить некоторые закономерности.

Взаимоотношения формы и содержания в синтаксисе (у В. Г. Гака — антиномия содержательного и формального³) можно рассматривать только с учетом асимметрии языка, понимаемой «не столько как статическое расхождение между означающим и означаемым, сколько как тенденцию к такому расхождению»⁴, более того, как форму существования и самого функционирования языка⁵. Традиционное учение о членах предложения и частях речи как нельзя более иллюстрирует концепцию асимметричности языкового знака.

При анализе предложения мы обращаемся к ряду абстрактных единиц терминологического порядка. Это либо подлежащее — сказуемое — второстепенные члены (дополнение, определение, обстоятельство), либо субъект — предикат — именные актанты, атрибуты и сирконстанты. Последний способ членения предложения чаще используется при анализе семантической структуры предложения. Отсутствие изоморфизма между этими терминологическими рядами не вызывает сомнения, оно обусловлено целями их употребления. Но и тот и другой ряд применяется к совершенно реальному определенному предложению языка. И в этом случае языковая реальность с трудом вписывается в рамки лингвистических ограничений. Необходимость тщательно изучать и развивать теорию членов предложения отмечал В. В. Виноградов⁶. Н. М. Александров, анализируя возникновение и применение теории членов предложения, призывает к ее решительному пересмотру⁷. Неадекватность данной теории и многочисленные случаи расхождения теоретических

положений с языковой реальностью привели к тому, что многие лингвисты вообще не используют ее при анализе взаимоотношений слов в предложении⁸. Н. Хомский вводит понятие именной и глагольной составляющей, подчеркивая, что «функциональные понятия типа „Субъект“, „Предикат“ должны тщательно отграничиваться от категориальных понятий, таких как „Именная составляющая“, „Глагол“...»⁹. В других работах встретим также термины «глагольная конструкция»¹⁰, «*éléments centraux (élément nominal et élément verbal)* et *éléments marginaux*»¹¹.

Можно привести и другие примеры терминологических расхождений, что отнюдь не способствует созданию единых представлений о структуре предложения и его содержательной сущности. Тем более что в традицию обучения языку прочно вошли термины теории членов предложения, а новые термины, появляющиеся в работах современных лингвистов, вводятся посредством корреляции с традиционной терминологией. В истории языкознания хорошо известны факты, когда термин уточняется и даже меняет содержание в силу неизбежного развития лингвистики как науки. Очевидно, следует пересмотреть содержание категорий «члены предложения» в свете современного понимания триединства предложения как единицы структурного, содержательного и функционального плана.

Глагольное сказуемое в современном французском языке описывается, как правило, на основании структурных формальных критериев¹². Классификации строятся на основе главного элемента — глагола, но без учета его взаимодействия с семантикой предложения. Это влечет за собой выявление большого числа трудных для анализа, противоречивых случаев, определяемых чаще всего как синкретические, и затрудняет изучение предложения, создание целостной концепции его структурирования и функционирования. «Модель членов предложения лишена строго научного критерия и является, по крайней мере в ее нынешнем виде, совершенно непригодной для целей научного анализа структуры предложения», — отмечает Л. С. Бархударов¹³. Большинство работ, посвященных вопросам организации предложения, исходят в настоящее время из вербоцентрической концепции, наиболее четко сформулированной Л. Теньером, приписывающей глаголу центральное место в предложении. Но рассматривать глагол-сказуемое только с этих позиций — значит остановиться на промежуточной ступени, поскольку, с одной стороны, выбор самого глагола диктуется потребностями высказывания, его семантическими характеристиками, а с другой, глагол не просто управляет именными актантами, его функционирование зависит от их присутствия. Иначе говоря, глагол как выражение сказуемости синтагматически и контекстуально обусловлен. Контекстуальная обусловленность сказуемого должна проявляться в подвижности его

состава. «Минимальное сказуемое равняется предикативной форме глагола, но максимальная величина сказуемого ничем не ограничена (по крайней мере теоретически), поскольку глагол может быть распространен любым количеством подчиненных ему слов», — пишет Бархударов¹⁴. В. Г. Адмони вводит понятие расширенного глагольного сказуемого¹⁵. В. С. Юрченко утверждает, что сказуемое не может быть ни чисто глагольным, ни чисто именным, оно всегда глагольно-именное¹⁶. Н. М. Александров считает, что говорить нужно не о расширении сказуемого, а сказуемое понимать шире, а именно: глагол + дополнительное слово, где глагол будет элементом сказуемого¹⁷.

Во французском языке ввиду его аналитического строя глагол еще менее автономен, чем в синтетических языках¹⁸. Для актуализации виртуального значения, заложенного в многозначном глаголе, он (глагол) нуждается в ряде слов актуализаторов. Приглагольное дополнение или обстоятельство актуализируют глагол семантически, дополняя его значение, и синтаксически, придавая ему статус структурной единицы определенного плана (переходный/непереходный глагол). Французский глагол по сравнению с русским отличается: а) менее сложной семантической структурой; б) меньшей собственной информативностью, в связи с чем возрастает роль контекста, ситуации; в) более униформной и абстрактной синтаксической конструкцией глагольной синтагмы (преобладание прямо-объектных конструкций)¹⁹. Эти особенности свидетельствуют о более частом использовании косвенных номинаций, обобщенных и переносных, и более слабой структурной и семантической самостоятельности французского глагола по сравнению с русским²⁰.

Очевидно, сказуемое будет иметь сложный состав, когда семантическая нагрузка падает неравномерно на разные элементы конструкции, а результирующим является смысл предложения в целом, причем он не будет итогом непосредственного сложения отдельных слов.

Остановимся на некоторых случаях, представляющих трудности при определении состава сказуемого.

1. Предложения, являющиеся результатом косвенной номинации (по В. Г. Гаку). Их можно различить по степени спаянности элементов, участвующих в образовании сказуемого и способу присоединения именного компонента: *Je vous pose une question: est-ce que partagez l'opinion du commissaire?* (Y. Chase); *Il sentait qu'il passait la mesure*, et cependant une folie méchante le poussait à la torturer (H. Troyat); *Hutte se caressait pensivement la barbe, une barbe poivre et sel, courte, mais qui lui mangeait les joues* (P. Mondrianot).

Словосочетания, подобные выделенным; иногда рассматриваются как несвободные²¹ или устойчивые традиционные сочетания, фразеологические сочетания, фразеологические единицы,

аналитические предикативные структуры²². Границы между этими категориями определены недостаточно четко. Что касается термина «несвободные сочетания», он не представляется оправданным. К несвободным сочетаниям Н. Д. Кручинкина относит группы, состоящие из многозначного глагола, частично или полностью десемантизированного + неантропным с значением действия, свойства, другого отвлеченного понятия²³. К несвободным подобные сочетания, видимо, относят из-за высокой предсказуемости совместного появления обоих членов сочетания. Вряд ли можно назвать несвободными сочетания на основе таких глаголов, как *avoir, faire, prendre*, то есть глаголов многозначных, которые могут употребляться с неопределимым числом абстрактных и конкретных существительных. Эти глаголы функционируют как лексикализованные связки, являясь реляторами отношения субъект — объект, но в то же время могут выступать как полнозначные глаголы. Комплекс глагол — имя, возникающий на основе таких глаголов, свободен как словосочетание, но в синтаксическом плане представляет единое целое, а именно глагольное сказуемое сложного состава.

Нет общего мнения о различиях между аналитическими лексическими единицами, фразеологическими единицами и свободными словосочетаниями. Это предмет особого исследования, в лексикологическом плане его глубоко разработал Н. З. Левит²⁴, синтаксический аспект функционирования данных единиц представляет собой большую и интересную проблему. Обще-признано, что и фразеологизмы, и свободные сочетания слов, и их аналитические эквиваленты должны изучаться на базе общих семантико-синтаксических закономерностей сочетаемости слов²⁵.

Quand tu es venue toute à l'heure, j'ai *perdu la tête* (S. Japrisot); Qui était cette Dénise? *Avait-elle joué un rôle* important dans ma vie? (P. Mondidno); Quand elle fut partie, Micky tomba dans un fauteuil et *fondit en larmes* (S. Japrisot). Отсутствие семантической двуплановости не позволяет отнести эти и им подобные структуры к фразеологизмам, однако более тесная спаянность элементов подчеркивается большей специфичностью значения глагола.

Глагольное сказуемое сложного состава может иметь структурное оформление, не совпадающее с прямопереходной структурой. В лингвистической литературе высказывается точка зрения, что предлог в таких случаях является более принадлежностью глагола, чем существительного²⁶: Je détestais ce rêve qui *tournait au cauchemar* et me faisait battre le coeur à tout rompre (M. Cardinal); La pluie *battait contre les vitres* à côté de mon lit (S. Japrisot); Il faisait nuit et bien que nous *entrions dans l'hiver*, l'air était tiède (P. Mondianot).

2. Конструкции с так называемым внутренним объектом²⁷.

От вышеприведенных они отличаются прежде всего тем, что основу их составляет первичнонепереходный глагол, что, видимо, и побудило Ж. Гугенейма определить объект при этих глаголах как внутренний, имплицитный. Например: *L'air sentait le vieux placard* (H. Troyat); *Avant que j'ai pu dire un mot, elle me cria son angouïsse moitié m'insultant, moitié me suppliant* (S. Japrisot).

Отметим, что возможен другой подход к анализу подобных конструкций: признание контекстуальной обусловленности сем переходности/непереходности в глаголе и подвижности данной категории устраняет необходимость объяснять присутствие постглагольного имени при непереходном глаголе. Статус этого имени определить пока трудно, во всяком случае, оно входит в состав сказуемого. В пользу данной точки зрения говорит также тот факт, что глагол *vivre*, который описывается Ж. Гугенеймом в конструкции *vivre une vie* (ADj), может иметь и другие постглагольные имена, которые трудно отнести к категории внутреннего объекта: *Je vivais un mauvais reve* (S. Japrisot); *J'ai vécu plusieurs années en Italie avec ma tante qui est morte en juin* (S. Japrisot).

3. Конструкции, являющиеся результатом прямой номинации и обозначающие телодвижения. Объект таких глаголов нельзя считать полноправным, поскольку он одновременно является частью самого субъекта. Действие, выражаемое глаголом, трудно определить как действие, направленное на объект; глагол и имя обозначают в этом случае целостное действие: *Il hocha la tête* (P. Mondiano); *Il haussa les épaules* (P. Mondiano).

4. Конструкции, представляющие результат прямой номинации, основная нагрузка в которых падает на глагол. Постглагольное имя структурно необходимо и не может быть опущено. В то же время эта позиция может быть замещена одним из существительных, близких по значению, без ущерба для смысла всего высказывания, но не может остаться незамещенной: *A une heure, la même nuit, elle frappait à la porte de la chambre de Do, hôtel Victoria* (S. Japrisot).

Иногда незначительность существительного подчеркивается заменой его на нейтральный по смыслу член: *Si, à minuit nous ne vous avons pas donné de nouvelles, Paula, allez voir Miffilin et racontez-lui l'histoire* (Y. Chase).

Глагольное сказуемое может быть расширено не только прямым объектом, но и косвенным, а также прилагательным, наречием, группой существительных обстоятельственного значения: *Vous avez quitté l'hôtel Castille parce que vous ne vous sentiez pas en sécurité là-bas* (P. Mondianot).

Эти и другие случаи контекстуальной обусловленности структуры французского глагольного сказуемого представляют собой богатый материал для лингвистического исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: *Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса. М., 1975; *Чейф У.* Значение и структура языка. М., 1975; *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.

² *Бенвенист Э.* Указ. соч. С. 23.

³ *Гак В. Г.* К проблеме синтаксической семантики//Инвариантные значения и структура языка. М., 1969.

⁴ *Ваксман Б. И.* Асимметрия и равновесие в языке//Лексико-грамматические исследования. Калинин, 1984. С. 6.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ *Виноградов В. В.* Основные вопросы синтаксиса предложения//Вопросы грамматического строя. М., 1955.

⁷ *Александров Н. М.* Проблема второстепенных членов предложения/Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1963. Т. 236.

⁸ См., в частности, структуралистские концепции, которые представляют схему взаимоотношения слов в предложении в форме дерева или стеммы.

⁹ *Хомский Н.* Указ. соч. С. 65.

¹⁰ *Willem D.* Syntaxe, lexique et sémantique. Les constructions verbales. Gent, 1981.

¹¹ *Pottier B.* Introduction à l'étude des constructions fondamentales. Nancy, 1968.

¹² О классификации сказуемого см.: *Regula M.* Inventaire de la syntax française//Mélanges Delbouille. Paris, 1964. Т. 1. Р. 521—541.

¹³ *Бархударов Л. С.* Структура простого предложения в современном английском языке. М., 1966. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 114.

¹⁵ *Адмони В. Г.* Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955.

¹⁶ *Юрченко В. С.* Простое предложение в современном русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1972.

¹⁷ *Александров Н. М.* О предикативном отношении//Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. М., 1975. С. 139.

¹⁸ О неавтономности французского слова см.: *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

¹⁹ *Гак В. Г.* Проблемы лексико-грамматической организации предложения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1968. С. 30—40.

²⁰ Там же. С. 47.

²¹ *Кручинкина Н. Д.* Некоторые закономерности формирования структурно-семантических отношений в глагольном словосочетании и несвободные сочетания слов//Лексико-грамматические исследования. Калинин, 1984.

²² *Бурло В. Д.* Семантико-синтаксическая классификация прямопереходной структуры в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1973.

²³ *Кручинкина Н. Д.* Указ. соч. С. 69.

²⁴ *Левит Н. З.* Аналитическое слово в современном французском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1969.

²⁵ *Почепцов Г. Г.* О принципах синтагматической классификации глаголов//Филол. науки. 1969. № 3.

²⁶ *Geugenheim G.* L'objet interne et catégories sémantiques des verbes intransitifs//Mélanges Delbouille. Paris, 1964. Т. 1. Р. 271.

²⁷ *Сухарева Т. Я.* К проблеме функциональной дифференциации постглагольного беспредложного имени существительного в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.

От общероманского Галлия и Иберия унаследовали два варианта конструкции Part. Perf. Pass.+haveo: так называемые «прямую» форму, т. е. V(erbum) + P(articipium) + O(biectum), где между V и P эпизодически могли ставиться некоторые наречия и местоимения, ср. ст.-окс. ai ben fach, ст.-фр. (je) ai bien fait, ст.-исп. he bien fecho и «инверсивную» форму, т. е. P+V, где между компонентами конструкции могли помещаться только безударные личные местоимения типа fait l'ai, fach i avia, fecho me a². Рядом с ними в средневековой Франции возникает и постепенно распространяется на Испанию и Италию тмесис, или «разорванная» форма, т. е. V+O+P, ср. *ChR* 1039 Dist Oliver: — Jo ai raïens veüz. Появление ее датируется с точностью до нескольких десятилетий: ее еще нет в древнейших французских памятниках IX—X веков³, но она уже присутствует в староокситанском «Житии св. Веры» (середина XI в.), «Боззии» и старофранцузском «Житии св. Алексея». В оксфордской версии «Песни о Роланде» (первая четверть XII в.) из общего числа 363 аналитических форм с aveig мы находим 63 «разорванные» конструкции (далее сокращенно — РК) и 28 инверсий. Как соотносятся они друг с другом?

«Песнь о Роланде», как и большинство эпических и ранних агиографических поэм, в том числе и вышеупомянутые памятники XI века, написана десятисложником 4+6 с ассонансной рифмой⁴. Для нас существенно, что этот эпический десятисложник не допускает так называемого «переноса» (или enjambement⁵), т. е. каждый стих содержит одно, реже два разделенных цезурой предложения. Начало стиха, а иногда и полустихия, таким образом, обязательно совпадает с началом предложения и при синтаксическом анализе должно учитываться в не меньшей степени, чем конец предложения — рифма.

Инверсии. Согласно закону Тоблера — Муссафия в абсолютном начале романского предложения первоначально не могли находиться энклитики, т. е. безударные личные местоимения и вспомогательные глаголы⁶. Соответственно в этой позиции возможны только инверсивные формы прошедших времен, как, по-видимому, и по сей день практикуется в Сицилии и Сардинии⁷ и частично при эмфатическом выделении действия в румынском⁸. «Песнь о Роланде» еще сохраняет этот ранне-романский узус: инверсии появляются либо в начале стиха, напр.: *ChR* 321 Oït l'avez: sur vos le jugent Franc, ср. 126, 199, 1148, 1192, 1903, 2005, 2119, 2148, 2167, 2333, 2700, 2751, 2756, 3132, 3431, 3498, 3570, 3591 и 3986, либо после цезуры в начале второго предложения, напр.: *ChR* 486 Freint le seel, getét en ad la cire, ср. 876, 2895, 3374. Только два примера нарушают правило, а именно *ChR* 1367 Danz Oliver trait ad sa bone espee

(ср. 721 Guenes li quens l'ad de sur lui saisie, а также 266, 619, 754, 824 и т. д.) и *ChR* 3933 E si parent, ki plaidèt unt per lui (ср. 2500 Lacièt sun elme, ki est a or gemmèt). Их следует рассматривать как обыкновенную вариацию, может быть, с оттенком некоторой «эпизации» уже довольно позднего текста: XII век, в отличие от эпического XI, это век трубадуров и куртуазной поэзии. Наконец, стих 1806 De ço qui caitI sag demurèt i unt trop содержит лишний слог. Издатели обычно убирают наречие i, сохраняя вариативную инверсию, но, возможно, следует устранять sag: анализирующие вставки характерны для оксфордской рукописи.

«Разорванные» конструкции. Во всех 63 примерах РК причастие стоит в рифме, вспомогательный глагол после цезуры, а в промежутке между ними располагаются: а) прямые дополнения, напр.: *ChR* 62 Li reis Marsilie out sun cunseill finèt, ср. 193, 236, 442, 523, 525, 540, 703, 707, 972, 1039, 1374, 1457, 1555, 1601, 2042, 2445, 2480, 2866, 2951, 3144, 3324, 3362, 3520, 3649, 3650, 3660, 3928, 3990; б) подлежащие, выраженные существительным: 164 Messe e matines ad li reis escultèt, ср. 670 (полный повтор), а также 449, 535, 1451, 1677-1884, 1998, 2054, 2176, 2526, 3068, 3733; в) обстоятельства места и (реже) образа действия, выраженные оборотами: 345 Esperuns d'or ad en ses piez fermez, ср. 444, 446, 584, 721, 754, 1369, 2160, 2204, 2374, 2610, 2781, 3356, 3362, 3863; г) предикативные определения: 122 Blancandrins ad tut premereins parléd, ср. 1957-3929, 2161, 2953. В случае стиха 441 Li reis Marsilies ad la culur müee мы, по-видимому, имеем дело со свободным словосочетанием (ср. мнимую инверсию 2250 Cruisiedes ad ses blanches mains, les beles); спорны и 2866 Vers lur país avreit sun chef turnèt; 3520 Li amiraill ad sa barbe fors mise, включенные нами в число РК.

Те же характеристики свойственны РК и в текстах XI в., напр.: *S. Foy* 75 Fort d'ell' a Deus est segl' onrad, ср. 69, 167; *Boeci* 108 o es eferms o a afan agut, ср. 167, 181; *S. Alex.* 118 A lui medisme unt l'almosne dunethe; 276 Trente quatre ans ad si sun cors penet, ср. 143, 280, 288, 341, 397, 559. В памятниках X в. мы застаем более раннее состояние: поставленное в рифму причастие увлекает за собой вспомогательный глагол, тем самым отбрасывая прочие члены предложения к его началу, напр.: *Pass.* 89 Et a cel di que dizen Pasces /cum la cena Iesus oc feita; 341—2 Ioseps Pilat mult a preiat /lo corps Iesu qu'el li dones. Как поэтическая вольность эти «смешенные» конструкции представляют собой совершенно закономерное явление (ср. с простым глаголом у Лафонтена: *Fables* 1,6 Puis en autant de parts le cerf il (le lion.—*А.Ч.*) dépeça) и встречаются, например, в румынской поэзии, ср. у Эминеску: Cînd sufletu-mi noaptea veghea în estaze, /Vedeam ca în vis pe-al meu înger de paza, /C-asupra-mi c-un zîmbet aripele-a-ntins («Înger de paza»). Ni-

meni de-a plînge n-are: el traiul si-a trait («Imparat si proletar»). Но во Франции, несмотря на наличие флексии, позволяющей четко различать падеж субъекта и объекта в большинстве типов склонения, по не вполне еще ясным причинам начал практиковаться разрыв аналитической формы, вернувший вспомогательный глагол на его «романское» место в середине предложения, вследствие чего «смещенные» конструкции уже в XI в. практически выходят из употребления. Немногие исключения обусловлены либо эмфазой, как, например, в *S. Alex.* 145 *Sa grant onor a grant duel at atornede*, либо требованиями эпической вариации, ср. *Gorm.* 499 *Loevis ad sa gent justee* и 520 *Loevis ses genz ad justez*. Тем удивительнее, что в «Песни о Роланде» насчитывается 25 (!) «смещенных» конструкций. Они, разумеется, заслуживают специального рассмотрения.

«Смещенные» конструкции. Г. Морф, автор обстоятельного исследования порядка слов в «Песни», не выделяет этого типа из подгруппы О—V—Р⁹, так что в научной литературе он совершенно не известен. Между тем он весьма примечателен уже хотя бы своим явным параллелизмом типу РК: «смещаются» преимущественно прямые дополнения, напр. 69 *Des plus feluns dis en ad apelez*, ср. 2132, 2173, 2240, 2299, 2614, 2762, 2820, 2824, 2968, 3318, 3327, 3328, 3402, 3564, 3655, 3748 плюс два несколько сомнительных примера во втором предложении, 2094 *S'i out d'icels ki les chefs unt perdut* и 3843 ... *ki jugement ad fait*, ср. приведенную выше инверсию 3933, тоже после *ki* (отметим попутно, что во втором предложении засвидетельствовано только 4 РК: уже цитированный стих 1039 и три случая после *si*: 523 ... *si ad sun tens usét*, ср. 2042 и 2480) и предложные группы, напр.: 1141 *E l'arcevesque de Deu les ad seigneur*, ср. 1150, 1384, 2290, 2306, 2352, 2390, 2948, 3749, 3823 (все в первом предложении, как и соответствующие РК). Пропорция несколько нарушается подлежащими, где 13 РК соответствует только одно смещенное (стих 2008). Сопоставление «разрывов» (РК) и «смещений» (СмК) следует производить не только в целом, но и по тысячам (см. табл.):

Стихи	1—1000	1000—2000	2000—3000	3000—4002
Варианты	РК СмК	РК СмК	РК СмК	РК СмК
Прямые дополнения	10 1	15 0	5 10	9 8
Предложные группы	6 0	6 3	5 5	3 2

Подлежащие	4	0	4	0	3	1	2	0
Предикаты	1	0	1	0	2	0	1	0
Всего	21	1	10	3	15	16	15	10

Неожиданный и очень резкий рост числа «смещенных» конструкций во второй половине поэмы не имеет аналогий в старо-французском эпосе, где РК доминируют, а СмК представлены единичными примерами, например в «Паломничестве Карла Великого» (середина XII в., 875 стихов) соотношение 13:1 при общем числе 95 АФ (аналитических форм) (РК: 61, 199, 250, 330, 440; 446, 549, 583, 635, 750, 773, 865, 869; СмК *Pel. 362* Et tant cum l'emperere cele parole at dit); в «Поэме о Гийоме» (начало XIII в., 3554 стиха) 95:3 при 375 АФ (СмК: *ChG* 1879 A cel cop sa bone espee a mustré, ср. 1945 и 2073); «Рауль де Камбре» (конец XII в., 5555 стихов): 143:3 при 525 АФ (СмК: *RdCam.* 1717 Par tel vertu le chief li a brisie, ср. 650, 1900) и т. д. Известную параллель можно усмотреть, пожалуй, лишь в «Романе о Тристане» Томаса (около 1170, 5 фрагментов общим числом 3144 стиха), где автор, изысканный стилист, с самого начала полностью отказывается от, видимо, уже давно ставших банальными РК в пользу инверсий, число которых у него необычайно велико: 30 в начале стиха, одна в середине: *Trist.* 2224 Quant jo perdu ai mon deport и 17 в рифме (стихи 34, 362, 372, 444 и т. д.), т. е. всего 48 при 15 (!) РК и общем числе 202 АФ. «Смещенных» конструкций там вообще нет, что и неудивительно, так как «Тристан» Томаса написан восьмисложником и является одним из признанных шедевров куртуазной поэзии. Объяснение трактовки АФ в «Песни о Роланде» предлагает нам испанский народный эпос — «Поэма о моем Сиде».

В «Поэме о Сиде» РК практически нет: единственный пример, стих 2454 de veinte arriba ha moros matado, сомнителен в ряде отношений (напр., ha после цезуры, см. *Pidal* 1908, т. 1, § 205, с. 413; тмесис veinte... moros, *ibid.*, § 206, с. 416 и т. д.) и является, видимо, позднейшей вставкой. Напротив, число СмК там значительно, как при позиции причастия в рифме, напр. *Poema* 160 Martín Antolínez el pleito á parado, ср. 617, 760, 784, 794, 801, 846, 1009, 1419, 1725, 1733, 1751, 1798, 2255, 2259, так и при смещении в рифму инверсивной формы, напр. 1400 El grey por su merced sueltas me vos ha, ср. 1149, 1408, 1429, 2424, 2877, 3250. Но «смещенные» конструкции и инверсии в рифме — это узус древнейших французских памятников X в., откуда можно заключить, что он распространялся и на созданные на рубеже

XI в. древнейшие французские эпические поэмы — несохранившиеся *Entrée d'Espagne*, *Roncevaux* (предполагаемый прототип «Песни о Роланде») и, может быть, некоторые другие¹⁰. Вполне вероятно, что именно к этим поэмам восходит примитивная синтаксическая организация стиха староиспанского эпоса, дошедшая до нас благодаря единственной рукописи XIV в. «Поэмы о моем Сиде».

Таким образом, 25 «смещенных» конструкций оксфордской версии «Песни о Роланде» следует отнести не только на счет вариации, но и своего рода «эпической реминисценции»: автор явно воспользовался синтаксической моделью, бытовавшей в раннем эпосе, причем сделал это вовсе не механически, заимствуя целиком традиционные эпизоды, а вполне сознательно и творчески: 15 СмК приходится на введенный им самим эпизод с эмиром Балигантом (стихи 2609). Отметим также полное отсутствие инверсий в рифме: в этом пункте поэт строго придерживается реформы XI в., ср. «Житие св. Веры», «Боэций», «Житие св. Алексея» и фрагмент архаичной эпической поэмы «Гормонд и Изембард», где их нет, и «Поэму о моем Сиде», в которой на 170 АФ падает 47 инверсий (27,6 %), в том числе 18 в рифме. В этой выборочности архаизации, открывающейся нам из сравнений, подсчетов и таблиц, несомненно, отражается одна из граней того высокого мастерства, что и по сей день не перестает восхищать читателей оксфордской версии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В статье использованы следующие тексты: *Boeci — Lavaud R., Machicot G. Boécis: Poème sur Boèce (Fragment)*. Toulouse, 1950; *ChG — La Chanson de Guillaume*/Publ. par Mc Millan D. I—II. Paris, 1949—1950; *ChR — La Chanson de Roland*/Ed. crit. a cura di Segre C. Milano; Napoli, 1971; *Gorm. — Gormont et Isembart*/Publ. par Bayot A. Paris, 1914; *Pass. — Avalle D'A.S. Cultura e lingua francese delle origini nella «Passion» di Clermont-Ferrand*. Milano; Napoli, 1962; *Pèl. — Le Pèlerinage de Charlemagne*/Publ. par Cooper A. Paris, 1925; *Poema — Poema de mio Cid*/Publ. por Michael I. Madrid, 1980; *RdCam. — Raoul de Cambrai*/Publ. par Meyer P., Longnon A. Paris, 1882; *S. Alex. — Sankt Alexius*. Hgg. v. Rohlf G. Halle, 1950; *S. Foy — Hoepffner E., Alfarc P. La Chanson de Sainte Foy*. I—II. Paris, 1926; *Trist. — Le Roman de Tristan* par Thomas/Publ. par Bédier J. Paris, 1902.

² Черняк А. Б. Формирование общероманского аналитического прошедшего в свете ареальной теории//Вопросы строя индоевропейских языков. М., 1975. Ч. I. С. 151—161.

³ Busse A. Die Congruenz des Participii Praeteriti in aktiver Verbalkonstruktion im Altfranzösischen: Diss. Göttingen, 1872. S. 25; Völcker B. Die Wortstellung in den ältesten französischen Sprachdenkmälern//Französische Studien. 1882. Bd III. S. 476.

⁴ Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 1983. С. 12.

⁵ Жирмунский В. М. Теория стиха. Л., 1975. С. 151.

⁶ Meyer-Lübke W. Grammatik der romanischen Sprachen. Bd III. Syntax. Leipzig, 1899. § 718, 724.

⁷ Rohlf G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. I—III. Torino, 1966—1969. III. P. 323—324.

⁸ Черняк А. Б. Аналитическое прошедшее с а avea в румынском языке.

Варианты конструкции и их синтактико-стилистическая характеристика//Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л., 1979. С. 135—140.

⁹ Morf H. Die Wortstellung im altfranzösischen Rolandslied//Romanische Studien, 1877. Bd 3. S. 141—142.

¹⁰ Aebischer P. Préhistoire et protohistoire du Roland d'Oxford. Berne. 1972. P. 234—280.

В. И. Томашпольский
(Свердловск)

**РЕАЛИЗАЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ТЕКСТЕ
И РЕКОНСТРУКЦИЯ ДИАЛЕКТОВ
ОБЩЕРОМАНСКОГО ЯЗЫКА
(сардороманские парадигмы)**

Хорошо известно, что латинские свидетельства почти ничего не дают для восстановления территориальных особенностей общего источника романских языков¹. Не менее хорошо установлено и то, что язык, долгое время употребляемый на обширной территории, не останавливается в развитии, не остается единым, однородным, бездиалектным². Общероманский праязык не был в этом отношении исключением. При отсутствии прямых свидетельств самым эффективным средством восстановления диалектных расхождений будет сравнительно-историческое изучение языков с акцентом на реконструкции праязыковых состояний³. Реконструкция такого рода должна опираться на определенные принципы, наиболее существенный из которых — ретроспективное поэтапное продвижение от романских свидетельств к эпохе образования общероманского праязыка. Так, например, для воссоздания истории и диалектных особенностей прароманской глагольной системы необходимо вначале, сопоставляя языки и диалекты по подгруппам, реконструировать предысторию этой подсистемы для отдельных романских областей (для Иберии, Галлии, Ретии, Италии, Балкан, Сардинии), а потом, сравнивая факты всех романских языков, высказать предположения о первоначальном романском состоянии. В рамках этой статьи обсуждаются результаты реконструкции истории глагольных окончаний для сардороманской зоны до начала письменной традиции⁴.

1-я форма. Общая флексия (т. е. флексия всех парадигм, кроме перфектной и императивной) была *-Ø. Она засвидетельствована со старосрд. времен в през. кон. kante, dorma, venda; импф. инд. kantava, dormia, vendea/-ia (старолор.), kantaba, dormea, vendea (старокамп.); импф. кон. kantare, dormire, vendere (старолор.), kantessi, dormessi, vendessi (камп.). В през. инд. было *-о. Оно сохранилось в центральной Сардинии, но перешло в -и на юге: kanto, dormo, bendo (лог.), kantu и т. д. (камп.). Прочие показатели вторичны.

Перфектная флексия была *-(v)i. Она засвидетельствована в старолор. в I спр. обычно в виде -i, в отдельных случаях -vi (Condaghe di S. Pietro di Silki 43: andavi e llevaindela); во

II спр. всегда в виде -vi. Старокамп. тексты дают -i или -Ø как результат слияния -i с предыдущим гласным (*-ái>*-éi>*-é; *-íi>*-í); в совр. камп. говорах, где сохранились старые перфекты, всюду -í.

Реконструкция перфектной флексии связана с общероманской проблемой согласного элемента -v/-u- (то же для 3—4 форм), суть которой состоит в определении первоначальных романских окончаний перфекта. Одни ученые, опираясь главным образом на латинские данные, приходят к выводу о первичности прототипов -(á)i, -(í)i⁵; другие, обращаясь в первую очередь к романским рефлексам, не исключают возможности существования исходных рефлексов -(á)vi, -(í)vi или -(á)ui, -(í)ui⁶. Не претендуя на окончательное решение проблемы, заслуживающей отдельного углубленного исследования, отметим, что пересмотр данных вынуждает согласиться скорее со второй точкой зрения, чем с первой: 1) кроме сардинских, в пользу первичности *-vi/-ui свидетельствуют италороманские факты: partivi, audivi (Латини, Данте), candavə, partivə (Абруцци, Молизе), spartib^h/iv/-eib^h (Лукания), cantavi, partivi (Калабрия, Сицилия), cantavu, partivu (Сицилия)⁷; 2) некоторые из перечисленных рефлексов могут быть признаны вторичными, но то, что соответствующие образования засвидетельствованы на юге Италии, в Сицилии и Сардинии, т. е. в самых архаических романских ареалах, достаточно для предположения об этимологическом характере лабиального согласного по крайней мере у части отмеченных словоформ; 3) данные других романских языков, не подтверждая предположения о сохранении *-v/-u-, не противоречат такой гипотезе; 4) утрата -v некоторыми глаголами в письменной латыни не исключает сохранения его эквивалента у этих глаголов в общероманском; как в классическом, так и в народном языке могли быть в ходу маркированные или свободные варианты словоформ на -ii/-ivi/-iui.

2-я форма. Общая флексия вначале была *-s. Она засвидетельствована во всех соответствующих парадигмах в старосрд. и новых диалектах: kantas, kantes, kantabas и т. д. В некоторых современных говорах -s получает парагогическое наращение (-sa, -si, -se) и подвергается озвончению (-za, -zi, -ze). В камп. и северолог. в импф. инд. встречаются перфектные морфемы -sta, -sti, потеснившие общую флексию из-за сближения и формального обобщения показателей прошедшего времени в отличие от настоящего. То же в 5-й форме.

Перфектная флексия была *-sti. Она сохранилась в старосрд. и некоторых новых срд. говорах: kantasti (старолог.), kantasti, podesti (совр. лог.). Другие варианты позднего происхождения.

Императивная флексия в сардороманском была *-Ø. Это следует из ст. и совр. срд. kanta, dormi, vende и т. д.

3-я форма. Общая флексия была *-t. Она встречается в старосрд. и в современных диалектах: през. инд. kantat, dormit, vendet (старосрд.), domat, finit, fakēt (нуор.); импф. инд. kantavat (старолог.), kantaat (старокамп.) и т. д. Многие современные говоры отражают ее дальнейшее развитие, связанное с парagogическим повторением характерного гласного (kantata, finiti, fakete), озвочением (kantada и т. д.) и спирантизацией (kanta^hda и т. д.).

Перфектная флексия была представлена вариантами *-vit/-it/-t. Она нашла отражение в старосрд. текстах: kantait, kantat, finivit, fakivit (старолог.), prestit, cunversait, narrait, narredi; kanta^hit, kantet, kantedi, -^hdi; finiit, finit, finidi, -^hdi; fakiit, fakit, fakidi, -^hdi (старокамп.); сильные формы: vidit, tennit, bennit, stettit, bolvit. Первичный характер согласного *-v- подтверждается фактами других романских языков: старонорманскими формами типа cantavi, луканским spartib^had^h, сицилийскими cantau, parti^hu, старопортугальскими и леонскими parti^hu, староверхнеэнгадинскими cumand^ho, dumand^ho, clam^ho, где -o может восходить к *-au. Статус элемента -v- обсуждается выше (см. 1-ю форму).

4-я форма. Общая и императивная флексия была *-mus. Она сохранилась в старолог., старокамп., совр. битти-нуор., совр. лог. наряду с другими флексиями: през. инд. kantamus, finimus, fakemus, fakimus; импф. инд. kantamus, kantaiamus; през. кон. kantemus, finamus, fakamus; импф. кон. kantaremus, finiremus, fakeremus и т. д. Прочие новосрд. варианты возникли в результате преобразования или замены исходной морфемы.

Перфектная флексия употреблялась в сардороманском в трех вариантах: *-vimus/-imus/-mus. Эти показатели засвидетельствованы в старых и новых срд. диалектах, например в старолог. ponevimus; transmutaimus, pastinaimus (только в I спр.); appimus, fumus. Первичный характер *-v- подтверждается италороманскими данными: южнолук. spart^hewm^h/-imm^h, fac^hewm^h/-imm^h, b^heb^hewm^h/b^harrimm^h, итальянские cantammo, partimm^h, где -mm- может восходить к *-um < *-uim. Статус элемента -v- обсуждается выше (см. 1-ю форму). Ст. и совр. камп. формы на -gus (cambiarus, adcordarus, girarus, kerterus, partirus) образовались в результате переноса -г- из 6-й формы. То же в разных лицах в испанском (арагонском диалекте), каталанском, окситанском, ретороманском, итальянском и румынском языках.

5-я форма. Сардинские данные заставляют предположить для общей флексии два прототипа *-tes/-tis. Первый из них засвидетельствован в старолог. текстах, совр. битти-нуор. говорах (kantates, dormites, fakites) и нашел продолжение в нескольких рефлексках: -des из -tes: kantades, dormides, bidides и т. д.; -^hdes из -des: kantades, dormides; dormiabad^hes, dormiba-

[^]des (нуор.); -dzes (Нуоро), -dzes (Фонни), -dzeze (Битти) с особым развитием интервокального согласного, его озвончением и наращением парагогического гласного; -es, -eze (Фонни) из [^]-des, [^]-deze в результате утраты согласного компонента.

Прототип *[^]-tis прямо не засвидетельствован, но восстанавливается с достаточной степенью достоверности на основании следующих срд. рефлексов: -dis (камп.), [^]-dis (Urzulei), -dzis (северолог., нуор.); -is (камп.); -zi: dormizi, fakizi (Доргали), где парагогическое -i может указывать на утраченный гласный компонент того же качества, т. е. *dormitis > *[^]-i(ti)si > -ízi. Реконструкция гласного *[^]-i- подтверждается италороманским материалом, а именно сицилийскими, корсиканскими, салентинскими, венецкими словоформами на -ti, -di: aviti, putiti, vuliti, partiti, калабро-луканскими формами с парагогой -i: cantasi, avisi, facesi из *kantátisi, *avítisi, *facétisi, диалектными формами с перегласовкой -ê- в -î- под влиянием гласного *[^]-i- флексии *[^]-tis: сицилийскими примерами типа aviti, калабро-луканскими avisi, неаполитанскими avitê, старолломбардскими avi, для которых можно предполагать развитие *abétis > *avítisi > avísi или *abétis > *avéti > avíti, avítê или avíti > *avii > aví⁸. Прочие показатели вторичны.

Перфектная флексия была *-(i)stis. Оба варианта засвидетельствованы в старолог. kantaistis, fistis, istis. Статус форм типа kantaistis (с -ai-) не ясен. Не имея соответствий в других языках, они могут быть как первичными (сохранение общероманского типа), так и вторичными (аналогия по 1 -ai, 3 -ait, 4 -aimus; ср. 2-ю форму). Исходные варианты дали рефлексy с аффрикатой, а кое-где с парагогическим наращением и озвончением конечного -s: kantaidzis (Синискоала), kantadzis (Падриа, Кульери), fudzis (северолог.: Барбаджа), fidzis (северолог.: Нуоро), fudzizi, udzis (Планарджа), fudzis, udzis (Фонни, Оргосола), kantedzis, vendedzis, andedzis, fudzis (лог.). В отдельных совр. говорах встречаются варианты окончания с гласным -e- вместо -i- (vois kantaiadzes, AIS K. 1700, P. 938), образовавшиеся в новое время под влиянием общей флексии -tes из-за смешения парадигм прошедшего времени (см. 2-ю форму).

Императивная флексия была *[^]-te/-ti. Морфема *[^]-te засвидетельствована в старолог. kantate, dormite, fakite и нашла продолжение в регулярных рефлексах -de, [^]-de, -e (kantade, kantade, kanta[^]e). Морфема *[^]-ti в первоначальном виде не сохранилась, но в совр. камп. диалектах употребляется ее рефлекс -i (kantái, finéi, fakéi), фонетически не связанный с первоначальным *[^]-te. Для его объяснения постулируют позднюю аналогию по 5 през. инд. -is, прежде всего потому, что во II—III спр.

характерный гласный в инд. и импер. -é-, а не -î-, как в старолог. (старокамп. формы не обнаружены) ⁹. Иначе говоря, предполагают, что существовало, например, соотношение 5 през. инд. vendéis: 5 импер. *vendie, в котором окончание импер. пере-строилось по инд., откуда 5 vendèi. Если учесть, что совме-щение форм инд. и импер. наблюдается практически во всех романских областях, становится ясно, что гипотеза о поздней аналогической перестройке импер. по инд. необязательна. Более вероятно, что обобщение форм и флексий произошло еще в общероманскую эпоху. В Сардинии оно привело к выравниванию общей и императивной флексий: *-tes/-tis, *-te/-ti ¹⁰.

6-я форма. Общая флексия была *-n(t). Конечный соглас-ный засвидетельствован в старых и новых срд. диалектах: старокамп. kantant, kantaant, kantarint, совр. северолог. kantant и т. д. Вариант -n встречается в разное время в центре: старолог. kantan наряду с kantant, kantavant; совр. нуор. doman, faken, finin, den, an, sun. Ясно, что *-n образовался из более древнего *-nt, но начало процесса относится к общероманским временам. В силу особенностей фонетического строя сардороманских диалектов оба варианта могли получать парагогиче-ское наращение по характерному гласному, а потому со старосрд. эпохи встречаются варианты -nta (kantanta, énta «sono»), -nti (fininti, fakinti), -ntu (suntu), характерные для камп. говоров, и -на (kantabana, kantana); -ni (dormini), -ne (fakene), -по (sono), свойственные центру.

Перфектная флексия была *-run(t). Она нашла отражение в старосрд. текстах: bennerunt, steterunt, kerferunt, lessirunt,

Сардороманские флексии по итогам реконструкции

	Латинские	Общероман-ские	Сардороман-ские	Сардинские
--	-----------	----------------	-----------------	------------

Общие флексии

1	o m, r	*o *Ø	*o *Ø	o Ø	u o, mu
2	s, ris	*s	*s	s	sa, si, se; za, zi, ze; sta, sti
3	t, tur	*(t)	*t	t	ta, ti, te; da, di, de; [^] da, [^] di, [^] de
4	mus, mur	*mus	*mus	mus	us, muzu, uzu; mos, mas, mis stus
5	tis, mini	*ti(s) *te(s)	*tis *tes	dis tes	[^] dis, dzis, is, zi des, [^] des, dzes, dzcs, dzeze, es cze; das, dzas; stis
6	nt, ntur	*n(t)	*n(t)	n(t)	nta, ntui; na, ni, ne, no; nis, ntis

Перфектные флексии

1	i	*(u)i	*(v)i	(v)i	i
2	sti	*(i)sti	*sti	sti	t̃ti, s, is, za
		*(i)ste			
3	t	*ui(t), *u(t)	*(v)it *t̃	v(it) t̃	di, dĩ, zit
		*i(t), *(t)			
4	mus	*(u)imus *(u)mus	*(v)imus *mus	v(imus) mus	mis, rus
5	stis	*(i)stis *(i)stes	*(i)stis	(i)stis	(i)dzis, dzis, dzizi; dzes
6	runt, re	*run(t)	*run(t)	run(t)	in(t), (i)ni, na

Императивные флексии

2	Ø, re	*Ø	*Ø	Ø	
4	mus, mur	*mus	*mus	mus	
5	te, mini	*ti(s), *te(s)	*te, *ti	te, i	de, dẽ, e

voluerun, apperun, remaserun, viderun, acordarun, narrun. Прочие показатели возникли по аналогии или в результате фонетических преобразований: -int, -in, -ini — аналогия по 3 -ait с прибавлением общей флексии -n(t) и парагоги: kantaint (лог. с XVI в.), kantéini, vendéini, andéini (совр. лог., AIS K.1700, P. 923), kantaini (Барониа, Планарджа); -ni — результат упрощения -ini, на что указывает парагога -i; funi, fini (из fuini), uni¹¹, ini (лог.); -na — общая флексия по аналогии с 3 -ta: kantana (AIS K. 1700, P. 938; ср. 3 kantata); -sint, -zint, -zini — распространение -si- из сильных сигматических перфектов на всю парадигму и на 6-ю форму в том числе: amesint, amezint, finezint, timezint, bessirini, riferisini, sentisini, andesisini.

Итоги реконструкции показаны в таблице. Сопоставление сардороманских флексий с общероманскими¹² и латинскими полностью подтверждает представление о Сардинии как об архаическом языковом ареале: во-первых, большая часть общероманских окончаний сохранилась здесь без изменений до начала письменной традиции; во-вторых, немногочисленные отличия сардинской системы от прароманской связаны не с изменением прототипов, а с выбором вариантов; причем для Сардинии реконструируются такие флексии, которые восходят к древнейшим общероманским прототипам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Сергиевский М. В.* Введение в романское языкознание. М., 1954. С. 75; *Реферовская Е. А.* Истоки аналитизма романских языков. М.; Л., 1966. С. 133; *Корлэтяну Н. Г.* Исследование народной латыни и ее отношений с романскими языками. М., 1974. С. 247; *Широкоева А. В.* Территориальная дифференциация языка. М., 1979. С. 25; *Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А.* Введение в романскую филологию. М., 1982. С. 93—95.

² См., например: *Степанов Г. В.* К проблеме языкового варьирования. М., 1979. С. 3—4; *Солнцев В. М.* Вариативность как общее свойство языковой системы // *Вопр. языкозн.* 1984. № 2. С. 31—42.

³ Реконструкция диалектных разновидностей общероманского праязыка на фонологическом уровне предпринята в работах *А. В. Широковой*: Указ. соч.; Сравнительно-историческая фонетика романских языков (ареалы Галлии и Балкан). М., 1981; Сравнительно-историческая фонетика романских языков Пиренейского полуострова. М., 1982 и др.

⁴ Использованные в статье материалы отобраны из следующих публикаций: *Hoffmann G.* Die logudoresische und campidaneseische Mundart. Marburg, 1885; *Wagner M. L.* Flessione nominale e verbale del sardo antico e moderno // *L'Italia dialettale*. 1938. Vol. 14; 1939. Vol. 15; *Pittau M.* Il dialetto di Nuoro. Bologna, 1956.

⁵ *Meyer-Lübke W.* Op. cit., § 269; *Zauner A.* Romanische Sprachwissenschaft. Berlin; Leipzig, 1921. Bd I. § 12; *Rohlf's G.* Historische Grammatik der Italienischen Sprache. Bern, 1950. Bd II. § 568; *Бурсье Э.* Основы романского языкознания. М., 1952. § 91; *Сергеевский М. В.* Указ. соч. § 70; *Maurer Th. E.* Gramática do Latim Vulgar. Rio de Janeiro, 1959. § 68; *Lausberg H.* Romanische Sprachwissenschaft. Berlin, 1962. Bd. III. § 824; *Väänänen V.* Introduction au latin vulgaire. Paris, 1967. § 330—335 etc.

⁶ *Wagner M. L.* Op. cit. § 127; *Tekavčić P.* Grammatica storica dell'italiano. Bologna, 1972. Vol. II. § 898; *Hall R. A. jr.* Proto — Romance morphology. Amsterdam etc., 1983. P. 83—85.

⁷ Более подробный фактический материал см.: *Meyer-Lübke W.* Loc. cit.; *Lausberg H.* Die Mundarten Südlukaniens. Halle, 1939. § 335, 362, 365; *Rohlf's G.* Op. cit. § 565—576.

⁸ *Lausberg H.* Op. cit. § 319; *Rohlf's G.* Op. cit. § 531, 588.

⁹ *Wagner M. L.* Op. cit. § 71.

¹⁰ Ср.: *Томашпольский В. И.* Реконструкция первоначальных романских императивов // *Лингвистические исследования 1983: Функциональный анализ языковых единиц*. М., 1983. С. 202—212; *Черняк А. Б.* Комментарий к реконструкции протороманского императива: (О статье В. И. Томашпольского «Реконструкция первоначальных романских императивов») // *Лингвистические исследования 1984: Историко-типологическое изучение разносистемных языков*. М., 1984. С. 229—236.

¹¹ В форме *unini* из *fuini* «*fugopo*» имеет место удвоение флексии *-ni*; см.: *Wagner M. L.* Op. cit. § 140.

¹² Обсуждение общероманских реконструкций выходит за рамки этой статьи. Отметим тем не менее, что восстанавливаемая нами система окончаний отличается от протороманской системы Р. А. Холла (*Hall R. A.* Op. cit. P. 47—100, особенно 51). Расхождения объясняются в основном тем, что реконструкции Р. А. Холла направлены на идеализированный исходный прототип, тогда как наши учитывают реальное временное и территориальное варьирование; кроме того, различия вызваны неодинаковым морфологическим членением словоформ.

Сокращения: импер.—императив, импф.—имперфект, инд.—индикатив, камп.—кампидапский, кнд.—кондиционал, кон.—конъюнктив, нуор.—нуорский, ппф.—плюсквамперфект, през.—презенс, пф.—перфект, совр.—современный, спр.—спряжение, срд.—сардинский, ст.—старый.

В. И. Радченко
(Пятигорск)

ДВОЙНЫЕ ПЕРФЕКТНЫЕ ФОРМЫ В ПРОЗЕ **У. БЕХЕРА и Г. КАНТА**

Двойное перфектирование в немецком языке — это глагольные временные формы типа «иметь/быть» + причастие II основного глагола + причастие II вспомогательного глагола. Это явление сравнительно недавно привлекло внимание германистов¹. Нами

проанализированы произведения 126 авторов, всего 334 предложения. Из них 103 со вспомогательным глаголом «быть» и 231 с глаголом «иметь» (выборка делалась в основном из произведений художественной литературы, хотя двойное перфектирование иногда встречается в текстах других видов литературы²).

Наибольшее количество двойных перфектных форм встретилось в произведениях У. Бехера (48 предложений, 6 с глаголом «быть») и Г. Канта (26 примеров, 3 из них с «быть»). В романе У. Бехера «Охота на сурков» на 631 страницу текста приходится 19 предложений с двойным [плюсquam]перфектом, то есть в среднем на 33 страницы одно предложение с более или менее частым употреблением этой формы. В таком же примерно объеме романа Г. Канта «Местопребывание» (599 с.) встретилось 13 предложений с двойным перфектированием, что в среднем составляет одно предложение на 46 страниц.

У У. Бехера анализируемая грамматическая форма употреблена в следующих произведениях: «Вскоре после четырех» — 11 раз, «Полька Катарина» — 4 раза, «Роман» — 4, «Мужчины ошибаются» — 3, «Экс-казино Вильяма» — 3, «Вся ночь» — 2, «Молодой человек возвращается к отцу», «Черная шляпа», «Сердце акулы», «Художник», «Приютские» — по одному предложению.

Г. Кант употребляет двойные перфектные формы в «Выходных данных» 4 раза, «Актном зале» — 2, «Биографии» — 2, «Мороз» — 1 раз. Двойная перфектная форма обнаружена и в его речи на VII съезде писателей ГДР.

В двойном [плюсquam]перфекте у У. Бехера и Г. Канта употребляются различные глаголы, у У. Бехера их 27, у Г. Канта — 13. Лишь немногие из глаголов повторяются. Г. Кант 13 раз использовал вспомогательный глагол в презенсе. У. Бехер сделал это всего лишь раз. В 30 предложениях у У. Бехера употребляется плюсквамперфект II, а в девяти из них — плюсквамперфект II конъюнктив. Следовательно, можно сделать вывод: формы двойного перфекта, употребляемые в художественных произведениях, не идентичны формам двойного перфекта в южнонемецком, служащим в нем заменой исчезнувших претерита и плюсквамперфекта³.

В 19 предложениях с двойным перфектированием У. Бехер опускает вспомогательный глагол. Кстати, вспомогательный глагол опускается не только в подобных случаях, что свидетельствует об особом стилистическом приеме У. Бехера в употреблении старой перфектной формы.

Обращение к двойным перфектным формам в прозе У. Бехера и Г. Канта продиктовано не только их более частой встречаемостью, чем у других писателей. У. Бехер и Г. Кант используют двойное перфектирование как специальный прием организации временных планов повествования.

Функции и роль двойных перфектных форм корректно анализируются на уровне текста, з. Б.: Endlich die Kühlerhaube. Der Abglanz der Schönwetterdämmerung *genügte* meinem sehstarken Auge zur Not: Das Vorderschutzblech, das rechte, *war beschädigt*. Ich *tastete* ungläubig darüber hin. Der Lack war über die ganze massige Wölbung hin *abgewetzt*, wie *wegrasiert* von einem wichtigen Streifer. *Mochte sein*, daß der Anprall das Blech bis zur Festklemmung des Vorderrads *eingedrückt gehabt*, daß eine Laienhand es wieder *zurechtgehämmert hatte*, denn es *fühlte* sich wellig an wie von zahlreichen gegen die Innenwand geführten Härmerschlägen⁴; Ich hatte den Jungen lange vergessen; er *ist einmal verschwunden gewesen*, zusammen mit seiner Familie, und niemand *hat* sie *vermißt*, ich *hatte* ihn *vergessen*, aber es *gab* dann Gründe für mich wieder an ihn zu *denken*⁵.

Как известно, в художественной прозе взаимодействие временных форм служит организации содержания. В немецком тексте наблюдается асимметрия между количеством глаголов и количеством событий. В цитате из У. Бехера линия повествования претеритальна. Предпрошедшие события описываются в плюсквамперфекте. Кульминационный момент выражен двойным [плюсквам]перфектом *ingerückt gehabt*. У Канта плюсквамперфект имеет отступ в предпрошедшее — двойной перфект, который представляет своеобразную пирамиду из различных глагольных временных форм.

У. Бехер и Г. Кант в некоторых случаях употребляют одни и те же глаголы то в плюсквамперфекте, то в двойном [плюсквам]перфекте наряду с другими глагольными формами. Своеобразная стилистическая игра глагольными формами создает особый ритм повествования: Ich wartete. Fräulein Schlafhase rief mich nicht an. Die Flurtür meines Kabinetts hatte ich gleich beim Einzug verriegelt gehabt, damals keine Vorsichtsmaßnahme, vielmehr weil ich für meinen Manuskriptschrankkoffer keinen anderen Platz gefunden als den Türrahmen. Mein Tasten befand den Koffer an seinem Platz⁶. У. Бехер часто опускает вспомогательный глагол при однородных предложениях; Г. Кант повторяет его: Einer hat mein linkes Bein gehalten, einer das rechte, einer hat den Arm in Gips besonders und vielleicht auch besonders sorgfältig geführt, und der Gärtner hat seine Arme unter meine Achseln geschoben und hat die knöchigen Hände auf meiner Brust gefaltet gehabt⁷.

Приведем некоторые глаголы, употребляемые в двойных перфектных формах У. Бехером: abgeben, absetzen, acgten, ansprechen, aushecken, bedecken, sich befördern, sich befeißigen, bemerken, sich deklarieren, sich drängen, entfahren, entführen, erblicken, erreichen, hören, inspirieren, sich melden, sehen, sich verlieben, vermeinen, verriegeln, verschmähen, sich verstricken, weiten, wittern u. a.; Г. Кантом: abstellen, anwelken, arbeiten, ausruhen, besorgen, falten, klären, richten, sehen, streicken u.a.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Радченко В. И. Существование двойного перфектирования в немецком языке/Пятигорск. пед. ин-т ин. яз., 1985. Деп. в ИНИОН АН СССР. 26.02.85. № 19723; *Он же*. Текстограмматическое объяснение двойного перфектирования в немецком языке//Структура и семантика сверхфразовых единиц в германских языках. Пятигорск, 1983; *Lang M.* Doppelperfekt und Doppelplusquamperfekt im Deutschen: Diplomarbeit. Köln, 1972; *Litvinov V.* Der doppelte Perfektstreckung im Deutschen//Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung/Akademie-Vrl. Brl., 1969. Bd 22. H. 1; *Sherebckow W. A.* Doppelt zusammengesetzte Zeitformen in Deutschen?//Deutsch als Fremdsprache. 1971. N 1.

² *Lindgren K. B.* Über den Oberdeutschen Präteritumschwund. Helsinki, 1957.

³ Ibid.

⁴ *Becher U.* Murgeljagd. Brl., 1977. S. 219.

⁵ *Kant H.* Akfenthalt. Brl., 1977. S. 470.

⁶ *Becher U.* Op. cit. S. 138.

⁷ *Kant H.* Op. cit. S. 382.

**И. Б. Хлебникова,
Н. Ф. Потапова
(Саратов)**

ПРОБЛЕМА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В СВЕРХФРАЗОВОМ ЕДИНСТВЕ

Прежде чем определить лингвистические аспекты построения текста в плане распределения в нем языковых средств, осуществляющих содержательную связь его элементов, следует остановиться на вычленении той текстовой единицы, в рамках или за рамками которой осуществляется подобная связь. Обилие советской и зарубежной литературы по данному вопросу указывает на сложность этой проблемы. Трудность вычленения сверхфразового единства (СФЕ) как основной единицы анализа текста заключается в зыбкости границ этой единицы, которую большинство исследователей определяют как линейное единство, состоящее из последовательности предложений¹. При этом подчеркивается интонационное оформление, законченность смысла (мысли) и различные структурные характеристики этого единства². Различные концепции акцентируют тот или иной момент в трактовке рассматриваемого явления (сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, суперфраза, прозаическая строфа, компонент текста и т. д.). Однако единицу анализа текста следует выделять прежде всего как смысловое единство, цепочку предложений, объединенных общей микротемой³. Под СФЕ, вслед за С. И. Гиндиным, мы понимаем структурно-смысловое единство, где ведущей является семантическая связность, а «синтаксическая выступает как средство поддержания семантической»⁴.

Целостность, связность текста обеспечивается языковыми средствами. Каковы же языковые средства, благодаря которым текст воспринимается как связанное целое, а не как набор предложений? Видимо, нельзя полагаться только на «интуитивную

ясность связности текста»⁵. Исходя из того, что текст — индивидуальное речетворческое произведение и в построении каждого текста неизбежна произвольность, нельзя установить «жесткий» принцип его организации, однако можно выявить признаки, наличие которых будет достаточным условием его единства. В СФЕ действует коррелятивная связь, проявляющаяся в лексических, лексико-грамматических сигналах связи. Единицы, обеспечивающие связность текста, прежде всего лексические и грамматические, многообразны. В реальных текстах все виды связи функционируют в тесном единстве, они одинаково важны для понимания текста. Однако в каждом отдельном тексте возможно преобладание одного или нескольких средств, объединяющих предложения в тексте, над другими, что объясняется индивидуальным стилем автора, жанром текста, его принадлежностью к определенному функциональному стилю.

Рассмотрим лексические (лексико-семантические) средства связи компонентов текста (когезии⁶), создающие корреляции, которые обеспечивают внутреннюю организацию текста. Анализ лексических корреляций проводится в пределах СФЕ.

Исследователи не пришли пока к универсальной классификации средств связи, что, возможно, объясняется их многообразием. Мы относим к лексико-семантическим такие корреляции в тексте, как кореференция, различного вида повторы (полный, частичный, синонимический), корреляции антонимические, гипонимические, гиперонимические, корреляции при помощи слов, относящихся к одной теме, со словами имеющими обобщающее значение, а также отношения единиц, связанных при помощи конверсии.

Одним из важных видов содержательной связи между предложениями в пределах СФЕ является кореференция. Под кореференцией понимается отношение первичной номинации конкретного предмета (денотата) и языковой единицы в форме слова или словосочетания, которая дает ему повторное наименование и является не собственным именем предмета, а окказиональным его обозначением по частному или второстепенному признаку в рамках данного текста. Пока не существует универсального термина для обозначения этого способа связи предложений в тексте. Вслед за В. Н. Телия, назовем это явление вторичной лексической номинацией⁷. При вторичном обозначении предмета часто используются при помощи переосмысления имеющиеся в языке номинативные средства. В результате этого процесса в тексте, по мнению В. В. Виноградова, могут быть «созданы широкие и даже неожиданные контексты для синонимического сближения далеких по значению слов, особенно в экспрессивно-ироническом или образном их использовании»⁸.

В основе кореференции лежит сообщение добавочной информации о данном предмете (денотате). Первичное имя предмета

и его вторичное наименование в пределах СФЕ могут быть связаны выражением различных отношений человека: отношений родства, национальной принадлежности, возрастной характеристики: Alice, his wife ... was on the sofa with *Dorothy*; ... It pleased Page to see *his daughter* at home (A. Cronin).

Вторичное наименование денотата может выражать профессию или род занятий человека, его состояние: A note on her office desk requested Christine to call *Sam Jakubiec*. She did, and *the credit manager* answered (A. Hailey).

В пределах СФЕ один референт может иметь несколько повторных наименований, характеризующих его с разных сторон: It was *the birdlike little man* she knew as *Albert Wells*; ... The bellboy's eyes were focused on the face of *the man in bed* ... ; Replacing the telephone, Christine turned to *the still-struggling figure in the bed*; *The frail, elderly man* was breathing no better than before (A. Hailey).

При оценке каких-либо свойств денотата вторичное имя часто имеет ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску: «O'kay, we've enough to nail *Eastin* on a larceny rap». «I intend to. Because I personally want *that son of a bitch* behind bars» (A. Hailey).

Как видно из приведенных примеров, в основе вторичной лексической номинации лежит сообщение дополнительной информации о референте, основанной на его частном признаке (признаках), который в условиях данной ситуации является наиболее значимым, или же сообщение дополнительной информации о денотате носит эмоционально-экспрессивный характер и выполняет определенное стилистическое задание. Помимо сообщения дополнительной информации, вторичная лексическая номинация снимает монотонность речи, обозначая один и тот же предмет разными способами.

Другой способ реализации связи предложений в пределах СФЕ — лексические повторы. Речь будет идти только о синонимическом повторе. В пределах СФЕ коррелируют лексические единицы, являющиеся словарными или окказиональными синонимами. Причина употребления словарных синонимов в пределах СФЕ, кроме выполнения ими связующей функции, стремление автора избежать повторения одинаковых слов в тексте, что диктуется требованиями стиля. Например: He found him intensely anxious to see Toby again and *to speak* to him about what had occurred; ... He was frantic *to talk* to Toby (I. Murdoch).

Окказиональная или функциональная синонимия⁸ также служит для связи компонентов текста и, помимо сообщения дополнительной информации, несет еще и эмоциональную нагрузку. Окказиональные синонимы становятся семантически и функционально эквивалентными в пределах данного текста (СФЕ), они относятся к одному денотату, не являются словарными синонимами и вне данного контекста воспринимаются

как слова, различные по смыслу. Употребление окказиональных синонимов для связи предложений в СФЕ — результат индивидуального творчества автора.

Употребление окказиональных синонимов придает повествованию эмоциональную окраску, поэтому в текстах различных функциональных стилей интенсивность этого вида связи неодинакова. Стиль художественной литературы характеризуется более широким применением окказиональных синонимов для связи единиц текста по сравнению с научным стилем, который имеет менее выраженную эмоциональную окраску. Пример окказиональной синонимии: *She was astonished at the variety of creatures which could be seen on even the most casual stroll about the estate; She felt the slightly scandalised surprise... that all these beasts should be here (I. Murdoch).*

Антонимические отношения между компонентами текста также выступают в связующей функции. Антонимическая связь может быть представлена словарными антонимами или лексическими единицами, не являющимися словарными антонимами, но вступающими между собой в антонимические отношения в пределах данного текста (СФЕ). Обычно при этом сообщается дополнительный оттенок значения коррелирующим единицам, например: «*Why didn't you sell when I told you?*» *Because, as a good citizen, I considered it my duty to hold (A. Cronin).* Поскольку антонимические отношения выражают противоположность значений коррелирующих единиц, в тексте они передают контрастность событий, состояний. Связь предложений в СФЕ при помощи антонимических отношений встречается реже, чем, например, кореферентная или синонимическая.

Важным видом связи частей текста в единое целое являются гипонимические и гиперонимические корреляции между его компонентами. Эти корреляции между лексическими единицами проявляются как родовидовые отношения, отношения общего и частного, например отношение принадлежности к определенному роду и частного его вида: *A bird sang harshly beside the lake; It was a nightingale (I. Murdoch).*

К средствам связи компонентов СФЕ можно отнести слова и словосочетания с обобщающим значением. Это единицы типа *all these people, all the members, a thing, idea, thought.* Эти лексические единицы могут обобщать предшествующее повествование (катафорическая замена) и последующее повествование (анафорическая замена). Анафорическая замена: *Michael and Toby walked on together... they could hear the laughter... and Dora's voice... Michael felt as if he had gathered all these people (I. Murdoch).* Катафорическая замена: *Fortunately they were near the far end of the big room... where a group of their own particular friends had gathered; Here were Madame Ludin... and her delicate husband, standing with Doctor Alpenstück... (A. Cronin).*

Связующую функцию в тексте выполняют также корреляции слов одного корня с аффиксами или связанные по конверсии, например: *He had brimming over with emotion; ... Toby felt himself caught in something messy and emotional and hated it (I. Murdoch).*

С формальной стороны связь при помощи рассмотренных корреляций выражается на уровне слово — слово, слово — словосочетание, словосочетание — словосочетание. Перечисленные явления, отнесенные нами к лексико-семантическим средствам цементирования смысла СФЕ, не исчерпывают весь арсенал семантических корреляций, возможных в художественном тексте.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981. С. 16—17.

² См.: Кандинский Б. С. Текст как интонационная структура: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. С. 3; Москальская О. И. Указ. соч. С. 16—42.

³ Хлебникова И. Б. К проблеме средств связи между предложениями в тексте//Иностранные языки в школе. 1983. № 1. С. 6.

⁴ Гиндин С. И. Онтологическое единство текста и виды внутритекстовой организации//Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1971. Вып. 4. С. 134.

⁵ Черемисина М. И. Анафорические связи в тексте//Лингвистика текста: Матер. науч. конф. М., 1974. Ч. 2. С. 142.

⁶ Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. London, 1980. P. 4—7.

⁷ Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды//Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. С. 129.

⁸ Виноградов В. В. Насущные задачи советского литературоведения. М., 1951. С. 15.

Л. В. Нефедова
(Свердловск)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОДНОРОДНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ТЕКСТЕ

Одной из наиболее распространенных речевых форм научной информации является описание. Логическую структуру информации описательного типа составляет перечисление предметов и их свойств, которое создается повторением однородных синтаксических единиц (как однородных членов предложения, так и целых предложений). Изучение таких структур в научном стиле речи представляет интерес в плане разработки проблем функциональной стилистики. Выбор конструкций для исследования определяется их частой встречаемостью в данном стиле речи.

Большинство авторов, занимающихся исследованием однородности, рассматривает особенности однородных членов на материале художественной прозы, выявляя их стилистические функции как средства юмора, патетики¹, логико-смысловые

связи², грамматические особенности как показатели различных смысловых отношений: соединительных, разделительных, противительных³.

В научном стиле функция однородных синтаксических структур несколько иная. Они способствуют динамическому описанию, пояснению, уточнению. Однородные синтаксические структуры, о которых пойдет речь в данной статье, представляют собой синтаксические единства, включающие в виде компонентов однородные предложения или части предложений, объединенные общностью значений, общим членом, с которым они связаны семантически и грамматически, определенными смысловыми, грамматическими и лексическими связями. Данные структуры функционируют как в составе сложных предложений, так и смысловых блоков.

Термин «однородность» применительно к частям сложного предложения существует давно. Но при ближайшем рассмотрении сложных предложений и единиц, превышающих по своей структуре и семантике сложные предложения, например сверхфразовых единств, эти фигуры (сложные предложения и сверхфразовые единства) оказываются сближенными как сегменты текста с подчеркнутой структурной организацией. Такая сближенность говорит в пользу того, что сложное предложение допускает «текстовый» подход. При текстовом подходе сложное предложение и сверхфразовое единство рассматриваются как части текста.

Рассмотрение данных синтаксических структур как сегментов текста позволяет выявить их структурно-грамматические, семантические и стилистические характеристики. В структурно-грамматическом плане рассматриваемые единицы могут быть построены в виде многочисленных однородных конструкций, представляющих собой развернутые структуры в виде однородных простых глагольных сказуемых, подлежащих, дополнений, обстоятельств, причастных оборотов или инфинитивных конструкций.

Выражая различные характеристики предметов, явлений, они осуществляют поэтапное обобщение материала. Часто, имея форму однородных существительных, причастий, инфинитивов, рассматриваемые конструкции распространяются простыми или сложными предложениями, и тогда они представляют собой целые смысловые блоки. При этом сказуемые нередко создают параллелизм. Актуализация результативных действий может достигаться вынесением акцентируемого сказуемого в начало каждой части. Например: *Ces règles de sélection seront par la suite exploitées. Elles peuvent donner 2 types de renseignement: — Dire, suivant les résultats obtenus pour différentes directions de propagation et de polarisation des ondes ultrasonores, si c'est bien un couplage résonnant phonons-magnons qui est observé.*

— Déterminer (ou vérifier) le plan dans lequel se trouvent les spins dans la phase floquée, les règles de sélection étant différentes par exemple lorsque les spins sont dans le plan (001) ou (100). Les règles de sélection ont déjà été utilisées dans ce sens dans le cas de Mn Fe (12) ⁴.

Данная конструкция представляет собой смысловой блок с выделенными однородными структурами в виде инфинитивов глаголов *dire, déterminer*, развернутых придаточными предложениями.

Члены однородных синтаксических структур могут состоять из однородных соподчиненных частей сложных предложений (перечисленные, сопоставительные, пояснительные и т. д.) с союзом или без него. Отсутствие союза или его повторение перед каждой однородной частью придает определенный смысловой и эмоциональный оттенок всему отрезку текста, обуславливает его размеренность, ритмичность. Кроме того, могут быть различные комбинации союзных и бессоюзных конструкций, когда союз отсутствует, например, в первых двух частях, а последующие снабжены союзом. Расположенный перед последней частью конструкции союз знаменует конец перечислительной цепочки. Однородно построенные при помощи заключающего союза сложные предложения получают значение результата, конца действия. Однородные части предложения в сверхфразовых единствах логически соединяют, нанизывают различные признаки, перечисляют, развертывают их в последовательности и т. д. При этом на грамматическую семантику, которая эксплицирована в предложении, накладываются дополнительные смыслы (градация, сопоставленность, последовательность, объединенность). Например: *A l'heure actuelle, le Groupe de Travail ne peut pas indiquer de règles générales pour aboutir à une représentation optimale mais l'avis des members est que:*

— on peut négliger les parties du réseau source à un niveau de tension plus faible par rapport à celui de la ligne manœuvrée sauf pour ce qui concerne leur contribution à la puissance de court-circuit;

— si l'on considère les lignes de transport au niveau de tension considéré, il est en général suffisant, du moins dans les réseaux maillés, de les représenter jusqu'à deux jeux de barres en partant du jeu de barres d'alimentation; le reste du réseau source peut être représenté par sa réactance de court-circuit en parallèle avec son impédance caractéristique;

— ce qui concerne le niveau d'élaboration de la représentation des lignes du réseau source, il paraît possible d'adopter des techniques simplifiées; mais des recherches complémentaires sont nécessaires pour confirmer ce fait ⁵.

Однородные части данного смыслового блока представлены придаточными предложениями с предваряющим акцентирован-

ным союзом *que*. Причем каждая часть однородной структуры, выделенная с помощью *тире*, представляет собой автономные смысловые единицы, имеющие различную грамматическую структуру.

Весьма распространенным структурным вариантом рассматриваемых единиц являются самостоятельные простые или сложные предложения, расположенные в виде членов однородных синтаксических структур в пределах сверхфразового единства, одинаковые (или разные) по количеству и порядку следования членов, по наличию модальных временных планов. Например: *Des enquêtes sectorielles officielles périodiquement réalisées par le Ministère de l'Industrie et l'INSEE il ressort des éléments d'estimation sur la structure complexe des industries de la transformation des plastiques. Toutefois les résultats de ces enquêtes ont des limites pour les raisons suivantes:*

— *Les enquêtes sectorielles ne prennent pas en compte les effectifs des entreprises employant moins de 6 salariés.*

— *Ces enquêtes n'incorporent pas les effectifs des entreprises intégrées, qu'il est très difficile de distinguer des autres activités de celles-ci.*

— *Enfin, les résultats de ces enquêtes ne sont disponibles qu'avec un décalage assez important, de deux à trois ans*⁶.

Каждая из этих разновидностей однородных синтаксических структур имеет свою специфику. Количество однородных структур неограниченно. Чем длиннее ряд, тем более выявлены и подчеркнуты в нем признаки однородности. Содержательно это может быть отрезок текста, представляющий собой отдельный микрорассказ, соединяющий нечто разрозненное в композиционное единство.

Говоря об однородных синтаксических структурах, мы имеем в виду целенаправленность модального и временного плана частей на основе общей грамматической семантики. Объединение однородных структур происходит на основе складывающихся внутри конструкции смысловых отношений. Это могут быть отношения перечисления, пояснения, уточнения, следствия и т. д. Отношения внутри однородных структур могут иметь значение одновременно совершающихся действий, могут быть и сопоставительные отношения, отношения уточнения и т. д. Распределение однородных частей внутри смысловых блоков влияет определенным образом на функциональное значение компонентов. В однородном ряду могут быть наиболее выделенные элементы, увеличивающие смысловую нагрузку компонентов.

Актуализация, акцентирование, логические выделения элементов предложения возможны при помощи структурного параллелизма, который выражается в одинаковых морфологических формах членов предложения.

Лексическое наполнение структурно-параллельного построе-

ния, лексические повторы, синонимы, антонимы, повторы видо-временных и модальных форм глаголов-сказуемых, союзов, местоименных элементов в частях однородных структур усиливают в свою очередь параллелизм. Параллелизм частей поддерживается и одинаковыми оборотами, одинаковыми вводными словами. Выразительные возможности фигур со структурным параллелизмом велики. Поэтому такие построения часто основаны на повторе максимального числа элементов, с анафорой в построении, с четко выраженной акцентированностью актуализируемых элементов.

Структурно-параллельное строение часто помечается автором графически: либо с помощью пунктуационных знаков, либо абзацно расположенных однородных частей.

В создании однородных синтаксических структур важную роль играет взаиморасположение, соотношение элементов. Выстраиваясь, komponуясь особым образом, предикативные единицы могут располагаться в особой симметрии, воспринимаемой при чтении.

Так, одинаковый порядок слов, местоположение общего слова в начале структуры подчеркивают однородность построения, создают ритмичность текста.

Например: Des essais systématiques, tant en laboratoire qu'en installation industrielle, ont mis en évidence l'intérêt de cette prépolymérisation. D'une manière générale les avantages que l'on peut attribuer à ces formes évoluées de l'aluminium sont suivants:

- Elles provoquent une floculation très rapide permettant presque toujours la suppression de l'adjuvant de floculation.

- Elles n'entraînent qu'un faible abaissement du pH et de l'alcalinité de l'eau.

- Elles provoquent une réduction de la turbidité et des matières organiques nettement supérieure au sulfate ou au chlorure d'aluminium originels et cela sur une plage de dosage bien plus large.

- La structuration du floculat est bien meilleure et les boues obtenues sont plus faciles à épaissir et à déshydrater⁷.

Однородные синтаксические структуры данного смыслового блока имеют параллельное строение. Параллелизм порядка слов, временных форм глагола дополняется лексическим повтором с помощью местоимения *elles*.

Таким образом, однородные синтаксические структуры обладают определенными грамматическими признаками, передают основной и добавочный смысл, отличаются многообразием построения, определенным соотношением однородных частей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ветвинская Л. Т. Перечисление как стилистический прием: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1970.

² Винтман А. К вопросу об однородных членах предложения//Проблемы синтаксиса простого предложения. Л., 1980.

³ Можарова Л. Г. Конструкции с однородными членами и однородными структурами в Успенском сборнике XII—XIII веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1979.

⁴ *Journal de physique*. 1974. N 5. P. 76.

⁵ *Le plastiques modernes et élastomères*. 1976. N 2. P. 17.

⁶ *La technique moderne*. 1977. N 1. P. 38.

⁷ *Electra*. 1979. N 62.

Е. И. Беляева
(Воронеж)

СИНТАГМАТИКА МОДАЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И НАУЧНОЙ ПРОЗЕ (на материале английского языка)

Задачей настоящей статьи является анализ модальной структуры текстов двух функциональных стилей — художественного и научного на материале короткого рассказа и научной статьи в английском языке. Модальность считается неотъемлемым признаком любого высказывания, тем его параметром, который во многом определяется коммуникативным намерением говорящего и отношением между коммуникантами¹. В нашем представлении модальность — это языковое выражение оценки говорящим способа существования связи между объектом действительности и его признаком, а также степени познанности или желательности этой связи говорящим. Соответственно мы выделяем три типа модальных значений: 1) объективную модальность, отражающую с наименьшей степенью субъективности отношения реальной действительности, куда входят значения реальности, ирреальности и потенциальности: возможности, необходимости, желательности; 2) эпистемическую модальность, отражающую знание говорящего о наличии связи между объектом и признаком, куда входят значения уверенности, неуверенности, логической возможности и логической необходимости; 3) модальность волеизъявления, выражающую стремление говорящего установить связь между объектом и его признаком, которая в зависимости от адресованности/неадресованности разделяется на директивную и оптативную².

Мы исходим из предположения, что разным функциональным типам текстов соответствует своя особая модальная характеристика с возможными внутренними вариациями в зависимости от более узкого коммуникативного назначения. В жанре научной прозы нами были выделены и изучены четыре разновидности научной статьи: обзор, описание результатов, обсуждение, рекомендация. В жанре художественной прозы — короткие рассказы четырех типов: автобиография, биография, драматический монолог и субъективное повествование. Каждый тип текста имеет свои характеристики.

В обзорной статье обычно ставится задача изложения раз-

личных исследований по определенной тематике и комментарий к ним, т. е. информация не только передается, но и оценивается автором. В данном тексте преобладает модальность реальности (50 % текста), за ней следует эпистемическая модальность (24,4 %) с основным значением логической возможности и необходимости (умозаключение). Потенциальная модальность составляет 11,7 %, а доля модального значения необходимости значительно превышает долю модального значения возможности (9 и 1 % соответственно). Модальность волеизъявления — 4,5 % и содержится, главным образом, в устойчивых словосочетаниях.

В описании результатов исследования ставится цель представить последовательную картину научного поиска и подробно информировать о его результатах и выводах. В соответствии с данной коммуникативной задачей текст имеет описательный характер, отражающий субъективный опыт автора. Преобладает объективная модальность со значением реальности, выражаемым во временных формах прошедшего простого и перфектного (58,2 %), объективной возможности (12 %) и объективной вынужденности (12,3 %). Доля эпистемической модальности не превышает 10,8 %, причем наиболее частотно модальное значение неуверенного предположения (7,3 %). Ирреальная модальность и модальность волеизъявления встречается редко (3,5 и 1,3 % соответственно).

В статье-обсуждении представляется спорная проблема, которая анализируется с различных точек зрения, подтверждается или отвергается в зависимости от выдвигаемых автором аргументов. Модальная структура данного типа текста отличается большим разнообразием модальных значений, среди которых, помимо основной модальности реальности (50 %), модальность предположения (17 %), возможности (13 %), необходимости (7,4 %) и ирреальности (6,9 %).

Коммуникативная задача статьи-рекомендации значительно отличается от информативно-аргументирующих текстов обзора, обсуждения и описания результатов. Ее цель — снабдить читателя инструкциями по использованию предлагаемого метода или технологии, т. е. прямо или косвенно побудить его к определенным действиям на основе приводимых в статье данных. Функция такого типа текста — информативно-побудительная. Соответственно меняется и модальная канва текста: уменьшается роль модальности реальности (35,3 %) и резко возрастает доля модальности волеизъявления (31,4 %). Наиболее распространена директивная модальность (28,3 %), выражаемая повелительным наклонением, сочетаниями модальных глаголов *must*, *should*, *be to* с инфинитивом, формами настоящего времени изъявительного наклонения. По сравнению с описанными выше типами текстов в рекомендательной статье ниже частотность эпистемической модальности, представленной в основном

в предложениях со значением неуверенного предположения (10 %).

Анализ исследованных типов научного текста позволяет сделать выводы: 1) ведущей модальностью текстов, выполняющих информативно-оценочную функцию, является объективная модальность, отражающая характер отношений между объектами действительности: отношения реальности, ирреальности, объективной возможности и необходимости; 2) во всех типах текстов наиболее распространено значение реальности (в среднем 50 %), частотность которого составляет 35,3 % в рекомендациях и 58,2 % в описаниях результатов, что соответствует коммуникативной задаче этих типов текста; 3) модальность ирреальности для научных текстов не типична, так как в них гипотетическое предположение используется редко (в среднем 6,5 %); 4) широко распространено выражение объективной возможности и необходимости (19 %), в особенности при описании результатов (24,3 %); менее типичны данные значения для рекомендации (15,7 %) и обзоров (11,7 %); 5) эпистемическая модальность (средняя частотность 17 %) в большей степени характерна для обзоров (24,4 %), в меньшей — для рекомендаций и описания результатов (10,8 %), причем основным модальным значением остается значение неуверенного предположения; 6) модальность волеизъявления имеет ограниченное распространение во всех типах научного текста, кроме рекомендаций, где ее доля составляет одну треть, а директивная модальность в целом в 6—10 раз употребительнее оптаивной.

Исследование показало, что модальная канва различных типов научных текстов включает все разновидности значений, а различия в их модальной структуре носят количественный характер. В соответствии с основной коммуникативно-оценочной функцией научного текста базовой модальностью его структуры всегда остается модальность реальности, тогда как роль остальных видов модальности изменяется в зависимости от коммуникативной задачи определенного типа текста.

В жанре художественной прозы нами были рассмотрены четыре разновидности короткого рассказа: драматический монолог, отвлеченная автобиография, биография, или анонимное повествование, и субъективное повествование³.

Драматический монолог представляет изложение мыслей, чувств, ассоциаций, адресованное определенному слушателю, о характере которого читатель узнает из авторских ремарок. Примером такого типа повествования служит рассказ К. Мэнсфилд «The Lady's Maid». Ведущая здесь модальность реальности (52,5 %) и высокая частотность модальности волеизъявления, реализуемая в основном в побудительных высказываниях, обращенных к слушателю (12,5 %). Эпистемическая модальность представлена в большинстве случаев значением неуверен-

ности, сомнения (9 %). Среди модальных значений потенциальности наибольшее распространение имеет модальное значение объективной возможности. Довольно высока доля модальности ирреальности, выражаемая в условных периодах (7,9 %).

Отвлеченная автобиография — это повествование героя о давно прошедших событиях его жизни. Рассказанные с точки зрения его настоящего миропонимания, события прошлого получают рациональную оценку повествователя, что позволяет ему стать в позицию стороннего наблюдателя-аналитика. Для этого типа текста характерна высокая частотность модальности реальности, выраженной в формах прошедшего времени изъявительного наклонения (60,5 %). Модальность потенциальности и предположения представлены соответственно 15,5 и 11 % текста, директивная модальность значительно превышает оптативную (10 и 2 %).

Биографическое повествование представляет собой рассказ о жизни или эпизодах из жизни определенного героя, отражающий одну и ту же действительность как бы дважды: в восприятии героя и автора, который своими ремарками, комментариями «корректирует» восприятие героя. Модальные характеристики данного типа текста отличаются довольно высоким содержанием эпистемической модальности, причем частотность значения неуверенного предположения вдвое превышает частотность значения логической возможности и необходимости (11,4 и 5,6 % соответственно). Встречаемость модальности желательности в биографическом повествовании почти в два раза превышает ее среднюю частотность в других типах текстов этого жанра. Модальность волеизъявления в основном выражается в директивных высказываниях (10,4 %), а доля оптатива незначительна (1,2 %).

Субъективное повествование описывает недавние события в том виде, в каком они воспринимаются и оцениваются рассказчиком сквозь призму свойственных ему взглядов и предрассудков. Рассказ, адресованный анонимному адресату, ведется, как правило, от первого лица, хотя возможны и другие формы. Примером субъективного повествования является роман Сэлинджера «Над пропастью во ржи», рассказы М. Зощенко. Для данного типа текста, как и в целом для художественного рассказа, типична модальность реальности (60,6 %), выражаемая различными временными формами индикатива, эпистемическая модальность неуверенного предположения (14,5 %). Невысока встречаемость модальности волеизъявления и ирреальности (5,5 и 7,3 % соответственно). Потенциальная модальность представлена довольно пропорционально всеми тремя значениями: возможности, необходимости, желательности.

Сравнительный анализ четырех типов художественного текста позволяет сделать следующие выводы относительно регулярности встречаемости различных модальных значений:

1) модальную основу художественных текстов, имеющих эстетико-познавательную функцию, составляет модальность реальности; ее средняя частотность — 57 %; самая низкая встречаемость наблюдается в драматическом монологе (52,5 %), самая высокая — в автобиографическом повествовании (60,2 %) и субъективном повествовании (60,6 %); 2) модальность ирреальности составляет в среднем 6 %, однако во всех типах текста, кроме автобиографического, в котором ее частотность крайне низка (1,8 %), эта цифра выше средней; 3) модальность потенциальности не превышает в среднем 12 %, причем частотность значения объективной возможности вдвое выше, чем частотность значений необходимости и желательности; наибольшее распространение данный вид модальности имеет в жанре автобиографии (15 %); 4) эпистемическая модальность (средняя частотность — 15 %) более характерна для биографии и субъективного повествования, менее — для автобиографии (11 %). Значение неуверенного предположения в два с половиной раза частотнее значения логической возможности и необходимости; 5) выражение волеизъявления в драматическом монологе в три раза частотнее, чем в субъективном повествовании, средняя же частотность этого типа модального значения в художественном тексте равна 10 %; при этом доля директивной модальности в четыре раза выше, чем оптативной.

Сопоставительный анализ модальной структуры текстов научной и художественной прозы выявил определенные черты сходства и различия между ними. Сходство заключается в следующем: 1) в соответствии с информативной функцией обоих типов текстов в них преобладает модальность реальности, составляющая 50 % научного и 57 % художественного текста; 2) модальное значение ирреальности имеет ограниченное распространение как в художественном (6 %), так и в научном типе текстов (6,5 %); 3) частота употребления эпистемической модальности приблизительно одинакова, причем в обоих типах текстов значительно преобладает модальное значение неуверенного предположения над модальным значением логической возможности и необходимости: в два с половиной раза в художественном и в четыре с половиной раза в научном тексте.

Средства выражения модальных значений в художественном и научном тексте в целом совпадают, однако особенности функционального стиля накладывают определенный отпечаток на семантику этих средств⁴. Различие между модальной структурой разных типов текстов носит не качественный, а количественный характер. Так, в художественном тексте выше частотность модальности волеизъявления (10 и 7 % соответственно), в научном — потенциальной модальности (19 и 12 %).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Слюсарева Н. А.* Синтаксис и морфология в свете функционального подхода//Филол. науки. 1984. № 5.

² См.: *Натанзон Е. А.* Категория модальности в современном английском языке. М., 1973; *Ермолаева Л. С.* Типология системы наклонений в современных германских языках//Вопр. языкозн. 1977. № 4; *Панфилов В. З.* Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения//Там же; *Петров Н. Е.* О содержании и объеме языковой категории модальности. Новосибирск, 1982.

³ Данная классификация короткого рассказа принята в антологии: *Point of view*. N. Y., 1966.

⁴ В статье не ставилась задача проанализировать семантику модальных форм. Об этом см.: *Зверева Е. А.* Научная речь и модальность. Л., 1983.

М. П. Мещерякова
(Свердловск)

РЕАЛИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТЕ

Далеко не каждое предложение поддается такому разложению, в результате которого число знаменательных слов, в него входящих, было бы равно числу его членов. Поэтому возникают особые проблемы, когда в составе предложения есть фразеологическая единица. Обычно отмечается, что фразеологические единицы выступают в качестве единого члена предложения и притом неразложимого с точки зрения общего членения предложения. Для установления же членов предложения необходим тщательный учет всех фактов, говорящих в пользу того или иного понимания синтаксического строения предложения.

В силу неоднородности фразеологических единиц считаем, что нельзя относить члены предложения, выраженные разными по структуре и содержанию единицами, к какому-нибудь одному типу. Так как фразеологические единицы неоднородны по своему составу, по степени спаянности компонентов, по выводимости значения целого из значений компонентов, то надо рассмотреть сами фразеологические единицы, наметить определенные группы фразеологических единиц, объединенные по общим признакам, и установить типы членов предложения.

Контекстологический анализ представляется наиболее рациональным методом для исследования устойчивых словосочетаний, «поскольку для английского языка особенно характерна контекстуальная связанность слов, что вызвано спецификой грамматического строя английского языка с его морфологической ограниченностью»*. Кроме того, сделана попытка использовать методы трансформации и субституции для определения степени идиоматичности (рассматриваемых) словосочетаний и для установления различий в семантических и синтаксических свойствах различных сочетаний. Эти методы, как и всякие другие точные методы, помогают исключить субъективный подход к явлениям фразеологии и обеспечивают объективные

критерии для определения степени идиоматичности несвободных словосочетаний. Задавались следующие виды операций:

- возможность или невозможность пассивной конструкции;
- замена или подстановка артикля;
- расширение словосочетания определением;
- замена числа существительного в словосочетании;
- возможность постановки логического вопроса к членам словосочетания;
- возможность замены одного из членов словосочетания синонимом.

Считаем, что заданные нами трансформации имеют неодинаковую релевантность для разных типов устойчивых словосочетаний. Наличие нетождественного трансформационного потенциала для разных моделей определяет характер отношений внутри моделей в плане содержания и таким образом помогает установить степень идиоматичности рассматриваемых нами вариантов устойчивых сочетаний.

Установлено, что степень идиоматичности зависит от числа операций (трансформационных преобразований), которым может быть подвергнуто данное сочетание: чем меньше число операций, которому оно может быть подвергнуто, тем более оно идиоматично, чем менее словосочетание оказывается свободным, тем более оно удаляется из сферы синтаксиса и приближается к сфере лексики. Граница этого движения — идиома, которая оказывается уже полностью в области лексики.

Возможность варьирования трансформаций обусловлена лексическим содержанием составляющих компонентов модели. Она зависит от семантических свойств компонентов словосочетания, от степени лексической «опустошенности» первого и второго компонента словосочетания. Устойчивые сочетания, в которых первый компонент выражен глаголом с широким лексическим значением, таким как *to give, to take, to have, to make* и др., представляют собой более тесно спаянные сочетания, чем единицы с первым компонентом — глаголом, менее лексически «опустошенным». Степень спаянности сочетания зависит и от характера второго компонента. Устойчивое сочетание со вторым компонентом, выраженным существительным и имеющим только связанное употребление, представляет собой тесно спаянную единицу по сравнению с такой, в которой второй компонент — существительное может употребляться и в свободном синтаксическом сочетании.

Нередко одно и то же слово вступает в сочетание с различными постоянными минимумами, каждый из которых реализует особое, фразеологически связанное значение данного слова. Так, *small beer* означает «слабое пиво», *small hours* — «ранние часы суток», *small talk* — «легкая беседа». В каждом из этих случаев налицо особое фразеологически связанное значение прилагательного *small*. Часто одно и то же определение, назы-

вая один и тот же признак, подразумевает различную качественную характеристику определяемого. Например, прилагательное *white* — «белый», включаясь в различные контексты, способно выражать различные существенные признаки определяемого, по отношению к которым признак цвета является лишь сопутствующим. Ср.: *white bear* — «белый медведь», *white frost* — «изморозь», *white meat* — «белое мясо», *white heat* — «белое каление» и др. Иногда самый признак цвета определяется не вполне точно, как, например, *white wine* — «белое вино». В иных случаях признак цвета еще более условно, косвенным образом может характеризовать данное определяемое, например *white harvest* — «поздний сбор урожая». Иногда условность переосмысления прилагательного вызывается его противопоставлением прилагательному *black* в различных его метафорических значениях. Например, *white day* — «счастливый день», *white lie* — «безобидная ложь» и т. п.

Подобную же фиксированную аллюзию содержат входящие в многочисленные словосочетания прилагательные, формально обозначающие признак национальной принадлежности, например *German Silver* — «фальшивое серебро», *Scotch broth* — «перловый суп» и т. п. Выражаемый признак не совпадает с подразумеваемым: например, *French chop* — «отбивная котлета», *French horn* — «французский рожок», *French pancake* — «род оладьи, обсыпанной сахаром», *French window* — «окно, доходящее до пола» и др.

Определение синтаксической функции того или иного словосочетания во многом зависит от контекста. Часто одно и то же словосочетание в одном контексте выступает как один член предложения, когда оно является устойчивым, а в другом контексте оно выступает как несколько членов предложения, когда оно представляет свободную синтаксическую связь: *Little John could see that he played the second fiddle to her in his father's heart (Galsworthy). — Last year he played the second fiddle in the orchestra.*

Дистрибутивная формула в сравниваемых сочетаниях одна и та же: *VAN*, следовательно, она не является критерием для разграничения семантико-синтаксической самостоятельности компонентов.

ПРИМЕЧАНИЕ

* *Амосова Н. Н.* Основы английской фразеологии. Л., 1963. С. 183.

Н. С. Овинникова
(Симферополь)

АКТУАЛИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК В ТЕКСТЕ

Несмотря на то, что в последние годы все больше внимания уделяется анализу фразеологических единиц (ФЕ) разных языков, еще многие вопросы остаются нерешенными. К числу таких,

в частности, относится неоднозначное понимание статуса пословиц. Целью данной статьи является рассмотрение компонентного состава пословиц как законченных закрытых микротекстов и особенностей функционирования пословиц в тексте.

В пословицах всякое редуцирование исключено. В то же время десемантизация и опрожнение, возможные в процессе эволюции слова, не имеют ничего общего с эллипсом, так как эллипс строится на неполной выдаче информации, при которой определенная ее часть, хорошо известная коммуникатору, не произносится. Непроизнесенная часть полностью компенсируется речевой ситуацией, и эта компенсация идет за счет приближения ФЕ к определенным условиям, в которых она произносится. Можно сказать, что отсутствующая часть, превращенная в нулевые члены эллипса, позволяет изменить характер всевременности на определенную временную данность, в которой она произнесена, или же характер вселичности на определенную личность, т. е. позволяет соотнести пословицу с требуемым лицом (деятелем), о котором идет речь. Так, во фразе *Не все коту масленица* содержится предположение о возможных неприятностях лица, о котором идет речь. В этом случае пословице свойственна грамматическая соотнесенность с формой будущего времени («ему может быть плохо в будущем»). Усечение части пословицы — следствие перенасыщения ее семантики, которая часто предоставляет коммуниканту возможность для домысливания, осознания образа и оценки ситуации: *He laughs best ...*, ср. русск. *Свежо предание...*. Ряд пословиц не включает рему, напр.: *Грош цена в базарный день*. Сочетание *грош цена* создает смысловой центр фразеологизма; сочетание *базарный день* — смысловая периферия, она не несет дополнительной смысловой нагрузки, так как лимитация передана первой частью. Как правило, усекается информативная часть высказывания, знакомая коммуниканту. Примеры английской и русской фразеологии показывают, что доминирует не план фактологичности, выраженный изъяснительным наклонением в русском, *Indefinite* в английском языке, а план сослагательности, и возможно использование *Perfect Continuous*, т. е. тех форм, которые определяются речевой ситуацией и степенью информативности высказывания. Всякая пословица, существуя как определенный смысловой знак, приобретает конкретное смысловое содержание в соответствии с речевой ситуацией. Речевая ситуация корректирует смысл, соотносит пословицы с конкретными обстоятельствами реальной действительности, которую отражает.

Создаются пословицы по законам языка, которые неразрывно связаны с мышлением. Структуру пословиц можно проанализировать с использованием диалектических категорий мышления.

Категория формы и содержания проявляется в пословицах,

выражаясь в строгой последовательности структурно-языковых форм — подлежащего, сказуемого, возможных второстепенных членов, расширяющих именную и глагольную часть в простых и сложносочиненных предложениях, глагол употреблен в изъявительном наклонении без модальных слов. Наличие подлежащего и сказуемого в пословице показывает, что содержание ее выражено: *The mean is the best. Extremes meet.* Расширение именной части происходит за счет: местоимений (притяжательных, указательных): *Our last garment is made without pockets;* порядковых числительных: *Second thoughts are best;* прилагательных и артиклей: *The last suitor wins the maid;* определительных комплексов: *He that rises first is first dressed; He was a bold man that first ate an oyster.*

Расширение глагольной части происходит за счет обстоятельств: *He that pays last, never pays twice* (синтаксическая и функциональная аналогия *last* и *twice* позволяет квалифицировать их как глагольные лимитаторы, т. е. адverbиальные элементы, равно как и *First think and then speak*); комплексов обстоятельств: *What we first learn, we best can.*

Структурные связи отражаются на содержании, ибо, с одной стороны, модифицирующие именную и глагольную часть слова расширяют наше представление об объекте и действии либо усиливают ту или иную качественную или количественную характеристику объекта или действия. При этом следует отметить условность родовых отношений в пословицах типа *She is at her best prayers. He that rises first is first dressed; He is more noble that deserves, than he that confers benefits,* ономастических единиц: *First comes David, next comes Chad, and then comes Winne-ral Winnold as though he was mad* (соотнесение языковых форм с объективной реальностью, обусловившей их возникновение, не обязательно).

Категория сущность и явление особенно наглядно прослеживается в английских пословицах, передающих бытийные отношения и содержащих в своей структуре глаголы бытия типа: *be, come, go, run, find etc.*: In «ford», in «ham», in «ley» and «ton», the most of English surnames run. *The tyranny of the Turk is better than the justice of the Arab.* Бытийные отношения раскрываются и в пословицах, в которых глагол опущен: *The more cost, the more honour. Better untaught than ill taught. Next to love, quietness.* В этих пословицах два центра, один из которых более самостоятелен, однако функционально-смысловая направленность пословиц этого типа иногда характеризуется и центро-стремительностью.

Категория части и целого представлена пословицами с глаголами обладания, им присущи отношения центробежности, напр.: *Better a sparrow in the hand than a pigeon on the roof. A feather in hand is better than a bird in the air.* В эту же группу пословиц входят пословицы, в которых выделяется

объект, обладающий признаком со значением абстрактного множества: *Many a miller, many a thief. In silk and scarlet walks many a harlot. «No, thank you» has lost many a good butter-cake.*

Категория единичного и общего представлена пословицами с ономами, являющимися индивидуальными наименованиями, выступающими, как правило, в формах единственного числа, способными употребляться и в формах множественного числа и переходить в разряд нарицательных как обобщенное название типа лица или класса предметов: *By Tre, Pol and Pen you shall know the Cornish men; In Cheshire there are Lees as plenty as fleas, and as many Davenports as dog's tails etc.;* с топонимами и гидротопонимами: *Salisbury Plain is seldom (never) without a thief or twain; The rain always comes out of mobberley hole; Essex stiles, Kentish miles, Norfolk wiles, many a man beguiles etc.;* с названиями дней недели, месяцев: *So many frosts in March, so many in May; Friday and the week is seldom aleek;* с названиями национальностей: *An Irishman before answering a question always asks another; A right Englishman knows not when a thing is well etc.*

Категория причины и следствия представлена пословицами — сложноподчиненными предложениями: *More matter, less art; The more knaves, the worse company; The less play, the better. Little gear, less care; Less of your counsel and more of your purse etc.; The older the Welshman, the more madman; Who knows most, speaks least; Praise makes good men better, and bad men worse etc.* В пословицах этого типа, как правило, имеет место фразеологический эллипсис, ведущий к нарушению формы и содержания: *The more haste ...; In for a penny ...; Better an egg today ...;* ср. русск. *тише едешь ... , любишь кататься ...*. Приведенные пословицы — отражение частных явлений реальной действительности, вступающих друг с другом в атрибутивные, временные, пространственные и другие отношения, не исчерпывающиеся причинными связями.

Категория возможности и действительности раскрывается в пословицах с модальными глаголами, напр.: *Sailor's fingers must be all fish-hooks. Tailors and writers must mind the fashion etc.;* выражается сослагательным наклонением, напр.: *First think then speak.* Среди этой группы пословиц встречаются фразеологизмы с полной формой, наличием подлежащего и сказуемого в виде сложноподчиненных предложений: *When fortune smiles, embrace her; He that will not when he may when he will he shall have pay;* другие представлены эллиптированной структурой, напр.: *Pigs might fly, if they had wings; If the sky falls we shall catch larks etc. You cannot have two forenoons in the same day; They that live longest, must die at last.*

Категория необходимости и случайности раскрывает взаимосвязь явлений: необходимость есть сумма случайностей, случай-

ность — выражение необходимости. В составе таких пословиц содержатся междометия, риторические вопросы, слова утверждения/отрицания, напр.: Of young men die many, of old men escape not any. He that will not when he may, when he will he shall have pay. Как правило, смысловой центр падает на слова утверждения/отрицания.

Классификация пословичного материала подтверждает универсальный и всеобъемлющий характер процесса отражения, а также взаимосвязь различных элементов диалектики.

Т. Д. Шабанова
(Уфа)

**ТЕМПОРАЛЬНАЯ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ
СПЕЦИФИКА СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА
(на материале английской и русской
поэзии)**

Поэтические произведения, как и всю художественную литературу, относят к временному искусству, пространственный же план обычно не подвергается анализу. Однако каждый стихотворный текст содержит художественное представление пространства-времени. Лирические стихи выражают внутренний мир человека, в них отсутствует, как правило, сюжет.

Как реальная ситуация отличается от поэтической, так и объективное пространство-время отличается от поэтического пространства-времени. Пространство в поэзии дается в виде ассоциативного механизма воображения, границы которого беспредельны: от микромира до космоса. Поэтическое пространство-время можно отнести к перцептивному пространству-времени, обеспеченному реальным временем и местом написания произведения, пространством-временем поэтической ситуации и языковыми средствами его выражения, представляющими определенную иерархию, а также реальным пространством-временем восприятия произведения.

Смысловая характеристика поэтического пространства-времени основывается на анализе перцептивного пространства-времени, которое своим истоком имеет концептуальное пространство-время. Автор пользуется национальным языком, в котором зафиксированы средства выражения пространства-времени, т. е. для выражения поэтического пространства-времени употребляет нормативные языковые средства, а аранжируя их по принципу *licentia poetica*, формирует особый поэтический пространственно-временной континуум.

Понятийно-смысловой уровень стиха — это начало его создания. Момент творения и окружающий поэта мир — реальное пространство-время. Микромир стихотворения — тоже пространственно-временной континуум, в котором присутствуют предметы в совокупности своих отношений (образы также предметны и материальны, как и окружающие нас вещи). Именно это

визуальное пространство-время облекается автором в языковые средства. Немаловажную роль в осознании пространственно-временного континуума лирического произведения играет реальное время и пространство в момент восприятия¹.

С позиции языка необходимо выяснить закономерности использования поля лексико-грамматических средств выражения универсально-константных значений пространства и времени², а с позиции речи — текстообразующие законы их аранжировки. Сопоставление русского и английского текстов одной основы позволяет определить характерные особенности выражения «пространственной протяженности (охвата)» и «пространственной координации (соположенности)», а также «длительности явления (состояния)», его «времени жизни» и «смены явлений (состояний)», представляющих собой концептуальные формы реального пространства-времени с позиций марксистско-ленинской диалектики³.

Остановимся на анализе одного лирического стихотворения С. Есенина и его английском переводе⁴.

- (1) *Выткался на озере алый свет зари.*
- (2) *На бору со звонами плачут глухари.*
- (3) *Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.*
- (4) *Только мне не плачется — на душе светло.*
- (5) *Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог.*
- (6) *Сядем в копны свежие под соседний стог.*
- (7) *Зацелую допьяна, изомну, как цвет,*
- (8) *Хмельному от радости пересуду нет.*
- (9) *Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,*
- (10) *Унесу я пьяную до утра в кусты.*
- (11) *И пускай со звонами плачут глухари,*
- (12) *Есть тоска веселая в алостях зари.*
- (1) *Scarlet rays the rising sun weaves into the lake.*
- (2) *Woodcocks, wailing on the boughs, pinewood echoes wake.*
- (3) *There's a weeping oriole hidden in a tree.*
- (4) *I alone don't wish to weep — all is fine with me.*
- (5) *Down the road at eventide you shall come, I know.*
- (6) *In the nearest rick we'll sit with fresh hay below.*
- (7) *I shall kiss you till you swoon, crush you like a bloom.*
- (8) *When a fellow's drunk with joy for reason there's no room.*
- (9) *You'll respond to my caress, cast your veil away,*
- (10) *I shall bear you to the bushes, there till dawn we'll stay.*
- (11) *Let the woodcocks loud and long weep their fill and mourn!*
- (12) *There's a merry wistfulness in the scarlet dawn.*

Особенности характеристики «пространственного охвата» участвующих в поэтической ситуации объектов заключаются лишь в образности лексического выражения как наиболее конкретном уровне языковой фиксации: *кольцо дорог, алости зари*. К сожалению, в переводе эта поэтическая особенность воплощения «пространственной протяженности» не отражена из-за

специфики языкового строя. Уровень конкретизации в выражении «пространственного охвата» в двух языках различен: «уточнение» пространственной протяженности исходного объекта в предложении — речевом комплексе⁵ достигается предложной группой *на озере* и лексическим значением предиката *выткался*. В результате возникает пространственное видение отраженного в озере алого света зари.

В английском варианте пространственная характеристика этого же образа иная: внимание сосредоточивается на играющих в озере лучах восходящего солнца. В русском тексте подчеркивается статичность картинки, а в английском — процессуальность. В русском и английском текстах семантическая структура предложения одинакова — OBe, а синтаксические структуры различны: рус. — SP, а англ. — SPO, где S — the rising sun, O — scarlet rays. Возникают координационные пространственные отношения, как бы «отрывающие» «scarlet rays» от «the rising sun». И хотя в предложении эмфатический порядок слов позволяет создать единый пространственный образ зари, отличие в синтаксических структурах определяет и некоторое различие пространственного восприятия данного речевого комплекса.

В трех первых речевых комплексах в составе стихотворного сверхфразового единства (СФЕ) — предложения 1—4 — раскрывается непосредственный пространственный фон для размышлений поэта. Последней строкой начального СФЕ «Только мне не плачется — на душе светло» автор делится с читателем, приближает его к себе, но количественная доля пространственной координации практически элиминирована. Отсутствием лексических способов выражения пространства создается абстрактность предложения 4 в русском и английском текстах.

Строки 5—10 — разговор поэта с миром, с лирической героиней; это СФЕ максимально приближено к читателю. Второе СФЕ — авторское видение мира. В нем поэтически воплощена полная конкретизация пространственного соотношения между лирическими героями. Образ лирической героини то отдаляется от автора, он как бы смотрит на нее: *выйдешь к вечеру за кольцо дорог*, то позволяет читателю смотреть на героев со стороны: *сядем в копны свежие*.

Лимитация пространственного соотношения исходных объектов и присутствующих во втором СФЕ других участников поэтической ситуации достигается лексическим значением глаголов *выйдешь* — shall come, *сядем* — 'll sit, *зацелую* — shall kiss, *изомну* — crush, *сбросишь* — cast away как наиболее абстрактным средством выражения универсально-константного значения пространства-соотношения. Последующая конкретизация отмечается в предложных группах: *за кольцо дорог* — down the road, *в копны* — with hay below, *под соседний стог* — in the nearest rick, *в кусты* — to the bushes.

Наиболее абстрактное средство выражения пространственного континуума в русском предложении 9 достигается не глаголом, а именной группой *под ласками*, которая вместе с предикатом *сбросишь* образует причинно-следственную связь. В английском переводе этого предложения глагол сохраняет свою функцию первого уровня выражения локальности 'I respond, а предложная группа *to my caress* лишь уточняет пространственную соположенность объектов.

Третье СФЕ объединяет предложения — речевые комплексы 11—12, в нем присутствует коммуникативная связь с читателем и мировоззренческая позиция автора.

Сравнение способов выражения пространственного плана в русском тексте стихотворения Есенина и его английском переводе убеждает, что один из основных семантических аспектов данного текста — пространственные отношения воспринимаются по-разному. Причина заключается в различии языковых средств выражения пространственных отношений. Пространственная лимитация в русском тексте, особенно лексический пласт, носит более обобщенный характер, чем в английском варианте.

Темпоральный план данного поэтического текста также сложен: и в русском, и в английском текстах выделяются языковой и речевой уровни анализа. Исследование речевых параметров стихотворения основывается на выделении трех СФЕ и характеристике особенностей перцептивного времени в каждом из них.

Переводчик практически полностью сохраняет временную адекватность текстов на речевом уровне. В первом СФЕ (предложения 1—4) представлено течение поэтического времени, максимально приближенное к восприятию реального времени. Это и сиюминутность, и всевременность.

Темпоральный план второго СФЕ переносит воображаемую картинку в будущее, чему соответствуют и грамматические формы предикатов в русском и английском текстах. Эстетическое время последнего СФЕ (предложения 11—12) достигается всевременными формами желательности *пусть* и *Let* и настоящими неопределенными формами предикатов в последней строке.

Языковой уровень анализа предполагает выделение в каждом предложении средств выражения универсальных значений «длительность состояния /явления/» и «смена состояний /явлений/». Именно этот аспект анализа может определить специфику выражения темпорального плана в стихотворной форме речи.

В предложении 1 исходный объект *алый свет зари* может быть охарактеризован состоянием *вытклся*. «Время жизни» этого состояния зафиксировано в грамматической форме совершенного вида глагола-предиката. В английском варианте семантико-синтаксическая структура предложения иная. Исходный объект *the rising sun* находится в состоянии *weaves, a scarlet*

gaus выполняет функцию дополнения, находясь в состоянии being woven. «Время жизни» этого состояния (семантически единого с первым, а синтаксически членимого) проявляется в Present Indefinite глагола-предиката weaves. Отсюда и определенное несходство в восприятии микровремени этого речевого комплекса в разных языках.

В предложении 2 исходный объект *глухари* находится в состоянии *плачут*, грамматическая форма которого — настоящее время несовершенного вида. Семантическая структура английского предложения 2 иная. Исходный объект woodcocks находится не только в состоянии wailing, но и waking pinewood echoes. Несмотря на адекватность грамматических форм времени для выражения состояний исходного объекта woodcocks в русском тексте и его переводе, сами состояния и способы их представления различаются.

В предложении 3 об исходном объекте *иволга* говорится *плачет и схоронясь в дупло*. Здесь нет смены состояний, а время сказуемого одновременно времени обстоятельства. В английском переводе состояние исходного объекта oriole представлено прежде всего глаголом обобщенной семантики 's, который конкретизируется причастием I weeping и пространственным причастием II hidden. Смена состояний также не отмечается, а «время жизни» этого состояния выражено в Present Indefinite.

В предложении 4, завершающем первое СФЕ, исходный объект — лирический герой находится в состоянии *не плачется и на душе светло*. Тире между предикатами указывает на одновременность этих состояний. Аналогичный анализ будет справедлив и для английского перевода.

Во втором СФЕ каждый речевой комплекс — строка представляет собой постепенную смену состояний, в которых находятся лирические герои — исходные объекты: *выйдешь* → *сядем* → *зацелую* → *изомну* → *сбросишь* → *унесу*. Длительность каждого из этих состояний, будучи в перспективной плоскости, уточняется соответственно темпоральными лимитаторами *к вечеру, до утра*.

Если в русском тексте исходный объект и его первичный атрибут — предикат имеют синкретичную форму выражения, то в английском переводе состояние исходного объекта и время его пребывания в нем выражается дискретно: *you shall come* → *we'll sit* → *I shall kiss you* ... *crush* → *you'll respond* ... *cast away* → *I shall bear* ... *we'll stay*. Лимитация временного плана каждого речевого комплекса стремится к адекватности с русским текстом: *at eventide, till dawn*.

Состояние бытия в финальной строке стихотворения, характеризующее исходный объект *тоска веселая* — *a merry wistfulness*, «безвременно», поскольку предложение имеет медитативный характер. Предикат *есть* и 's выражен в настоящем неопределенном времени, типичном для такого рода высказываний.

Таким образом, пространственно-временной план поэтического произведения — это прежде всего перцептивное пространство-время, которое рассматривается как эстетическая форма концептуального пространственно-временного континуума. Предлагаемая методика анализа дает возможность выделить языковые средства выражения универсально-константных значений пространства и времени, которые являются языковой нормой, определить особенности выражения этих универсальных значений в поэзии на русском и английском языках.

Речевой уровень анализа позволяет обнаружить специфику пространственно-временных отношений в текстообразующих структурах лирических стихов: сверхфразовых единствах содержательного, мировоззренческого, коммуникативного типов. Анализ поэтического текста на уровне значения (языковой и речевой аспекты) — необходимая основа для его интерпретации на уровне смысла.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ритм, пространство, время в литературе и искусстве. Л., 1974. С. 30—35.

² Об иерархии языковых средств выражения универсально-константных значений пространства и времени в прозе см.: *Шабанова Т. Д.* Темпоральные отношения в семантико-синтаксической структуре простого предложения современного английского языка // Семантико-системные отношения в языке. Свердловск. 1984. С. 15—21.

³ См.: Философская энциклопедия: В 5 т. М., 1965. Т. 4. С. 392—397.

⁴ *Есенин С.* Избр. стихотворения и поэмы: На английском языке с параллельными русскими текстами. М., 1982. С. 30—31.

⁵ См.: *Кошечая И. Г.* Текстообразующие структуры языка и речи / МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1983. С. 35—81.

И. К. Шмидт
(Свердловск)

РЕЧЕВАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ СЛОВА (опыт лингвистического анализа текстового материала)

В последние годы все большее внимание уделяется анализу семантической структуры слова, разработаны и продолжают разрабатываться разнообразные методики. Одни исследователи придерживаются аналитического метода, выводя семантические компоненты на основе сравнения лексических единиц, другие используют противоположный, синтетический метод исходя из априорно устанавливаемых семантических категорий (параметров), сочетание которых и определяет семантическую структуру данного слова¹.

При всем своём многообразии применяемые методы анализа имеют одну общую особенность: семантическая структура слова определяется как элемент лексической системы в языке, а не в речи, не в конкретной реализации. Однако для постижения

не только структуры, но и функционирования языкового знака следует принимать во внимание три стороны известного семантического треугольника, показывающего отношения между означающим, означаемым, или сигнификатом, и обозначаемым, или денотатом.

При анализе структуры слова как элемента языковой системы можно ограничиться лишь отношением значения, т. е. отношением означающего к сигнификату. При анализе семантики слова в речи на первый план выступают отношения обозначения, т. е. отношения между знаком (означающее и сигнификат) и денотатом. Эти отношения непостоянны, поскольку при выражении мысли один и тот же денотат может подводиться под самые различные понятия и, следовательно, получить различное словесное обозначение, и наоборот. Речевая многозначность слова является одним из экспрессивных средств в тексте, способом передачи «информации второго ряда», добавочной к предметно-логической². Говоря о речевой многозначности слова, мы имеем в виду совмещение в слове художественного текста нескольких значений одновременно, что дает возможность в стихах и в прозе сказать больше, чем в обычной нехудожественной речи. Всем известны оценка и понимание художественных произведений по-разному разными людьми. Одной из причин является речевая многозначность слова.

Покажем на конкретных примерах речевую многозначность слова, которая в художественном тексте выступает средством определенного эффекта, стилистического по своей природе: слово содержит несколько значений и ведет к информации второго ряда, добавочной к предметно-логической. Проанализируем конкретный стилистический эффект, характер воздействия его на адресата сообщения.

Для примера приводим отрывок из учебника по аналитическому чтению для студентов IV курса³: That was the end of my first journey into the enchantments of the past, my first job of historical research. It was, as I have indicated, not a success. But the second job was a sensational success. It was the «Case of the Upright Judge» and I had every reason to congratulate myself on a job well done. It was a perfect research job marred in its technical perfection by only one thing: it meant something.

Согласно теории сильной позиции⁴ первое предложение отрывка несет большую смысловую нагрузку. Какова же она? Благодаря метафоре, заключенной в первом предложении, где первая исследовательская работа сравнивается с первым путешествием в очаровательное прошлое, читатель получает информацию не только о характере работы, но и об отношении повествователя к ней. Работа приносила ему радость, восторг. Информация заключена в существительном enchantments, которое содержит также информацию о человеке, занимающемся исследовательской работой. По-видимому, это человек молодой,

с пылкой, романтической натурой, испытывающий ностальгию по прошлому. Эта информация также заключена в слове *enchantments*, одно значение которого — *smth, which delights, charms, spells magic*, другое, менее ярко выраженное, ассоциируется с детством, сказкой, верой в нечто волшебное. Однако работа не принесла герою повествования успеха. *It was not a success* — это короткое предложение как бы проводит черту между его детством, юностью и последующей жизнью, посвященной другим, не столь приятным делам. Зато, по словам автора, *it was a sensational success. I had every reason to congratulate myself on a job well done. It was a perfect research job . . .* Уже сама оценка второй работы, выраженная столь многословно, настораживает и заставляет усомниться в том, что он говорит то, что думает. Сомнение поддерживается оксюморонами *the case of the upright judge*, приемом близким иронии.

Часто студенты чувствуют иронию всей оценки второй работы, понимают, что весь отрывок следует читать как бы наоборот, т. е. значения выражений *sensational success, had every reason to congratulate myself, a job well done, perfect research job* следует воспринимать с противоположным смыслом. Подтвердить интуицию можно, опираясь на описание второй работы героя: *Then it was another day and I set out to dig up the dead cat, to excavate the maggot from the cheese, to locate the canker in the rose, to find the deceased fly among the raisins in the rice pudding.* В этом отрывке употреблены фразеологические обороты, метафорически характеризующие новую деятельность героя: *my first journey into the enchantments of the past* — в первом случае и *I set out to dig up the dead cat etc. . .* — во втором. Описание во втором отрывке многофункционально. Читатель получает информацию о содержании второй работы, вызывающей определенные ассоциации, а с ними и чувство отвращения к этой деятельности. Описание имеет непосредственное отношение к началу текста, т. е. к оценке героем своей второй работы, и дает ключ к пониманию художественных приемов Уоррена, прежде всего иронии, часто трагической иронии.

Функция иронии и метафоры в произведениях Р. П. Уоррена имеет внутреннюю необходимость. Эта внутренняя необходимость вызвала к жизни лексические, синтаксические и стилистические свойства авторской художественной манеры, которые связаны с мировоззрением автора, его биографией, с исторической эпохой — временем окончания второй мировой войны. Во всем романе «*All the King's Men*» мы сталкиваемся с явлением многозначности слов, начиная с названия романа. Для постижения того, в каких отношениях между собой находятся означающее, означаемое и обозначаемое (т. е. что является денотатом, в нашем случае — предметом повествования), необходимо проанализировать все части текста. В художествен-

ном произведении все проникнуто организующей идеей, в нем все закономерно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания//Семантическая структура слова. М., 1971. С. 72.

² Арнольд И. В. Стилистика декодирования: Курс лекций/ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1974. С. 22.

³ Gilyanova A. G., Ossovskaya M. J. Analytical Reading. Л., 1978. С. 19.

⁴ Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста//Иностранные языки в школе. 1978. № 4.

Н. Н. Лобанова
(Свердловск)

РОЛЬ КОНТЕКСТА В РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ СЛОВ

Контекст является, как известно, необходимым условием снятия языковой многозначности слова. В связи с дальнейшим развитием лингвистики текста все чаще возникает вопрос о речевой многозначности лексических единиц как результате взаимодействия содержания слова с различными контекстами, т. е. окружением, способствующим или препятствующим, с точки зрения адресата, реализации разных языковых потенций слова¹. Такое понимание речевой многозначности позволяет рассматривать ее не как аномалию, снимаемую контекстом, а как лингвистическое явление, входящее в систему речевой деятельности, как законный лингвистический объект. Что же касается терминов, то в лингвистике долгое время постулировалась точка зрения об однозначности терминов и независимости их от контекста². С работами В. Г. Гака, В. Хорнунга в языкознание вошла другая точка зрения, согласно которой требование однозначности термина реализуется далеко не всегда и многозначность закономерна для терминологии, как и для системы языка в целом³. Поскольку специфика термина лежит не в сфере свойств, а в сфере функций, считает В. Г. Гак, на него неизбежно распространяются все особенности лексических единиц вообще и в частности те, которые вытекают из асимметрии, полисемии и синонимии языкового знака⁴.

Рассмотрим взаимосвязь процесса актуализации речевого значения многозначного термина с изменением его семантического потенциала и определим влияние различных типов контекста на семантическую структуру термина как единицы языка.

Основными формами существования лексических единиц в речи являются парадигматика и синтагматика. В парадигматическом аспекте термины соотносятся с научными понятиями соответствующей науки. Синтагматический аспект определяется способностью термина функционировать в тексте, сочетаясь

с другими единицами. На семантику термина оказывает влияние и прагматическая направленность научного текста, которая очень часто обуславливает переосмысление лексических единиц, выполняющих функцию термина, ведет к возникновению новых семантических оттенков в семантической структуре слова, его семантическом потенциале. Поскольку термин как любой языковой знак может быть одновременно синонимичным и многозначным, контекст в своих отношениях с ним также полифункционален. В зависимости от их аспектной значимости и выполняемой ими функции контексты можно разделить на тематические, конструктивные и потенциальные (классификация Ф. А. Литвина).

Тематический контекст дает возможность отграничить терминологическое значение лексической единицы от общелитературного или одно терминологическое значение от другого в тех случаях, когда их можно отнести к «межнаучной омонимии». Указания на тематический контекст вполне достаточно, чтобы определить экономическое значение термина *la fusion* — «слияние», техническое — «плавка», экономическое значение *la sara-cité* — «производительность», технические значения — «заряд», «емкость», экономическое значение термина *le lancement* — «выпуск продукции», техническое — «взлет» и др. Тематический контекст, указывая на сферу употребления термина, выполняет, таким образом, идентифицирующую функцию.

Тематический контекст не является, однако, достаточно коммуникативным условием, если термин многозначен в пределах одной терминологии или если наряду с ним употребляется общелитературное значение. Исследование французской терминологии по экономике показало, что значительная часть общелитературных слов используется здесь в совокупности своих общелитературных и терминологических значений, т. е., выполняя функцию термина в одном контексте, может использоваться как обычное слово для передачи информации в другом. Обратимся к примерам, взятым из одного текста⁵: *C'est le cas lorsque les entreprises réunies sont complémentaires d'amont en aval [p. 71]. La méthode des cas est propre à bien développer l'analyse de la prise de la décision [p. 7].*

Слово *le cas* в первом случае употребляется в своем обычном общелитературном значении «случай», во втором примере в терминологическом — «метод изучения конкретных ситуаций». Терминологическое значение выявляется благодаря анализу лексического окружения и синтагматических связей слова *le cas*. Употребление его в позиции к определяемому слову *la méthode* в процессе функционирования в речи изменяет семантику. Новое значение закрепляется в микроконтексте, который можно определить как конструктивный, поскольку сочетаемость зависит от парадигматических связей, обеспечивающих устойчивость возникающего словосочетания. Терминоло-

гическое словосочетание обозначает понятие, входящее в парадигму «методы управления предприятием».

Конструктивный контекст в отличие от тематического характеризуется набором лингвистических признаков: наличием словоформ, обладающих определенными формальными признаками, порядком следования компонентов. Это синтаксическая модель, которая дает возможность реализовать один из лексико-семантических вариантов многозначности термина в пределах одной терминологии. Термин *le service* имеет значения «обслуживание», «услуга», «отдел». Модель N+A предназначена в основном для восстановления значения «обслуживание»: *service insuffisant, service technique, service mixte, service rendu etc.* В словосочетаниях, образованных по модели N+prép.+N, где слово *le service* является определяющим, оно употребляется в значении «услуга»: *service de service, sous forme de service, marché de service*. Модель N+de+N, где *service* выступает в качестве определяемого слова, дает возможность реализовать значение «отдел»: *service de vente, service de publicité, service de méthodes, service de prix*. Структура содержания термина взаимодействует, как мы видим, с контекстным окружением, которое восстанавливает одно из нескольких значений и препятствует реализации остальных потенциальных возможностей термина.

Общелитературные слова, попав в терминологический контекст путем образного переосмысления, меняют свои лексические связи. Семантические признаки таких единиц подвергаются воздействию самых различных факторов, которые приводят к затушевыванию одних и к актуализации других сем значения, так как «...именно при переносе происходит чаще всего актуализация скрытых или забытых сем, помещающих образную единицу в стилистический фокус»⁶. В зону образного переосмысления втягиваются слова как с конкретным, так и с отвлеченным значением, например: *dents de scie, éventail de service, files d'attente, goulot d'étranglement, chemin critique, fuite, flux*. Закрепляются только те случаи переноса, когда нестандартное употребление слова становится регулярным, меняется семантическая структура. Для этого необходимо, чтобы слово, используемое как термин, вошло в определенные терминологические и синтаксические парадигмы, в которых нашли бы отражение существенные признаки научного понятия. Именно таким путем появились термины: *point mort* — «порог рентабельности предприятия», *point chaud* — «узел расчета», *seuil de productivité* — «потолок производительности», *seuil de compétitivité* — «порог конкурентоустойчивости»⁷. О закреплении терминологического значения в семантической структуре анализируемых слов свидетельствуют дефиниции, например: *le point mort* — «уровень экономических показателей, позволяющих предприятию оставаться в зоне рентабельности».

Ряд слов общелитературного языка так и остается на стадии окказионального употребления в несвойственном для этих единиц терминологическом значении, которое поддерживается только контекстом, определяемым как потенциальный. Так, терминологические значения общелитературных слов *les fiançailles* — «предварительные переговоры о слиянии фирм» и *le mariage* — «объединение фирм путем слияния капитала» выводятся лишь на основе контекста, который использует потенциальные возможности сем значения «обещание» и «союз»: *Il s'agit pour l'heure des fiançailles des entreprises, mais le mariage devrait très prochainement se conclure*⁸.

Однако отсутствие стабильных синтаксических связей, нерегулярность употребления не стирают образности этих единиц и не дают им адаптироваться в терминологической среде. Потенциальный контекст актуализирует значение лексической единицы, употребляемой в функции термина, но оставляет ее на стадии единичного образного употребления.

Таким образом, контексту принадлежит важная роль в формировании и выявлении терминологических значений лексических единиц. Парадигматический, синтагматический и прагматический характер речевого высказывания определили различие типов контекстов, различие степени их влияния на изменение семантической структуры многозначных терминов. Тематический контекст выполняет идентифицирующую, потенциальный — актуализирующую, конструктивный — восстановительную и актуализирующую функции. Роль последнего контекста особенно велика, так как именно он помогает не только увидеть наметившееся изменение в семантике слова, но и закрепить это изменение в синтаксической модели.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вейнрейх У. О семантической структуре языка//Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. V; Якобсон Р. Выступление на I Международном симпозиуме. Знак и система языка//Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. II. С. 370; Литвин Ф. А. Многозначность слова в языке и речи. М., 1984.

² Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М., 1961; Реформатский А. А. Что такое термин и терминология//Вопросы терминологии. М., 1961. С. 46—54.

³ Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики//Проблемы структурной лингвистики. М., 1975; Хорнунг В. К вопросу отграничения терминологической лексики от общеупотребительной//Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информации. М., 1971.

⁴ Гак В. Г. Указ. соч. С. 69.

⁵ Management. Montréal Mc Graw Hill ed., 1971.

⁶ Гулыга Е. В., Шендельс Е. С. О компонентном анализе значимых единиц//Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 293.

⁷ Management. P. 41.

⁸ Gilbert P. Dictionnaire des mots nouveaux. Paris: Hachette, 1971.

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ КАК РЕГУЛЯТИВЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В ТЕКСТЕ

Изучение связей, в которых слова могут находиться относительно друг друга, является в настоящее время одним из наиболее перспективных подходов к структурной семантике. Действительно, исследование словоупотребления в тексте обнаруживает определенную трансформацию в семантической структуре слов, обнажая при этом механизм функционирования языка в его непосредственной реализации при обозначении тех сторон денотата, которые выделяет сознание говорящего и которые не вошли в значение слова при первичной номинации¹. Одним из путей исследования такого рода является понятие импликационала (потенциальных сем), выступающего фактором динамичности и адаптивности лексической системы языка, способной выразить все открываемые человеческим познанием связи объективного мира². Понятие потенциальной семы — одно из исходных положений предлагаемой работы.

Объектом данного исследования является проблемно-критическая статья полемического характера, жанровое качество которой указывает на наличие «оценочности» как элемента содержания данного типа текста³. Исследуемый речевой жанр представлен статьями Г. Е. Лессинга из «Гамбургской драматургии» как произведения наиболее полно отражающего систему эстетических ценностей этого выдающегося драматурга и критика эпохи Просвещения⁴.

Не вызывает сомнения факт, что ценностная ориентация оценивающего субъекта проявляется в высказываемых им оценочных суждениях, рематические элементы которых содержат оценочные понятия. Последние могут быть сведены к небольшому количеству общих понятий, совокупность которых и составляет систему ценностей личности (в зависимости от объекта оценки идеологических, этических, эстетических или предметно-утилитарных). Философско-эстетическое содержание исследуемых статей выдвигает для рассмотрения эстетические ценности и их выражение в языке.

Общие оценочные понятия, назовем их ценностными доминантами, представляют, коль скоро речь идет об эстетических ценностях, наиболее концентрированное выражение понятий-идей «прекрасное» и «безобразное» как исходных категорий эстетики любой личности. Подобно другим абстракциям, выражающим идеи «добро», «истина», «правда», эти категории трудно определить в их абсолютном значении. Исследование взаимосвязи между ценностными доминантами и их конкретным проявлением в оценочных суждениях поможет уточнить содержание «прекрасного» и «безобразного» в эстетике Лессинга.

Имея объектом анализа критические статьи личности такого

масштаба, как Лессинг, нет необходимости выводить ценностную доминанту: она давно известна. Суть эстетического идеала Лессинга в реализме, так как прекрасным для него было то, что соответствовало действительности, то, что было правдой. Понятие «правда», являясь центральным понятием эстетики Лессинга, должно (гипотетически) регулировать оценки анализируемых им объектов эстетического отношения (ОЭО), т. е. пьес, которые ставились на сцене Гамбургского театра. Насколько понятие «правда» весомо в мировоззрении Лессинга можно заключить из его слов: «Я не знаю, является ли долгом каждого человека пожертвовать счастьем и жизнью ради правды... но одно, я знаю, точно является долгом (если хотят учить правде) — это учить всей правде или не учить совсем (перевод наш.— Э. М.)⁵.

Анализ статей Лессинга подтверждает сказанное. Рассуждает ли Лессинг в «Гамбургской драматургии» об общих проблемах театрального искусства, о христианской драме, о значении музыки и жеста в игре актера, о сути трагического и комического, повсюду он обнаруживает свое авторское «я» через оценку ОЭО, при этом оценочными понятиями выступают слова, прямо или косвенно связанные с понятием «правда».

Если «правда» — высшая ценность в системе эстетических ценностей Лессинга, то естественно предположить, что она находит свое содержательное продолжение в противоположности, выражаемой понятием «фальшь» («неправда»), представляющей «антиценность» в диалектическом единстве понятий «прекрасное» и «безобразное», а в приложении к эстетической системе Лессинга, следовательно, вторую ценностную доминанту: (на основании положения марксистско-ленинской эстетики: ценностное отношение по своей природе полярно. Оценки объекта этого отношения либо положительные, либо отрицательные⁶). Отсюда естественно также предположить, что все слова, втянутые отношениями текста в поле притяжения понятия «неправда», будут означать, по Лессингу, отрицательные качества ОЭО.

Мысль о том, что ценностные доминанты регулируют оценки в высказываниях Лессинга, придавая этим оценочным понятиям статус эстетических терминов, может быть проиллюстрирована анализом тех статей Лессинга, где он особенно резко полемизирует с Вольтером, хотя конфронтация его взглядов с великим французским просветителем проходит через все произведение.

Представление о «прекрасном» у этих просветителей различно, хотя оба вышли «эстетически» из античности. Французские просветители больше всего ценят в античном искусстве идеалистические элементы, стоицизм, а Лессинг — реализм. Поэтому французская классическая драма с ее абстрактностью, напыщенностью, искусственностью была в понимании Лессинга отходом от действительности, искренности и правды жизни.

В статьях 41—50 Лессинг разбирает трагедию итальянского драматурга Маффеи «Меропа», а также высказывания Вольтера по поводу этой пьесы и пьесу Вольтера того же названия, представляющую переработку трагедии Маффеи сообразно французскому вкусу⁷. Вольтер находит весь тон в итальянской «Меропе» слишком наивным, отдающим мешанским вкусом, чтобы понравиться изысканному вкусу французов.

Противопоставление понятий (оно выражено союзом *und*) «*naiv*» («наивный»), «*bürgerlich*» («принадлежащий к третьему сословию»), «*bloße simple Natur*» («простая безыскусная «природа»») понятиям «*fein*» («изысканный»), «*verzärtelt*» («изнеженный») высвечивает в первых трех сему «простой» («без изыска»), т. е. качество, не имеющее эстетической ценности в глазах Вольтера, выразителя вкусов французской аристократии. В силу этой противопоставленности понятия «*naiv*», «*bürgerlich*», «*simplel*» получают окказиональную отрицательную семантику в эстетической лексике Вольтера, выступая примером адаптации слова к условиям акта общения: актуализация определенной семы осложняет семантику этих слов новой функцией — функцией выражения эстетических вкусов оценивающего субъекта. Лингвистическая «способность» слова оценивать покоится на положении марксистско-ленинской эстетики: эстетическое отношение изначально ценностно⁸. В данном примере слова приобрели «способность» выражать антиценность, т. е. оценивать отрицательно. Действительно, в сознании аристократического общества XVI—XVIII веков, наделявшего все, относящееся к себе положительными оценочными эпитетами типа «изысканный», «утонченный», «благородный», принадлежность к третьему сословию ассоциировалась с отрицательными качествами: простой (ограниченный), естественный (неотесанный), неблагородный (низкого происхождения). Употребление понятия «*bürgerlich*» в одном логическом ряду с понятиями «*naiv*» и «*bloße simple Natur*» проявляет потенциальную сему «*einfältig*» — «простой» (ограниченный), присущую денотату, но обнаружившуюся лишь при определенных условиях акта коммуникации.

Мысль о том, что все простое, естественное для аристократического общества было неэстетично, можно проиллюстрировать примером из истории живописи XVII века, когда реализм в Голландии торжествовал полную победу. Изображать будничную земную жизнь с максимальной точностью и широчайшим охватом ее явлений — такую задачу ставили перед собой живописцы, их идеалом была не красота, а верность природе. Всех, кто стоял далеко от буржуазного мировоззрения, голландские картины поражали как безобразные⁹.

Однако для Лессинга, идеолога немецкого бюргерства, понятия «*simplel*» («простой») и «*natürlich*» («естественный») выражают положительные ценностные характеристики, ср.: *Das war sehr simpel, natürlich, sehr rührend und menschlich!*¹⁰ Два

последних элемента этого оценочного суждения имеют положительную семантику в узусе языка, два первых становятся оценочными понятиями, потому что выражают эстетическое отношение оценивающего субъекта. Восклицательная интонация предложения ясно выражает мысль: *и поэтому это прекрасно*, — придавая всем четырем понятиям статус эстетических терминов, раскрывающих идею прекрасного и, как следствие, обнажающих свой оценочный потенциал. Понятие «simplel» в приведенном примере подтверждает свою семантическую общность — а вместе с этим и оценочную однозаряженность — с понятием «natürlich» — «естественный», «без изыска», с выводом контекстуальных синонимов *paiv*, *bürgerlich* через цепочку семем «*unverfälscht*» («неподдельный»), «*echt*» («настоящий»), «*wirklich*» («действительный») к ценностной доминанте «*wahr*» («правдивый»). Ценностная доминанта выступает в роли своеобразного регулятива: отобранные оценивающим субъектом понятия для выражения эстетического отношения должны обнаруживать «близкое» или «дальнее» родство с ней¹¹.

Анализ полемики с Вольтером и критики Лессингом пьес Маффей выявил контрарные пары понятий, не представляющих постоянных лексических оппозиций в системе языка (а зачастую не имеющих и оценочной семантики). Их контекстуальное противопоставление покоится на актуализации сем, взаимоисключающих друг друга в системе ценностей оценивающего субъекта и выделенных его эстетическим сознанием в денотате. Так, критикуя Маффей, Лессинг стоит на стороне публики, требующей, чтобы в трагедии говорил герой, а не поэт: *der Held sprechen soll und nirgends der Dichter*. При противопоставлении в первом словосочетании актуализируется сема «естественный», ибо в минуты опасности и душевного волнения человек (здесь герой пьесы) искренен и говорит естественным языком, а на сцене по воле автора он употребляет обширные сравнения, метафоры и утомительные красоты, а это — неправдоподобно и для Лессинга эстетически неприемлемо. Сему своего интенционала актуализируют и понятия «*ersucht*» («изысканный»), «*ausgedrechselt*» («вычурный»), а глагол «*luxurieren*» («выставлять богатство напоказ») актуализирует сему потенциала «чрезмерный». Противопоставление акцентуализирует отрицательный заряд этих понятий как выражение «антиценности» в эстетической концепции Лессинга: все, что чрезмерно, — неестественно, все неестественное — неправдоподобно и, следовательно, безобразно.

Характеры, созданные Маффей, Лессинг называет книжными, безжизненными. Объединение сочетания *nach bekannten Vorbildern in Büchern* («по известным образцам в книгах») в одном логическом ряду с отрицательным словосочетанием *nach den Zergliederungen des Moralisten* («построения моралиста») придает ему отрицательную семантику, а противопоставление обоих

сочетаний сочетанию nach dem Leben schildern («создавать характеры как в жизни») проявляет общую для них потенциальную сему «схематичный», «не соответствующий действительности». Как схематичны и далеки от жизни сконструированные моралистом образы, так и известные образцы в книгах, по сути, схематичны, т. е. нереальны.

Противопоставление понятий «Phantasie» («фантазия») и «Gefühl» («чувство») делает их содержательными и оценочными антиподами благодаря актуализации в первом семе интенционала «выдуманный», т. е. «нереальный», а во втором — скрытой семе «подлинность, правда».

В эстетической лексике Лессинга для обозначения неприемлемого для него свойства ОЭО часто встречается слово *Ungereimtheit* («несообразность») как характеристика явления или факта, не соответствующего действительности, другими словами, алогичного, неправдоподобного. Размеры статьи не позволяют привести все оценочные суждения, где это понятие выступает в качестве рематического элемента, поэтому ограничимся перечислением словосочетаний с ним, ср.: *die äußerste Ungereimtheit der Welt sein, von Ungereimtheit frei sein, in die lächerlichsten Ungereimtheiten ausarten, solche Ungereimtheiten sagen, im Grunde genommen einerlei Ungereimtheit machen*.

В последующем анализе Лессинг прямо противопоставляет его понятию «wahr» («правдивый»), а, оценивая частные несообразности, конкретизирует их рядом понятий, содержащих в импликационале или интенционале сему «не соответствующий действительности», на основании которой они становятся отрицательно заряженными, ср.: *Illusion* («иллюзия») (сема «воображаемое, вымышленное»), *Anachronismus* («анахронизм, несоответствие времени»).

В поле притяжения антиценности «фальшь» появляется и понятие «Zufall» («случай»), сема его интенционала «непредсказуемость», «событие, не имеющее причинно-следственного обоснования» в употреблении Лессинга дополняются семой «необъяснимый» или «объяснимый чудом», приобретая тем самым отрицательную семантику. Дело в том, что в пьесе, которую Лессинг разбирает, «случай» становится своеобразным двигателем всех поворотных моментов. Вместо убедительной психологической мотивации поступков героев автор прибегает к воле случая. В результате события в пьесе приобретают мистический оттенок как следствие некоего сверхъестественного вмешательства (следует добавить, что в эстетической лексике Лессинга слово *wunderbar* реализует только сему «приписываемый чуду», «божественного происхождения» и поэтому имеющего знак минус). Для Лессинга это — искажение действительности: одной из существенных характеристик окружающего нас мира является причинно-следственная связь явлений. Анализируя пьесу Т. Корнеля «Граф Ессекс», Лессинг так и говорит,

что для него отвратительно то, что не имеет причины: ... und nichts ist anstößiger, als wovon wir uns keine Ursache geben können¹².

Теснейшим образом связано с понятием «случай» и понятие «Einförmigkeit» («единообразие»). В злоупотреблении «случаем» для объяснения событий на сцене Лессинг видит неподобие. Понятие «Einförmigkeit» уже в первой статье «Гамбургской драматургии» при разборе Лессингом пьесы Кронегга «Олинт и Софрония» (где все герои мученики) становится синонимом «неестественности», так как актуализирует скрытую сему «несоответствие действительности» и на ее основании получает отрицательную коннотацию.

Необходимо также добавить, что в одной из последних статей Лессинг заявляет, что сама природа учит нас многообразию, из которого она заимствует только часть своей красоты: Die Natur selbst lehrt uns diese Mannigfaltigkeit, von der sie nur Teil ihrer Schönheit entlehnt¹³.

Конфронтация понятий «Mannigfaltigkeit» и «Einförmigkeit» очевидна и не оставляет сомнения в том, что в системе эстетической лексики Лессинга они выражают ценность и антиценность.

Таким образом, анализ текста (статей) обнаружил «способность» слов, соотнесенных общей семей с ценностной доминантой эстетической концепции личности, выступать в функции эстетического термина и, как следствие этого, «приобретать» оценочную окказиональную семантику (положительную или отрицательную), если она им не свойственна в узусе языка.

Ценностная доминанта регулирует отбор лексики для выражения оценок в тексте, создавая своеобразное гравитационное поле только для тех понятий, которые прямо или косвенно синонимичны ей. Так, ценность «прекрасное» равнозначна для Лессинга понятию «правда» («Wahrheit»), которое конкретизируется в его критическом анализе рядом контекстуальных синонимов с положительной оценочной семантикой, связанных общей семей «соответствие действительности»: wahr, simpel, naiv, natürlich, nach dem Leben schildern, Gefühl, Mannigfaltigkeit.

Антиценность «безобразное» равнозначна понятию «фальшь» и выражается понятиями, соотнесенными с ценностной доминантой в эстетической концепции Лессинга общей семей «несоответствие действительности»: Phantasie, Ungereimtheit, Anachronismus, Illusion, Zufall, Wunderbar, Einförmigkeit, bekannte Vorbilder in Büchern, Zergliederungen des Moralisten.

Между собой оба ряда синонимов соотносятся как содержательные и оценочные антиподы, будучи связанными антонимическими семами «правдивый», «фальшивый».

Сказанное позволяет рассматривать все оценочные понятия текста (узуальные и контекстуальные), имеющие статус эстети-

ческих терминов, как текстообразующий фактор, релевантный для всех оценочных типов текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гак В. Г. К проблемам соотношения языка и действительности//Вопр. языкозн. 1972. № 5. С. 13.

² Арнольд И. В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте//Иностр. языки в школе. 1979. № 5. С. 12.

³ Махова Э. Ф. Оценка как содержательное свойство текста//Проблемы лингвистической интерпретации художественного текста. Свердловск, 1981.

⁴ Lessings Werke. In 5 Bd. Weimar: Volkerverlag, 1963. Bd 4.

⁵ Op. cit. Bd 1. S. 41—42.

⁶ Столович Л. Н. Природа эстетической ценности. М., 1972. С. 184. Здесь же см. о термине «антиценность» в аксиологии.

⁷ Lessings Werke. Bd 4. S. 200—250.

⁸ Столович Л. Н. Указ. соч. С. 32.

⁹ Фриче В. Социология искусства. М.; Л., 1929. С. 94—110.

¹⁰ Lessings Werke. Bd 4. S. 232.

¹¹ При анализе использовался: *Das WDG*: In 6 Bd. Berlin: Akademie-Verlag, 1978.

¹² Lessings Werke. Bd 4. S. 117.

¹³ Op. cit. S. 335.

В. П. Литвинов
(Пятигорск)

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЯЗЫКОВОМУ СРЕДСТВУ В ТЕКСТАХ М. ХАЙДЕГГЕРА (предварительные результаты исследования)

Обсуждение языкового средства как проблемы общего языкознания ставит перед задачей выбора такого материала, который позволяет эксплицировать глубину проблемы. Язык текстов немецкого философа М. Хайдеггера представляет в этой связи особый интерес. Его анализ требует пояснения понятия средства применительно к языку и признания специфики языка Хайдеггера.

Широкое использование понятия языкового средства в лингвистике связано с функционализмом лингвистической традиции: предполагается, что вычленяемые в синтагматике конструкция, слово, морфема сознательно употреблены для какой-то цели. Говорящий, как правило, «не строит» предложений, а «просто говорит». Наряду с этой автоматизированной речью есть речь дискурсивная, в которой язык особо контролируется сознанием. Если при этом происходит отбор единиц сообразно поставленной цели, то правомерно говорить о языковом средстве. В реальном коммуникативном усилии говорящего или пишущего слово становится средством на службе какой-то цели. В таком случае лингвист анализирует специфику речи, абстрагируясь от существующей нормативности языка, руководствуясь целенаправленностью избранного средства.

Тексты Хайдеггера — явление уникальное. Пока еще никто

из исследователей не показал, что они могли бы получить выражение на другом языке, например нормативном немецком. Переводчики Хайдеггера, в свою очередь, вынуждены конструировать специальные варианты своего языка. Проблемная ситуация интерпретаторов Хайдеггера заключается в следующем¹: если мы пытаемся говорить о нем на традиционном языке, то теряем существенное в нем, если используем его язык или отображаем его поздние тексты на более ранние², то не делаем его понятнее. Следовательно, необходимо найти возможную основу понимания.

Примем Хайдеггера как содержательный эксперимент по созданию мышления особого типа³ и как эксперимент по трансформации языка в новое качество, сообразное новому мышлению. В этом свете отношение Хайдеггера к языку определим как техническое. Сам Хайдеггер, несомненно, не согласился бы с предложенным подходом, хотя у него встречаются замечания о важности оппозиции «технического» и «физического»⁴. Свои языковые приемы он подает как безусловно выражающие духовно-практическое существование человека, а не как проект возможной духовности. Технический подход определяет деятельностный характер полагаемых вопросов.

Как практическая задача мышление должно быть доступно в его непосредственно реальном бытии или в реальном бытии того, за чем усматривается действительное мышления. Отсюда проблема языка не есть только лингвистическая проблема. Отношение мышления и языка здесь целесообразно анализировать как отношение конструкции и материала. Конструкция возможна, если материал обладает требуемыми технологическими свойствами. Какими свойствами должен обладать язык, чтобы возможно было мышление типа а, типа b и т. д.? Так, для мышления, на которое ориентирован Хайдеггер, «недостает не только слов, но прежде всего грамматики»⁵.

Хайдеггер вырабатывал свою новую философскую позицию, когда его учитель Гуссерль констатировал свою неудачу в решении картезианской проблемы. Рассуждение Декарта: «Если я мыслю нечто, это не значит, что это «нечто» существует, но это значит, что я существую (*cogito ergo sum*)», — было актуально для позднего Возрождения, когда *res cogitans* можно было обосновать божественным началом; декартовский бог как бы материализовался в людях, создавая возможность познания. В XX веке в буржуазной философии возникла потребность заменить старого бога. Однако попытки Гуссерля свести к очевидному трансцендентное «я» потерпели крах, поскольку в рамках последовательного идеализма дух сам по себе — достаточное обоснование. Гуссерль привлек к анализу феномен времени, центрированного на «я», феномен интерсубъективности и социальности «я», выдвинул социально-практическую значимость «я»⁶. Однако все атрибуты «я» у Гуссерля оказались

несостоятельными, ибо выражали крайнюю идеалистическую позицию.

Хайдеггер поставил другие вопросы: имеет ли предикат существования одинаковый смысл в утверждениях «я есмь» и «этот мир есмь», является ли обязательным допущение о трансценденции для обоснования духа и т. п. Вопрос Хайдеггера о бытии есть вопрос не о его предметном существовании, а о его смысле в противоположность смыслу отдельного существующего (*Sein vs Seiendes*). Он разделяет *Sein* как (безразличное) бытие и *Dasein* как бытие, находящееся к самому себе в понимающем отношении. *Sein* имеет смысл для какой-то инстанции, способной понимать, но эта инстанция сама должна быть понята как принадлежащая бытию, «трансцендентная» и «фактическая» одновременно. *Dasein* понимает и наполняет смыслом и *Sein*, и себя как часть *Sein*.

Мышление Хайдеггера можно обозначить как «мышление на пределе языке», вспомнив знаменитый афоризм Витгенштейна: «Философские результаты — это всегда открытие какой-нибудь незатейливой бессмыслицы и те синяки и шишки, которые набивает себе интеллект, наталкиваясь на границы языка. И эти-то синяки и шишки заставляют нас уверовать в ценность того самого открытия»⁷. Читающий Хайдеггера должен преодолевать предрассудки нормативности языка. Из материала языка Хайдеггер делает средства мышления.

«Субъект», картезианское «я» выступает в *Dasein* как момент его эгоцентрированности (*Dasein ist je meines*). Способ существования *Dasein* непосредствен, и в этом смысле оно же «есть», как «внешний» мир, — оно «вот», «здесь», т. е. дано в непосредственной реальности. Оно не «я»-здесь-сейчас», а общая сущность этого рода, которая дана всякий раз как «мое» непосредственное «вот» (*da*). Хайдеггер субстантивирует *da* (*das Da*), а способ его существования называет *Da-Sein* или *Dasein*. Одна из главных характеристик *Dasein* — *Jemeinigkeit*, т. е. факт принадлежности *Dasein* актуальному «я» в его актуальном «настоящем времени».

Чтобы *Dasein* не понималось с точки зрения субъективного идеализма, мост от «я» к «человеческому фактору вообще» перебрасывается Хайдеггером с помощью псевдокатегории *Verstehen* («понимание»), которой приписывается статус онтологической постоянной в *Dasein*. Мост от «сейчас» к «вот-бытию вообще» перебрасывается с помощью особой интерпретации времени: «настоящее» иллюзорно, так же как «прошлое» и «будущее», они могут быть у частых проявлений «я», но не у *Dasein*. В структуре *Dasein* измерения времени составляют специфическую характеристику *Dasein*. Это свойство называется Хайдеггером *Zeitlichkeit*. Так возникает еще одна псевдокатегория. По Хайдеггеру, структурные моменты бытия — это «категория», структурные моменты «вот-бытия» — «экзистен-

циалы». Следует получить список экзистенциалов, достаточных для характеристики Dasein, чтобы иметь «фундаментальную онтологию»⁸.

Всякое «я» находится ситуативно в настоящем, которое определено прошлым как опытом и источником обстоятельств и будущим как фактором отбора, организации опыта и фактором устремленности, организующим настоящую ситуацию. Ни одно из временных измерений не существует без других, только вместе они составляют специфическое бытие. Хайдеггер стремится выразить цельность феномена Zeitlichkeit, чтобы затем выразить природу отдельных проекций; в то же время цельность Zeitlichkeit не есть сумма неких составляющих.

Хайдеггер говорит, в частности: «... das Dasein als seiendes überhaupt schon immer auf sich zukommt (заметим: schon immer — это вневременное настоящее, а в глаголе kommen уже содержится Zukunft — будущее. — В. Л.), das heißt in seinem Sein überhaupt zukünftig ist... Nur insofern Dasein überhaupt ist als ich bin-gewesen (здесь и далее курсив мой. — В. Л.; обратим внимание на презентную трактовку перфекта через выделение призенса вспомогательного глагола. — В. Л.), kann es zukünftig auf sich selbst so zukommen, daß es zurück kommt. Eigentlich zukünftig ist das Dasein eigentlich gewesen (центральный момент! — В. Л.). Das Vorlaufen in die äußerste und eigenste Möglichkeit ist das verstehende Zurückkommen auf das eigenste gewesen (эта субстантивация принципиальная, она неграмматична, зато ставит причастие gewesen в один ряд с наречиями как определителями ситуаций. — В. Л.). Dasein kann nur eigentlich gewesen sein, sofern es künftig ist. Die Gewesenheit entspricht in gewisser Weise der Zukunft»⁹. «Zukünftig auf sich zurückkommend, bringt sich die Entschlossenheit (в смысле Entschlossenheit¹⁰. — В. Л.) gegenwärtig in die Situation. Die Gewesenheit entspringt der Zukunft, so zwar, daß die gewesene (besser: gewesende) Zukunft die Gegenwart aus sich entläßt. Dies dergestalt als gewesend-gegenwärtigende Zukunft einheitliche Phänomen nennen wir die Zeitlichkeit»¹¹.

Причастие gewesen, глагол gegenwärtigen, а также словосочетание gewesend-gegenwärtigende Zukunft нарушают нормы немецкого языка. Однако Хайдеггер идет на это в угоду целенаправленному разрушению привычной картины мира, которая, по его мнению, лишь в таком виде может быть адекватной для научного познания Sein, но не для философского понимания Dasein. При этом деструктивная работа сама по себе не является его целью. На месте старых представлений, полагает он, должны вырастать новые, динамичные, чтобы снова меняться и перестраиваться. И Хайдеггер делает гигантскую проработку лексики, семантически заново фиксируя целые группы слов и ассоциативно их связывая. Переосмысленный язык должен основать картину мира в духе Dasein.

Отношение Хайдеггера к языку можно определить как техническое. Подобное отношение к языку характеризует работу логиков, отчасти работу теоретиков, оно составляет суть работы методистов иностранного языка и специалистов по искусственному интеллекту и машинной лингвистике. Лингвисты исследуют язык как данность. Хайдеггер говорит о «разрушении языка со стороны лингвистики и информатики»¹². С точки зрения лингвиста «языковая деятельность» Хайдеггера — насилие над немецким языком, однако многие нелингвисты видят в нем выдающегося мастера языка и стиля¹³.

Один из принципов технического отношения Хайдеггера к языку является бережное отношение к слову. Слову он приписывает то значение, которое оправдывается только внутренней формой. Его принцип «*die Sprache spricht*» и «*der Mensch spricht, wenn er ihr entspricht*»¹⁴ выступает как принцип историзма: мы не вправе делать с языком то, что не предусмотрено культурой или историей культуры, мы обязаны работать со словом в пределах всех его возможностей, данных культурой и ее историей. На этом материале разворачивается «игра мышления», которая «обязывает больше, чем наука»¹⁵.

Такое понимание языка естественно в свете трактовки *Dasein* как человеческого мира, определяемого через его осмысление. Язык есть естественная среда духовного существования — *Haus des Seins*, «обиталище бытия». От фундаментальной онтологии «*Sein und Zeit*» Хайдеггер идет к анализу цельного мира (*Welt*), где уже не нужно различать *Sein* — *Dasein* и где ключ к миру дает язык. Феномен *Heidegger-Deutsch* рассмотрен в книге Е. Шефера, в которой содержится неполный, но хороший лингвистический материал¹⁶. Тексты Хайдеггера автор трактует как продукт свободно парящего мышления.

Рассмотрим технические средства языка Хайдеггера. Для экзистенциалов и параметров бытия он находит названия, активизируя для этой цели внутреннюю форму слова. Среди типичных приемов:

а) тавтология: *Die Welt weltet; Die Sprache spricht; Das Ereignis ereignet; Das Ding dingt; Das Nichts nichtet*. Кажущийся иррационализм подобных формулировок мыслительных задач преодолевается феноменологическим анализом предикатов;

б) образования с интерпретированными суффиксами: *-heit* для «априорного предиката»; *-nis* женского рода для постоянного свойства, активного относительно конституции *Dasein*; *-e* для имени трансцендентального действия и т. д.: *Geworfenheit des Daseins, Hinausgesprochenheit der Rede, Hineingehaltenheit in das Nichts; Bedingnis, Begegnis, Gedächtnis (die!), Überkommnis, Verwahrnis etc.; Gebe, Irre, Kehre, Richte, Zeige etc.*;

в) эксплицитная трактовка через производность, в том числе написание через дефис: *ent-fernen, ge-wesen, her-vor-bringen*,

Zu-fall, das Frag-würdige etc.; in-sistent, Ek-state, Techno-logie etc. Активизация семантики проводится целенаправленно, чтобы связать единым смыслом большие семьи однокоренных образований.

Хайдеггер не исследует этимологий, хотя основные индоевропейские этимологии ему хорошо известны. На основе известных он создает собственные этимологические связи. При этом его не занимает лингвистическая истина. Он трактует истину как «несокрытость бытия» с помощью «высвечивающих» мир смысловых связей. Его этимология перебрасывает семантический мост к началам греческого мышления, замыкая с помощью лексики единство культуры во времени. Слова «говорят» как культурно-исторические образования, и, по удачному комментарию Р. Мартена, «язык интерпретирует человека»¹⁷.

Хайдеггер многократно подчеркивал, что старое мышление изжило себя, и этим убеждением оправдывал для себя свой специфический поиск. Его язык может быть воспринят как эксперимент, как язык, приближающийся к художественному языку. С точки зрения марксистской философии философия Хайдеггера — своеобразный вариант идеализма. Мы не даем здесь критического анализа этой философии. Однако критика, как известно, требует понимания, а для этого следует пытаться понять язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Biemel W. Heideggers Stellung zur Phänomenologie in der Marburger Zeit//Phänomenologische Forschungen, 1978. 6/8. S. 141—223.

² Herrmann Fr. W. von. Die Selbstinterpretation Martin Heideggers. Meisenheim am Glan, 1964.

³ Heidegger M. Zur Sache des Denkens. Tübingen, 1969. S. 66.

⁴ Heidegger M. Nietzsche. Pfullingen Neske, 1961. Bd 1—2.

⁵ Heidegger M. Sein und Zeit//Gesamtausgabe. 1. Abt. Frankfurt. a. M., 1977. Bd 2. S. 52.

⁶ Husserl E. Erste Philosophie. 2. Teil. Theorie der phänomenologischen Reduktion//Husserliana VIII. Haag, 1959.

⁷ Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. Frankfurt. a. M., 1971. S. 68.

⁸ Feick H. Index zu Heideggers «Sein und Zeit». Tübingen, 1961.

⁹ Heidegger M. Sein und Zeit. S. 431.

¹⁰ Ibid. S. 393; Wandruszka M. Etymologie und Philosophie//Etimologica: Walther von Wartburg zur siebzigsten Geburtstag. Tübingen, 1958. S. 63; Herrmann Fr. W. von. Op. cit. S 125—147.

¹¹ Heidegger M. Sein und Zeit. S. 431—432.

¹² Heidegger M. Aus der Erfahrung des Denkens//Gesamtausgabe. Bd 13. S. 227; Erinnerung an Martin Heidegger. Pfullingen Neske, 1977. S. 176.

¹³ Aler J. Heidegger's Conception of Language in Being and Time//On Heidegger and Language ed. by J. J. Kockelmans. Evanston Northwestern Univ. Pr., 1972. P. 38; Ortega y Gasset J. Martin Heidegger y el lenguaje//Anales de la Universidad de Chile a CXVII. 1959. N. 113. P. 7.

¹⁴ Heidegger M. Wegmarken//Gesamtausgabe. Bd 9. S. 72.

¹⁵ Heidegger M. Sein und Zeit. S. 121.

¹⁶ Schöfer E. Die Sprache Heideggers. Pfullingen Neske, 1962. S. 255—259.

¹⁷ Marten P. Martin Heidegger: Den Menschen deuten//Klassiker der Hermeneutik. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1982. S. 263.

Традиционно считается, что грамматика занимается правилами, которые определяют морфологическую, синтаксическую, семантическую структуру и их взаимодействие. Однако коммуникативная ориентированность лингвистики на нынешнем этапе ее развития и понимание речевой деятельности как одного из видов творческой деятельности человека в значительной степени расширили толкование грамматики. В свете коммуникативно-деятельностной концепции языка грамматика трактуется как «свод правил, касающихся организации речевого акта, правильности, нормы и ее колебаний, механизма речетворческого процесса и других явлений языка в их статике и динамике»¹, т. е. с учетом факторов коммуникативного характера. Эти факторы, стоящие в центре внимания лингвистических исследований последних лет, нашли отражение в изучении коммуникативно-языковой нормы². Языковая норма отражает единство объективного и субъективного в языке, воплощенное, с одной стороны, в функционировании языка, а с другой — отражающее оценочный характер, т. е. аксиологический аспект. Трактовка нормы как коммуникативно-языковой подвела итог многочисленным исследованиям в этой области, в которых объект рассматривался как широкая категория («норма системы») и как категория узкая («норма типа текста», «ситуативная норма», «норма употребления»), вырастающая на базе взаимодействия грамматических элементов в самом тексте.

Тесная взаимосвязь грамматики и грамматической нормы с теорией коммуникации, зависимость грамматического оформления языковой ситуации от коммуникативно-прагматических задач, предъявляемых к ней, говорит в пользу «нормы единой, но не единственной»³. Языковая норма, названная пражскими лингвистами «гибкой стабильностью», способна к самой широкой вариативности, которая, однако, не противоречит тезису о ее единстве и стандартности. Еще В. В. Виноградовым были отмечены объективно заложенные в норме две противоборствующие тенденции к устойчивости и подвижности, основанные на динамике языкового развития, с одной стороны, и на устойчивости языковой структуры, с другой⁴. В свете теории коммуникации две эти тенденции обретают свое реальное воплощение в виде множественности единой грамматической нормы, обусловленной коммуникативно-прагматическими требованиями.

Расширенное понимание грамматики дает основание и грамматическую норму трактовать шире, нежели просто правильное стандартное формообразование. Коммуникативный аспект, т. е. те закономерности, которые касаются вопросов, как, где, когда, с кем протекает акт коммуникации, втягивает в сферу нормативности, помимо правильного формообразования, и семантику

грамматической формы, и вопросы употребления, допустимости, функциональной оправданности, уместности тех или иных грамматических средств в определенной коммуникативной ситуации, в конкретном типе текста.

Столь широкая сфера функционирования грамматической нормы создает благоприятные условия для проявления ее гибкости, вариативности, множественности, для «неодинаковой крепости нормы»⁵, различной степени жесткости.

Наибольшей прескриптивной силой грамматическая норма обладает в образовании грамматических форм; возможность вариативности ограничена здесь категориальной природой грамматических средств. Но даже и по линии формообразования грамматическая норма не абсолютно жесткая. Как известно, система языка располагает нормативными морфологическими вариантами, связанными с различными формами существования языка (территориальные, национальные варианты), профессиональной дифференциацией (профессиональные варианты), рассмотрением функционирования языка в синхронии и диахронии (хронологические варианты) —

Для всех перечисленных нормативных грамматических вариантов характерна закреплённость за определенной речевой сферой, функциональным стилем, жанром или даже типом текста; их стилистическая маркированность не только проявляется в тексте, но и задается самим текстом. В качестве примера можно привести ряд существительных, грамматический род которых колеблется в зависимости от нейтрального или профессионального употребления: *das Erbteil, der Extrakt, der Filter, die Drohne, der Virus* (нейтральн.), *der Erbteil* (юридич.), *das Extrakt* (фармацевт.), *das Filter* (технич.), *der Drohn* (пчеловод.), *das Virus* (медиц.).

Примером профессионального употребления грамматических средств может служить язык спорта, для которого чрезвычайно характерно явление транзитивации непереходных глаголов: *die beste Zeit laufen* (schwimmen, fliegen, fahren); *das Spiel anpfeifen* (abpfeifen); *einen Sprung stehen*; *den Weltrekord springen*; *Lehmann/Weise haben am ersten Tag mit 55,87s einen neuen Bahnrekord gefahren*⁶. Подобное употребление непереходных глаголов стало своеобразной нормой, продиктованной необходимостью создания наивысшей компрессии информации, произошла полная узуализация данных конструкций, не вызывающих ощущения ненормативности или нарушения автоматизма восприятия.

Хронологические варианты широко используются в сфере художественной коммуникации. Их появление продиктовано, как правило, задачами эстетического характера для придания высказыванию особой торжественности, приподнятости, поэтичности, для намеренного архаизирования речи. Например: *Uralter Worte kundig kommt die Nacht/ Sie löst den Dingen Rüstung*

ab und Bande/ Sie wechselt die Gestalten und Gewande/ Und hüllt den Streit in gleiche braune Tracht⁷.

Вариативность морфологических форм не отличается особой широтой, так как основные нормативные варианты сводятся к расхождениям дистрибуционного характера. Выделяются особенности в оформлении показателей грамматического рода, множественного числа существительных, форм изменения по падежам, в распределении существительных по парадигмам склонения, а также некоторые особенности в употреблении форм глаголов, наклонений, предлогов и т. п. Большинство же грамматических форм представлено инвариантом.

Грамматическая норма, регулирующая семантику грамматической формы, менее категорична по сравнению с нормой формообразования, ее вариабельность значительно шире. Это связано с тем, что регулирование семантики в большей степени опирается на оценочную, селективную, чем на объективную сторону нормы — коррелят системы языка. Проиллюстрируем вариабельность грамматической нормы, регулирующей семантику грамматических форм, на своеобразии употребления артикля в некоторых типах текста. Грамматическая норма допускает отклонение от установившегося распределения ролей между определенным и неопределенным артиклем в выражении отношения определенность/неопределенность. Так, например, в басне при генерализирующей или в малой степени индивидуализирующей функции артикля происходит нейтрализация оппозиции определенность/неопределенность. При первом упоминании существительное употребляется с определенным артиклем: ... so prahlte der Affe gegen den Fuchs; Der Esel sprach zu dem Äsophus...; Der Wolf lag in den letzten Zügen...; Einst sprach der Pfau zu der Henne...⁸.

Анафорическая функция определенного артикля в басне заключается в том, что он отсылает читателя к той предынформации, которой басня не содержит, но которая заключена в знаниях и опыте самого читателя. В басне, как правило, фигурируют образы, за которыми закрепились конкретные характеристики: лиса олицетворяет хитрость, осел — глупость, волк — жадность. А. А. Потебня сравнивает действующих лиц басни с шахматными фигурами, которые имеют определенный ход, а правила игры знает каждый⁹. Определенный артикль в таком употреблении указывает либо на собирательность образов, либо представляет их как имена собственные.

Иными причинами объясняются особенности употребления артикля в газетном заголовке. Например: UdSSR ist bereit zu Verhandlungen; Kurzfilmfestival wurde in Tampere eröffnet; DDR gab Beispiel des Handelns für Frieden;; Sturz Pinochets ist dringliche Aufgabe¹⁰. Как известно, стремление к краткости высказывания при максимальной информативности является общей тенденцией языка прессы. В этом плане газетные заго-

ловки обладают определенным грамматическим и стилистическим своеобразием. В целях сжатости и краткости заглавия артикль опускается, что создает возможность экономии языковых средств, в самой статье функции артикля восстанавливаются.

Грамматическая норма регулирует также семантику временных глагольных форм и их распределение по различным речевым жанрам. Газетно-публицистический жанр (спортивные новости, например) представлен только одним функционально-смысловым типом речи — повествованием, и это дает возможность утверждать, что в данном жанре преобладает план «рассказываемого мира» и в нем господствуют глагольные формы II временной группы — претерит и плюсквамперфект. Единственный функционально-смысловой тип речи в сообщениях о погоде — описание, в нем господствующее положение занимает план «обсуждаемого мира», поэтому он представлен формами презенса, футурума I и контактирующего с презенсом перфекта.

Другим примером такого же характера может служить регулирование нормой значения степеней сравнения прилагательных. Так, в рекламном объявлении доминирующим способом представления товара является не превосходная степень, как этого следовало бы ожидать, а сравнительная. Рекламное объявление, как правило, строится по модели «N schmeckt, wäscht, sitzt usw. besser», а не «N schmeckt, wäscht, sitzt usw. am besten». Форма превосходной степени для рекламы неуместна, ибо явная попытка убедить покупателя в превосходстве одного товара над другим порождает у него критическое настроение, сомнение в истинности рекламы¹¹.

Значение грамматической формы имеет важное значение для структуры высказывания. Например, инфинитив приказа уместен в команде, но неприемлем в официально-деловом общении; одни сферы коммуникации тяготеют к пассиву, другие — нет и т. п. Регулируя это значение, грамматическая норма весьма существенно варьируется в соответствии с коммуникативными требованиями и при этом опирается как на наличие вариантов в системе языка, так и на изменчивость лингвистических единиц в процессе общения.

Самой высокой степенью variability обладает коммуникативно-прагматическая грамматическая норма, регулирующая употребление, допустимость, уместность, функциональную оправданность определенных грамматических средств в конкретной языковой ситуации. Она включает в себя правила отбора языковых средств и построения речевого высказывания в разных ситуациях общения с разной коммуникативной интенцией. Такая коммуникативно-прагматическая норма выдвигает на первый план проблему выбора, интуитивного или осознанного осмысления, что для данной ситуации является более или менее предпочтительным, образцовым или необразцовым, обя-

зательным или необязательным. Источник множественности этой нормы — обилие коммуникативных ситуаций, поэтому варьирование коммуникативно-прагматической нормы практически неограничено.

Например, текст дипломатического документа характеризуется специфическим грамматическим и стилистическим строем с учетом отличительных черт языковой коммуникации в сфере дипломатии: исключительной продуманностью, высокой степенью осознанности, применением стратегии коммуникации, выбором адресантом кодовых средств для передачи информации и достижения желаемого эффекта воздействия. Эти жесткие требования коммуникативного характера реализуются в своеобразных протокольных формулах, ставших неотъемлемым компонентом любого дипломатического документа и позволяющих безошибочно отличить их от любого другого типа текста. Протокольные формулы — основные средства в рамках дипломатического подстиля, манифестирующие такую стилевую черту, как дипломатическая вежливость. Примером таких формул может служить модель начальной протокольной формулы в текстах личной ноты *sich beehren/die Ehre haben*, 1. Pers. Sg./3. Pers. Sg. + zu + Infinitiv: *Ich beehre mich, auf Ihre Note vom heutigen Tag Bezug zu nehmen; Der Botschafter hat die Ehre, dem Herrn Außenminister... mitzuteilen...* Грамматика дипломатического документа показательна для иллюстрации теснейшего взаимодействия факторов лингвистического и нелингвистического характера, так как трудно представить какой-либо другой официальный документ, составление которого требовало бы столь глубокого знания речевого этикета и умения неукоснительно следовать ему.

Примером своеобразия грамматического оформления может служить и лингвистическая реализация полемики в прессе. Помимо информативно-содержательной функции, в полемике особо выделяется установка на убеждение, побуждение к действию. Лингвистические средства должны выбираться не только с целью правильного, точного и яркого обозначения предметов и явлений анализируемой действительности (семантический аспект), они должны одновременно оказывать воздействие на читателя, вызывать определенные мысли и чувства, делать единомышленником полемиста (прагматический аспект). Совершенно особый коммуникативный фактор, характерный только для полемики, — идейный противник, поэтому стратегия текста направлена на борьбу, на выяснение истины через столкновение мнений. Прагматический потенциал высказывания увеличивается за счет выбора конкретных синтаксических конструкций. Так, для передачи высказываний противника употребляется конъюнктив косвенной речи (для передачи общеизвестных истин и утверждений, с которыми полемист согласен, обычно используется индикатив). Широкое употребление пассива в полемике

мотивируется необходимостью нередко вести «безадресную» борьбу, не указывая носителя противоположного мнения или подчеркивая его обобщенный характер. Для усиления действенности полемики используются условные предложения (обычно в доказательствах от противного). Такой ход рассуждений дает возможность полемисту опереться на жизненный опыт читателя и подвести его к полному опровержению условно принимаемой точки зрения противника: In den meisten Verfassungen der kapitalistischen Länder steht wörtlich oder sinngemäß geschrieben, daß alle Macht vom Volke ausgeht. Aber, wenn dem so ist, fragen sich gewiß mehr als 30 Millionen Amerikaner, die unter der Armutgrenze leben, wie ist es dann möglich, daß die einen immer reicher werden und die anderen... Warum dann die himmelschreiende Ungerechtigkeit? Oder warum dann die Absurdität?¹²

Таким образом, коммуникативно-прагматическая специфика текста определяет набор конкретных грамматических средств, релевантных с точки зрения конституирования типа текста и составляющих его коммуникативно-прагматическую норму. Многообразие коммуникативных ситуаций, реализованных в различных типах текста, порождает множественность грамматической нормы, представленную вариативностью образования грамматических форм, их значений и употребления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 10.

² Fleischer W., Hartung W., Suchsland P. Sprachlich-kommunikative Normen//Deutsche Sprache: Kleine Enzyklopädie. Leipzig, 1983.

³ Гельгардт Р. Р. О языковой норме//Вопросы культуры речи. М., 1961. С. 35.

⁴ Виноградов В. В. Проблемы культуры и речи и некоторые задачи русского языкознания//Вопр. языкозн. 1964. № 3. С. 136.

⁵ Виноградов В. В. Изучение русского литературного языка за последние десятилетия в СССР. М., 1955. С. 57.

⁶ Neues Deutschland. 1982. 14.01. S. 8.

⁷ Huck R. Liebesgedichte. Leipzig, 1917. S. 61.

⁸ Lessing G. E. Ausgewählte Werke. Berlin, 1958. S. 131, 133.

⁹ Потебня А. А. Из лекции по теории словесности. Харьков, 1930. С. 27.

¹⁰ Neues Deutschland. 1983. 06.09.

¹¹ Пулатова Г. Д. Грамматическая доминанта типа текста и ее использование в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. С. 9.

¹² Berliner Zeitung. 1976. 24/25. 07.

Проблема выделения классов слов (частей речи) в языках изолирующего типа, к которым принадлежит санго — государственный язык Центральноафриканской Республики, всегда представляла определенные трудности. Они объясняются недостатком морфологических признаков, которые в европейской традиции выделения частей речи, выработанной на флективно-синтетических языках, принимались за основные. Но морфологический критерий, как известно, не является всеобъемлющим и совершенно не подходит для языков со слабо развитой морфологической системой.

В 50-х годах XX в. был найден другой способ разбиения слов на классы, способ, который опирается на синтаксические свойства слов. В нашей стране приоритет в этой области принадлежит А. А. Драгунову, показавшему на материале китайского языка, что части речи могут быть выделены на основании синтаксических свойств (критериев) без обращения даже к морфологическим признакам слов¹.

Язык санго, в течение длительного периода функционировавший в качестве языка межэтнического общения, под интерференционным воздействием со стороны местных языков, что привело к его креолизации², утратил грамматически значимые тоны, выражавшие и выражающие сейчас в языке-источнике — санго р-на Мобае (ЦАР) формы наклонения, времени. Глагольные суффиксы, придающие глаголу с общим значением специальное значение итеративности (-kV), общего (совместного) действия (-ngbi), интенсификации процесса (-kV), конкретизации действия (-ngɔ), результата действия (-nda), также были утрачены. В настоящее время глаголы с суффиксом и без суффикса³ находятся в вариантных отношениях и отличаются полной или частичной тождественностью значения, например bó «собирать» — bɔngbi «собирать» («в якома: bɔngbi «собирать вместе»»⁴.

У креолизованного санго складывается собственная норма. Водовременные отношения выражаются аналитически. Порядок слов в предложении грамматически значим.

В санго представляется возможным выделить три типа минимальных предложений⁵, состоящих из синтагм, в рамках которых исходя из семантической маркированности и потенциальной синтаксической функции и происходит разбиение слов на функциональные классы (части речи) и функционально-грамматические классы (служебные слова). Однако распределение слов по различным синтаксическим классам ограничено. Забегая несколько вперед, так как принципы выделения классов слов представлены ниже, отметим, что, например, слово dà может быть только именем — «дом», biàkū — только наречием — «немедленно; сначала», búbà может означать «портить», «быть

испорченным», «глупость». Следовательно, часть лексем санго семантически маркирована принадлежностью к определенному классу (dà), а другая часть — семантически маркирована лишь частично или семантически совсем не маркирована, т. е. за определенным классом не закреплена. Будучи употреблены в определенной семантической функции, частично или совсем немаркированные лексемы актуализируют лишь часть своего словарного значения. Например, слово pèndèrè может функционировать в роли различных членов предложения: может быть существительным со значением «красота»: pèndèrè tí wálí /красота|генитивн. част.|женщины/, в определительной синтагме это слово может выступать как атрибут: pèndèrè wálí /красивая|женщина/, оно может быть обстоятельством: fàdè kólí à sàgà dà pèndèrè //буд. вр.|мужчина|он/построит/дом/красиво//, предикатом типа непереходного глагола (кваликативный глагол): dà à pèndèrè /дом|он/есть красивый/, частью составного сказуемого: wálí só à yèkè pèndèrè //женщина|эта|она/есть|красивая// «эта женщина красивая». Будучи оформлено номинализирующим суффиксом -ngɔ̃, оно может выступать как отглагольное существительное в качестве первого (дополняемого) члена дополнительной (детерминативной) синтагмы с опосредованным присоединением компонентов: pèndèrèngɔ̃ tí wálí /факт «бытия» красоты|генитивн. част.|женщины/ «красота женщины».

Предикативная синтагма представляет собой центральную часть, ядро всякого законченного предложения благодаря элементу предикативности, отличающему ее от непредикативных (именных) синтагм и влияющему на отнесение содержания предложения к действительности.

Во всех предикативных синтагмах находим двучленный состав. Первый значимый компонент — субъект (А), который всегда предшествует предикату (Р). Первый компонент всегда существительное или местоимение, второй всегда глагол. Например: kólí à gá àwè /мужчина|он/пришел|совершен. в./. Кроме позиции в предложении, глагол (член Р) можно определить по присутствию в препозиции к нему местоименного подлежащего à, которое, впрочем, исчезает, если субъект выражен местоимением: lò gá àwè /он/пришел|совершен. в./. Кроме личных местоимений, занимающих первое место в предикативной синтагме (mbì «я», tɔ̃ «ты», lò «он, она», è «мы», í «вы», álà «они») и остающихся неизменными в объектном употреблении, следует отметить анафорическое местоимение ní: kólí ní /мужчина|этот, о котором говорилось/, указательное местоимение só: wálí só /женщина эта/.

Предикативная синтагма ¹А — Р является ядром минимального предложения типа 2⁶, статус которого связан с реализа-

цией глагольного значения, переходящего на объект, в результате чего в составе минимального предложения в постпозиции к члену Р появляется еще один дополнительный член С, маркированный предлогом (d). Компонент С — это косвенное дополнение глагола. Например: kólí à gā àwè nà dà //мужчина|он| пришел|совершен. в./в дом// «мужчина пришел домой». Схематически минимальное предложение указанного типа можно обозначить А — Р — (d) С. В тексте элементы А и С минимального предложения могут быть усложнены элементами распространения, выполняющими функцию отглагольного существительного и прилагательного, и представлять собой дополнительную (детерминативную) или определительную синтагмы.

Отглагольное существительное, как подкласс существительного, образуется с помощью единственного продуктивного номинализирующего суффикса -ngō и обозначает «факт действия» или «акт действия», например: dēngō sēsè à gā nà kōdōgō bírì //факт культивирования (обработка) |земли|она/проходила/в| деревне|/вчера// «вчера в деревне обрабатывали землю».

Прилагательное в санго определяется только по его позиции в определительной синтагме при распространении именных членов вышеупомянутого предложения: kété kólí /маленький| мужчина/, pëndèrè kōdōgō /красивая|деревня/. Следует заметить, что слово kété в дополнительной синтагме с непосредственным присоединением компонентов будет выступать в функции существительного: bàbá kété /отец; кровный родственник со стороны отца| малое количество чего-либо; малость/ «младший брат отца».

Что касается числительных, то синтаксически они тождественны существительным, занимающим второе место в дополнительной синтагме (зависимый компонент) и обладают только семантической спецификой, например: kólí ɛ̀kò «один мужчина» (/мужчина|один/).

Наречия в санго не имеют каких бы то ни было морфологических признаков, если не считать таковыми закономерности грамматической сочетаемости. В предложении они следуют за определяемым глаголом: kólí à gā nzōní /мужчина|он|пришел|хорошо|/Ø/«мужчина добрался благополучно»; может занимать позицию после объекта: kólí à yèkè lèkè dà kúé //мужчина|он| длительный в.|чинит/дом/полностью// «мужчина ремонтирует весь дом».

Помимо вышеперечисленных функциональных классов, в санго выделяются функционально-грамматические классы слов, а именно: 1) предикативные элементы àwè, yèkè, fàdè, ándè, ngbàndà, lání, làá, ká, Ø⁷ или комбинации некоторых из них, являющиеся неотъемлемой частью предикативной синтагмы, актуализирующие предложение в видовременном плане. Предикативные

кативные элементы, характеризующие систему глагольного употребления слова языка санго, могут занимать позиции перед субъектом, перед предикатом, после предиката (однокомпонентные). Двухкомпонентные предикативные элементы распределяются перед субъектом, перед субъектом и перед предикатом, перед предикатом и после предиката, перед субъектом и после предиката. Трехкомпонентные — перед субъектом, перед и после предиката, перед субъектом и перед предикатом; 2) предлоги; 3) союзы; 4) частицы; 5) вопросительные слова; 6) модальные слова. Функционально-грамматические классы выделяются также при рассмотрении различных типов минимального предложения языка санго, а также различных типов синтагм в рамках минимального предложения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Драгунов А. А. Исследование по грамматике современного китайского языка. М.; Л., 1952.

² Хабиров В. П. Основные пути развития «национального» языка санго (ЦАР)//История культуры народов Африки. Проблемы культурного и научного строительства в независимых странах континента на современном этапе. М., 1986; Его же. Национально-языковая характеристика Центральноафриканской Республики//Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975.

³ Выделить данные глагольные суффиксы представилось возможным только с использованием материала по близкородственным языкам якома и нгбанди, в которых существует семантическая дифференциация глаголов с общим и специальным значением.

⁴ Хабиров В. П. Некоторые черты фонологической и лексической вариантности в языке санго//Вариантность как свойство языковой системы: Тез. докл. М., 1982.

⁵ Хабиров В. П. Описание синтаксиса простого предложения языка санго//Африка в 80-е годы: итоги и перспективы развития: Тез. докл. Всесоюз. конф. М., 1984.

⁶ Описание всех типов минимальных предложений (высказываний), как и типов синтагм, не является целью данной работы. Выбор минимального предложения типа 2 обусловлен его относительно частой встречаемостью в тексте санго.

⁷ Для санго характерно нахождение эксплицитно выраженного предикативным элементом временного центра только в одном из предложений связанного текста, как правило, в первом, то есть данный (единственный для отрезка текста) предикативный элемент влияет на соотнесение предмета мысли каждого предложения с действительностью. Нулевой предикативный элемент имплицитно актуализирует другие предложения данного отрезка текста.

Н. А. Плещев
(Свердловск)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТНОСИТЕЛЬНЫХ НАРЕЧИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Анализируемый класс слов отличается весьма своеобразная комбинация словообразовательных, лексико-семантических, морфологических и семантических признаков. Этот класс образуют отсубстантивные относительные дериваты (ООД) с общетно-

сительным значением признака в адвербиальных позициях, выражая не признаки субстанций, как коррелирующие с ними относительные прилагательные, а признаки действий, состояний и других признаков¹. ООД в адвербиальном употреблении и в соответствующих ему формах обозначается термином «относительное наречие» (ОН).

Несмотря на неоднозначную интерпретацию ОН, все же можно выделить некоторое число лексико-семантических групп, которые характеризуются определенными однородными признаками. Масса ОН может быть подразделена на ОН, образованные от абстрактных имен. Конкретные имена, от которых образованы ОН, в свою очередь охватывают имена одушевленные и неодушевленные, среди обеих групп могут быть представлены имена собирательные. Наряду с именами классов предметов среди основ ОН представлены также имена вещественные и некоторое число собственных имен (личных, географических, этнических). Абстрактные имена также обнаруживают значительное разнообразие, а отчасти и промежуточность семантических значений, что затрудняет определенное отнесение к той или иной группе.

Рассмотрим различные группы основ ОН, соотносимых с именами материальных объектов. ОН от нарицательных имен лиц: *caiserlich, königlich, fürstlich, herzoglich, ritterlich, hofmännisch, bürgerlich, soldatisch, knechtisch, sclavisch*. Перечисленные ОН могут быть охарактеризованы как частная группа с общим значением «признак лица по месту, занимаемому им в сословно-иерархическом обществе». Существует группа ОН, представляющая класс лиц по признаку их деятельности: *bergmännisch, weidmännisch, richterlich, priesterlich, pfäffisch*. Однако эта группа может сближаться с вышеупомянутой, так как *soldatisch, bischöflich* и даже *päpstlich* содержит не только указание на определенное место лица в социальной или церковной иерархии, но и на исполняемые этим лицом обязанности. Кроме того, ОН, характеризующие лицо с точки зрения его места в социальной иерархии, могут тесно сближаться с основами, обозначающими титулы: *markgräfllich, pfalzgräfllich, hochfürstlich, hochgräfllich*.

Таким образом, предметно-понятийные обобщения признаков классов лиц и группировка ОН по основам личных нарицательных имен варьируются, поскольку определяются факторами реальной практической жизнедеятельности.

Среди основ ОН может быть выделена группа, выражающая наиболее общие «классификационные» понятия о человеке: *menschlich, männlich, weibisch, kindisch*; сюда же, видимо, можно отнести и *jungfräulich*. Признак родственных отношений объединяет ОН *väterlich, mütterlich, stiefmütterlich, brüderlich, schwesterlich*; момент «личной связи» сближает с названными также ОН *nachbarlich*. Среди основ нарицательных имен лиц

присутствует группа образований со значением религиозно-мифической и религиозно-идеологической принадлежности: göttlich, abgöttlich, apostolisch, prophetisch, altväterlich, christlich, katholisch, protestantisch, ketzerisch.

Во многих случаях в семантике субстантивной основы ОН представлено сочетание объективных признаков определённой категории лиц с субъективно-оценочным отношением к ним; ср.: diebisch, mörderisch, meuchelmörderisch, räuberisch, banditisch, schelmisch, schurkisch, verräterlich, verbrecherisch, ehebrecherisch, tyrannisch, despotisch, diktatorisch, feindlich, menschenfeindlich, philisterlich, pedantisch, donquixotisch. Слова с положительной оценкой гораздо более редки: heroisch, genialisch, patriotisch. Рассматривая перечисленные выше различные ОН и отнеся их основы к нарицательным именам лиц, мы в отдельных случаях пренебрегали двойственностью основ. Так, despotisch, patriotisch, tyrannisch столь же оснований соотносить с существительными Despot, Patriot, Tyrann, сколько с Despotismus, Patriotismus, Tyrannie и считать основы ОН и существительного абстрактного значения «связанными».

Основы имен собирательных, означающих совокупности лиц, представлены ОН gesellschaftlich, societätisch, gerichtlich, parteilich, polizeilich (baupolizeilich), obrigkeitlich. Вопрос о семантике основы ОН gemeinschaftlich не имеет однозначного решения. Gemeinschaft может обозначать и собирательную совокупность лиц, и абстрактное понятие «общность». ОН collegial имеет связанную основу, представленную в существительных Kollege и Kollegium. ОН jugendlich соотносимо с Jugend как в значении «молодежь», так и в значении «молодость». Многозначность основы ОН не влечет многозначности в семантическом содержании самого ОН.

В качестве основ ОН tierisch, animalisch, viehisch, paulinisch, hündisch выступают основы существительных, обозначающих животных. Как основы ОН редки имена со значением неодушевленных конкретных материальных объектов. В эту группу могут быть включены такие ОН, как barometrisch, termometrisch. Основы двух ОН указывают на происхождение от имен, обозначающих внутренние органы человека: trochäisch, gastrisch. Прилагательные-наращения körperlich, fleischlich, mündlich также образованы от имен, называющих тело или части тела человека. Ко всей сфере растительного мира относится ОН со связанной основой vegetabilisch. Основы ОН metallisch, krystallinisch обозначают вещество или его форму (структуру).

Особую группу составляют ОН, основы которых принадлежат существительным, обозначающим средства оформления и передачи той или иной информации. Основная масса этих имен предполагает возможность двоякого осмысления их значений, отражающих различные явления действительности. С одной стороны, эти имена обозначают материальные объекты (носи-

тели информации): wörtlich, schriftlich, handschriftlich, abschriftlich, abschläglich, buchstäblich, brieflich, urkundlich. С другой стороны — собственно информацию — различные типы, жанры, характер содержания: biblisch, alttestamentlich, neutestamentlich, canonisch, evangelisch, exegetisch, sinnbildlich, dramaturgisch, satyrisch, epigrammatisch, prosaisch.

Чем больше в значении основ ОН осуществляется отвлечение от признака «письменно закрепленная», в которой представлено содержание соответствующей информации, или какие-либо иные отвлеченные признаки ее, тем в большей мере ОН переходят из сферы значений материальных объектов в сферу значений абстрактных понятий. Подобное объединение признаков конкретности и абстрактности свойственно не только «информационным» объектам, в частности: magnetisch, optisch, elektrisch, elementarisch, systematisch.

Особую группу ОН представляют лексемы со значением определения познавательной, мыслительной, творческой деятельности: geometrisch, analogisch, hypothetisch, kontrapunktisch, koloristisch.

От географических названий городов, областей, стран, а также от этнических имен образованы следующие ОН: zürcherisch, hamburgisch, polnisch, französisch, schweizerisch, niederländisch, türkisch, gothisch, altfränkisch, morgenländisch, mittelländisch; в одном случае основа ОН обозначает язык: lateinisch. Часть субстантивных основ названных ОН содержит значения признака пространственной локализации и признака совокупности людей, которая принадлежит к соответствующему пространству: ländlich, vaterländisch, kleinstädtisch, örtlich, höfisch, hauslich allodial, а также weltlich. К этой группе слов можно отнести ОН с религиозно-мифической окраской: paradiesisch, himmlisch, höllisch. Основу ОН kirchlich представляет идентификатор Kirche с конкретизаторами «религиозное объединение верующих», «сословная принадлежность людей», «здание для отправления религиозных обрядов». Группу с семой «пространство» представляют ОН perspektivisch, proportional, symmetrisch, perpendikulär, horizontal, rhomboidisch, pyramidalisch, с конкретизаторами «положение тела в пространстве», «объем тела». К этой группе следует отнести ОН gäumlich. Слова westlich, südlich в основе содержат значение «сторона света». Обособленное положение занимает в рамках «пространственных» ОН слово atmosphärisch.

Довольно многочисленную группу составляют ОН, основы которых обозначают различные области знания. В толкованиях этих слов имеется общий идентификатор «область знания», а также общие конкретизаторы «сфера деятельности человека», «познавательная», «практическая». Значение того или иного конкретизатора может превалировать: medizinisch, anatomisch, pathologisch, psychologisch, pädagogisch, mechanisch, mathema-

тisch, algebraisch, geometrisch, physisch, physikalisch, ästhetisch, historisch, orthographisch, methaphysisch, philosophisch, dialektisch. К этой группе примыкает слово theologisch. Значение практической деятельности преобладает в словах anatomisch, ökonomisch, wirtschaftlich, architektonisch. Основа ОН wissenschaftlich представлена идентификатором «наука». Группа ОН, тесно примыкающая к предыдущей, образована от основ, обозначающих различные формы и средства интеллектуальной деятельности, ср.: theoretisch, methodisch, problematisch, thematisch, dogmatisch, kritisch, polemisch, analytisch, hypothetisch, syllogistisch, apodiktisch, allegorisch, speculativisch, intuitiv, suggestiv, magisch. Основа ОН geistig имеет значение «духовная сфера человеческого существования».

Общая сема «психическое и физическое/физиологическое состояние человека» объединяет основы ОН enthusiastisch, pathetisch, emphatisch, ironisch, sentimental, (sentimental(-isch)), cholerisch, sanguinisch, phlegmatisch, melancholisch, hypochondrisch, epileptisch, konvulsivisch, spasmodisch, antispasmodisch.

Разнообразны основы ОН со значением «состояние человека», «характерная черта личности»: feindschaftlich, sündlich, schändlich, sinnlich, jugendlich, wonniglich, züchtiglich, brünstiglich, abenteuerlich.

Часть ОН с трудом поддается какой-либо систематизации лексических значений субстантивных основ, например: ehelich, hochzeitlich, erbschaftlich, dienstlich, amtlich, verdienstlich, rechtlich, melodisch, traditionell, theatralisch, sakramentisch, harmonisch, konsensuell, chaotisch, produktiv, modisch, nonsensikalisch.

Группа ОН происходит от абстрактных существительных с темпоральными значениями: jährlich, vierteljährlich, monatlich, wöchentlich, täglich, nächtlich, stündlich, sonntäglich, periodisch, episodisch, augenblicklich, anfänglich, fristlich, zeitlich. В двух случаях основы ОН являются сложными, причем первый компонент имеет усилительное значение: alljährlich, tagtäglich.

* Кроме рассмотренных ОН в аспекте лексико-семантической дифференциации их основ, в анализированных текстах имеются слова, образованные с помощью суффиксов -weise и -mäßig. Данные суффиксы определенным образом конкретизируют характер предметных отношений, заключенных в основах понятий ОН. Определенность значений, выражаемых суффиксами -weise и -mäßig, создает предпосылку для объединения ОН с каждым из этих суффиксов в соответствующие лексико-семантические группы. Суффикс -weise (собственно наречный суффикс) выражает качественную характеристику действия или состояния. Основы ОН с суффиксом -weise имеют весьма пестрый лексико-семантический состав: kreuzweise, bandweise, fragmentweise, tropfenweise, pausenweise, ausbruchsweise, fleckweise, exemplarweise, bittweise, gesprächsweise, gliederweise и т. п. Значение суффикса -mäßig — «соответствие», «способ осуществ-

вления действия»: volksmäßig, gesetzmäßig, planmäßig, standesmäßig, erfahrungsmäßig, stiftsmäßig, schulmäßig, forstmäßig, maschinenmäßig, demonstrationsmäßig, vernunftmäßig, instinktmäßig, aktenmäßig, konzertmäßig, komödiantenmäßig и т. п.

Приведем несколько примеров. Vom Rande aus verbreitete sich umher *strahlenweise* eine Menge langer Schwanzfedern vom tropischen Vogel²; Die Unterlippe war mit geronnenem Blute bedeckt, was *tropfenweise* aus dem schlaffen, jedoch zinnoberroten Zahnfleische ausschwitzte³; Da nun diese *kreuzweise* übereinandergelegt waren, so entstanden überall viereckige Zwischenräume⁴; Die Stadtmusiker, welche *pflichtmäßig* spielen müssen...⁵; Um sich von der Wahrheit und Bedeutsamkeit aller menschlichen Gesichtzüge *demonstrationsmäßig* zu überzeugen...⁶; ...und was dergleichen Behauptungen mehr waren, die, so simpel und *vernunftmäßig* sie auch uns heutigestages vorkommen, zu Abdera gleichwohl sehr übelklingend gefunden wurden⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Плещев Н. А. Отсубстантивные относительные дериваты в адвербиальных позициях в немецком литературном языке второй половины XVIII века и тенденции их развития: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.

² Forster G. Idyll auf Tahiti. 3. Aufl. Berlin, 1963. S. 89.

³ Allgemeine medizinische Annalen des Jahres. Altenburg, 1800. S. 297.

⁴ Forster G. Op. cit. S. 89.

⁵ Berlinische musikalische Zeitung (historischen und kritischen Inhalts). Berlin, 1794. S. 175.

⁶ Lavater J. K. Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntniß und Menschenliebe. Leipzig, 1775—1778. S. 219.

⁷ Wieland Ch.: M. Sämtliche Werke. Leipzig, 1796. S. 247.

О. Г. Путьская
(Свердловск)

РЕЧЕВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕЖДОМЕТИЙ (на материале современного французского языка)

Во французском языке междометия составляют одну из самых интересных во многих отношениях частей речи. Удельный вес междометий в общем составе языка сравнительно невелик, однако в речи их количество резко возрастает из-за эмоциональной насыщенности.

Значительные трудности представляет инвентаризация междометий. В одноязычных словарях зафиксировано около 150 междометий и около 100 слов, образованных от них. В художественной литературе встречаются междометия, не зафиксированные лексикографическими источниками. В повседневной речи носителей языка возможно окказиональное образование большого числа междометий, которое подчиняется определен-

ным закономерностям языка в плане фонемного состава и сочетания фонем. В целом количество устоявшихся и наиболее употребительных междометий во французской речи приближается к 250 единицам. Две трети междометий и междометных выражений передают различные эмоции, треть — различного рода шумы, звуки и крики животных.

Анализ звукового состава междометий как выразителей эмоционального состояния говорящего дает основания считать, что в современном французском языке согласные фонемы [z], [p], [b] связаны с отрицательными эмоциями: *peste! bagasse! zest!* и др. Среди гласных фонем самая частотная фонема [a], ее частотность не позволяет судить об эмоциональной окрашенности. В междометиях исконного происхождения встречаются звукосочетания, не свойственные в целом французскому языку. Это сочетания согласных *vl, sw, tch, bs, spl, scr, pf, scl*, встречается зияние гласных, дифтонги, трифтонги, велярно-носовой звук [ŋ]. Этот факт говорит о взаимодействии двух взаимодополняющих тенденций: стремлении к наибольшей выразительности, точной передаче звуков действительности и отсутствии полного соответствия звукам действительности, так как рамки языка ограничивают возможность полного звукового соответствия.

В структурном отношении междометия французского языка (90 % от общего числа) — одно- и двухсложные слова. Их двухсложность обусловлена повтором первого слога. В основном это звукоподражания типа *clic-clic* (щелканье), *clor-clor* (топот копыт), *brout-brout* (грохот), *crin-crin* (скрипение), *gon-gon* (мурлыканье) и другие. В них второй элемент, повторяя первый, делает короткий звуковой фрагмент более выразительным, повышая степень фонематической мотивации. Так, еще раз подтверждается произвольность звуковой формы звукоподражания для носителей данного языка.

Одна из особенностей звукового облика французских междометий заключается в вариативности звуко- и шумоподражаний. Причем варьирует последний звук ономотопеи, первый, опорный звук остается неизменным. Например, различные шумы ударов и трения могут быть обозначены: *tchoc, tchonc, thac; splatch, slonc; ploc, plouf; clac, clap* и др. В этом разнообразии междометных образований французский язык не знает себе равных.

С помощью повтора образовано и большинство слов детского языка. В буквальном смысле их нельзя назвать звукоподражательными, хотя связь предмета и слова в этом случае «основывается на сходстве, которое ребенок наблюдает между материальной оболочкой слова и материальными, чувственно воспринимаемыми признаками предметов»¹. По-разному образованы слова детского лексикона. Это и сокращения полной формы исходного слова: *dodo* (*dormir*), *joujou* (*jouer*), и сокращение только одной фонемы исходного слова: *lolo* (*lait, sein*),

mémé (grand-mère), pépé (grand-père), и чисто искусственные слова: toutou (chien), dada (cheval), bobo (mal). Часто такие слова закрепляются и во взрослом языке. И хотя они выпадают из общей системы междометий и звукоподражаний, неоспорим изначальный эмоциональный компонент в их значениях. Это слова, в основе мотивации которых лежит воображаемое невзрослыми носителями языка сходство с предметами действительности. Такое качество детских слов дает основание рассматривать подобные лексемы в разряде междометий и звукоподражаний.

Французская система междометий характеризуется наличием небольшого числа структурно сложных междометий, или, вернее, междометных выражений, состоящих из компонентов, которые подверглись синтаксической изоляции. Под синтаксической изоляцией понимается утрата грамматических категорий принадлежности к исходной части речи и утрата (либо замена) лексического значения. На первое место выступает эмоциональный аспект слова: la belle affaire! (подумаешь!), tu parles! (еще бы!), pensez-vous! (подумать только!), à d'autres! (нашли дурака!). Синтаксическая изоляция ведет к идиоматизации значений компонентов сложных междометий. Они воспринимаются как единое целое, предметно-логическое значение либо теряется совсем, либо отступает на второй план, чем сложнее структура такого междометия, тем выше степень идиоматизации. В состав сложных междометий входят практически все части речи, особенно частотен глагол в разных формах.

При многообразии звукового облика, форм и значений междометий их класс сравнительно мало изучен. Нет единого мнения относительно природы междометий, существуют разноречивые определения и классификации междометий на различных языковых уровнях. Ряд исследователей вообще считает междометия экстралингвистической категорией. Противоречия во взглядах на междометия объясняются специфичностью их семантики. Междометия, обладая не понятийным, а эмоциональным содержанием, являются знаками эмоций. Лишенные номинативной функции, междометия остаются единицами коммуникации, рассчитанными на слушателя и обладающими социально закрепленным значением. Неоднократно были отмечены ослабление предметно-логического значения междометий и зависимость их семантики от речевой коммуникации. Междометия во французском языке подразделяют на импульсивные (или императивные) и имитативные². К этой классификации можно добавить и междометия-суждения типа *подумать только!*. Отсутствие у междометий номинативной функции не влияет на восприятие их значений и не вызывает вопросов в их понимании в каждой конкретной речевой ситуации.

Речевая обусловленность значения и употребления междометий имеет некоторые особенности. Во-первых, она выража-

ется во влиянии общей семантики контекста на понимание значения междометия. Например, междометие *oh!* встречается практически во всех функциональных стилях речи и весьма многозначно. Полный набор его значений содержит часто противоположные эмоции: гнев — радость, ярость — испуг, отказ — согласие и др. Речевой контекст снимает языковую многозначность междометия, закрепляя за ним конкретное значение: *oh, que non!* *oh, que je suis ravi!*

Во-вторых, речевая обусловленность значения междометия выражается в строгом выборе одного из синонимичных междометий в конкретной речевой ситуации. Если междометия закреплены за определенными эмоциями, вызывающими в памяти вполне определенные понятия (*fi!* *rouah!* *reu!* *reu!* *pfut!* — отвращение, презрение), говорящий, не колеблясь, выберет одно из них: *Fi, quelles manières!* *Pfut, qu'est-ce-que ça sent?* Если выражение эмоции возможно синонимичными междометиями, одно из которых является эвфемизмом, стиль речи также налагает строгие рамки на употребление одного из них. Например, негодование выражается междометием *merde!* и его эвфемизмом *mince!* Употребление первого не всегда возможно, употребление второго смягчает ситуацию. Для французского языка специфично наличие междометий — полных синонимов, образованных от культовой лексики. Какой-либо стилистической разницы в их употреблении в синхронии установить не удалось. Это междометия-клятвы, междометия-уверения: *par le sang Dieu!* *Par la vertu Dieu!*, междометия-ругательства: *Diantre!* *Pardi!* *Pardine!* *Jarnidieu!* В синхронии эти междометия уже почти не воспринимаются как эвфемизмы, они приобретают характер архаичности, выходят из употребления.

Речевая обусловленность звукоподражаний менее необходима для понимания их значения, которое в сознании носителей языка закреплено за определенными шумами и звуками: *bing!* — щелчок, *clap-clap* — хлопки, *crac!* — хруст, *gloup-gloup* — бульканье при глотании, *raf!* — выстрел и др. На первое место здесь выступает фонетическая мотивация, которая и является условием для восприятия и понимания звукоподражаний. Однако некоторые звукоподражания все же требуют конкретизации значения, контекста. Это относится к таким единицам, как *bla-bla-bla* — подражание болтовне, *bouhouhou* — плач и др.

Отвлекаясь от конкретных значений междометий, набор которых очень широк, можно выделить три основные семантические функции междометий и звукоподражаний.

1. Создание семантической и стилистической избыточности эмоции в речевом высказывании. Употребляемые в такой функции, междометия повышают эмоциональный потенциал фразы, способствуют оказанию большего воздействия на собеседника: *ah, vous êtes enfin venu!* Здесь междометие усиливает значение наречия *enfin*, выражает нетерпение ожидающего. *Ah, dire que*

vous avez osé venir! Ah — подчеркивает ярость говорящего, усиливает значение всего предложения.

2. Комплетивная функция. Выражается в дополнении нейтрального высказывания эмоцией, носителем значения которой является междометие, напр.: *Peuh, quel souper! Hourrah vous êtes venu! Hélas, vous êtes venu!* В этих предложениях именно междометие несет эмоциональную нагрузку, выражает отношение говорящего к действию или событию.

3. Асемантическая функция заполнителя паузы в речи. Ее выполняют междометия типа *alors, et bien, bon, tiens, euh*. Одновременно подобные междометия служат для стилистической характеристики речевой манеры говорящего, придают высказыванию социальную обусловленность.

Представляется, что эти функции междометий являются языковыми универсалиями и с одинаковой регулярностью проявляются во многих языках. В целом в современном французском языке междометия составляют открытую систему, внутри которой происходят семантические сдвиги и изменения. Как и другие лексемы, междометия подвержены архаизации: *peste! ventre! s^t gris!*, возникают авторские междометия и междометия-неологизмы, происходит заимствование междометий: итальянское *bastel!*, английское *stop!* Ряд междометий носит ареальный характер, выражая местный колорит: *réchère!*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Негневицкая Е. И., Шахнарович А. М. Язык и дети. М., 1981. С. 23.

² См.: Миронова Н. Я. Обучение аудированию французской разговорной речи. М., 1982.

М. А. Данкова
(Свердловск)

АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЭМОЦИИ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Речевое произведение — результат двух процессов: выбора адекватной лексической единицы из соответствующей парадигмы и соединения ее с другими лексическими единицами. Таким образом, в речевом произведении конкретно проявляются и синтагматические, и парадигматические особенности слова¹. Открытый наблюдению синтагматический линейный ряд реализует языковые средства разных уровней, парадигматику. Синтагматическое исследование предполагает тщательный анализ реальных речевых произведений, поэтому важно изучение сочетаемости, контекста.

Необходимо разграничивать понятия «текст» и «контекст». Наиболее распространено понимание текста как определенным образом упорядоченное множество высказываний, «объективи-

рованное в виде письменного документа», объединенное единством коммуникативного задания². Текст — закрытая система языковых средств. На основании достаточного количества текстов лингвист извлекает соответствующую своим целям информацию. Важной составной частью текста является его лексический состав. Это, в свою очередь, связано с другими существенными характеристиками организации текста.

«Контекст» — это отрезок высказывания, в котором наблюдаются определенные лингвистические условия, способствующие реализации языковых средств, в частности лексических единиц. Контекстологический анализ помогает установить природу семантического указателя и типы контекста³.

Цель предлагаемой статьи — рассмотреть структуру микрополя эмоции «грусть, печаль» в парадигматическом и синтагматическом плане. Под термином «семантическое поле» О. С. Ахманова понимает часть действительности, выделенную в человеческом сознании и теоретически имеющую в данном языке соответствие в виде более или менее автономной лексической микросистемы (например, поле радости, времени и т. п.)⁴.

В работах, рассматривающих вопросы лингвистического выражения эмоций, авторы ограничиваются анализом глагольных и именных словоформ в сфере «эмоции», исследуют поле эмоций в широком плане, а также в сравнении с другим языком⁵.

В настоящее время используются два основных подхода к изучению семантического поля: логический и лингвистический. Последний наиболее эффективен, содержит выделение семантического поля, вычленение отдельных семантических групп и их анализ. Вычленяется поле на начальном этапе с помощью словарей использованием принципа идентификации понятий Ш. Балли⁶. Непосредственный анализ семантического поля, его структурно-семантических особенностей проводится на основе общепринятых в современной лингвистике методов: контекстологического, дистрибутивного, статистического и др.

Как показало исследование Г. Б. Антрушиной⁷, понятия «радость» и «печаль», по-видимому, четко выделились еще в дописьменную эпоху. Эта лексическая группа в своем развитии претерпела значительные изменения. Прилагательные со значением печали во все периоды были более многочисленны. Ядром обеих групп были германские слова.

Нами с помощью словарей-тезаурусов П. Роже⁸ и Вебстера⁹ были выделены слова, составляющие поле «грусти» (план парадигматики). В словаре Роже группа VI содержит так называемые *affections*, среди которых под № 828 *pain* находим: *grief, sorrow, distress, affection, woe, bitterness, gloom, heart-ache, heavy-hearted, wretched, desolate, miserable etc.* Эмоция «грусть», «печаль» ассоциируется с физической и моральной болью. Словарь Вебстера под рубрикой «emotion» дает 60 единиц.

При изучении более 200 лексических единиц было обнаружено путем контекстуального анализа, что микрополе «грусть, печаль» содержит в своей структуре существительные *pain, ache, distress, sorrow, grief, misery, depression, melancholy, sadness, dejection, dismay, woe* etc. (всего 70 единиц); прилагательные *sad, sorry, depressed, depressing, miserable, distressed, distressing, dejected, dismal, dismayed, melancholy* etc. (всего около 80 единиц); глаголы *to be, feel, become, fall back into, sink into, surge up, grieve, sadden, cry out, flight, go through, catch, drive, swell up, subside, slash, choke, strike, twist, stun, throb, soothe* etc. (всего около 30 единиц); наречия *sadly, sorrowfully, distressfully, dejectedly, sombrely, gloomily, repentantly, woefully* etc. (всего 20 единиц).

Рассмотрим отдельно наиболее характерные для микрополя «грусть, печаль» лексические единицы, их сочетаемость и семантику.

Тезаурус П. Роже дает существительные, означающие грустные эмоции, под общей рубрикой «*pain*» со значением физического и эмоционального ощущения. Контекст дает этому неоднократно подтверждение: *So, Scarlett was miserable... pain twisted Scarlett's heart (Mitchel). He bore his pains in silence, his long hours of misery alone (Lawrence). She felt sure that in the past people had suffered and known sorrow and pain and fear (Lawrence).*

Нередко слова «грусть, печаль» употребляются в значении «тяжелое, разбитое сердце»: *... her heart swelled up with misery...; her heart was breaking (Mitchel).* В этой связи обращает на себя внимание выбор глаголов, характеризующих внезапность охватившего чувства, его остроту и т. п.: *... her heart swelled up with misery; A pain slashed in her heart...; ... Pain twisted Scarlett's heart (Mitchel).*

Глаголы *to swell up, slash, twist* передают различные ощущения в связи с чувством печали. Наиболее часто встречающиеся существительные с этим значением *sorrow, distress*: *... As she got nearer... the sorrow deepened in her... she comforted herself with the thought that... (Cookson). ... Melanie and Petty were tireless in planning ways to soothe the sorrow under which, they thought, she laboured (Mitchel).*

Из контекста следует, что чувство печали может усиливаться, усугубляться — *deepen*; сменять другие чувства — *come*; оно ассоциируется с другими отрицательными эмоциями, как, например, страх — *fear*, недовольство — *discontent*.

Обычно чувство грусти вызывает желание утешить, успокоить — *to combat, soothe*. Иногда чувство печали может переходить в свою противоположность: *How can I ever be at home here where sorrow sings of joy in my ear (An Anthology of Modern English and American Verse).* *Sorrow* и *joy* находятся в антонимических отношениях.

Существительное *distress* в словаре определяется как *great pain, sorrow and discomfort*, что дает возможность дифференцировать эмоцию по интенсивности. Рассмотрим примеры: *As Robin looked at her white face he gave an exclamation of distress (Malcolm). He looked at her... with a kind of helpless distress (H. James). She wept in a burst flood of distress (Lawrence).* Из контекста видно, что чувство сильной печали может быть внешне выражено возгласом (*exclamation*), взглядом (*looked with a kind of...*), плачем (*in a burst flood*). Кроме того, существительное *distress* так же, как и *sorrow*, может употребляться антонимом *joy*, а глагол *dally* означает смешение этих противоположных чувств.

Другие наиболее часто встречающиеся существительные микрополя «грусть»: *melancholy, misery, dejection, sadness, grief, woe*. Интерес представляет стихотворение Р. Бартона «*The Author's Abstract of Melancholy*» (*An Anthology*), где дается авторское понимание чувства меланхолии. Стихотворение содержит почти полный набор существительных микрополя «грусть, печаль»: *misery, grief, sorrow, melancholy, heavy heart*, а также смежных с ними чувств — *loneliness, discontents and furies, fear*. Это доказательство синонимичности существительных, они объединены общностью выражаемого понятия и функции.

Наиболее частотное прилагательное исследуемого микрополя — *sad*: *The sight (of the sobbing wife) ... made him sad, deeply sad (Cookson); ... His eyes looked so deeply ... sad ... she wanted to run to him ... and comfort him (Cookson); Her big sad eyes were fixed on his, at dinner he was quite gay. But afterwards ... sad again (Malcolm). She looked so sad and — well, sort of pleading (Mitchel). Sad преимущественно характеризует человека, как видно из примеров.*

В поэзии чувство грусти, печали часто передается на фоне осенней, увядающей природы и может ассоциироваться с темнотой, холодом, дождем, воспоминаниями о прошлом, несбывшимися надеждами юности: *The day is dark and dreary./ My life is cold and dark and dreary./ ... It rains ... / Be still, sad heart and cease repining!/ My fate is the common fate of all. (W. Wordsworth).*

Другие прилагательные этой группы: *depressed, depressing, distressed, dejected, down-hearted, miserable, melancholy*.

Несколько специфично употребление прилагательного *melancholy*: *He first named these notes a melancholy strain ... Most musical, most melancholy bird! (Coleridge).* *Melancholy* означает наименьшую по интенсивности эмоцию печали и принадлежит к книжному, возвышенному стилю. *Sad* — наиболее нейтральное прилагательное и занимает центральное место в синонимическом ряду. Современный английский язык обладает достаточно гибкой и развитой системой для адекватного выра-

жения эмоции «грусть, печаль». Анализ лексической микро-системы — один из возможных путей изучения реализации языковых средств в тексте.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М., 1974.
- ² Гальперин И. Р. О понятии «текст» // Лингвистика текста. М., 1974. Ч. 1. С. 67.
- ³ Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
- ⁴ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 334.
- ⁵ Долгих Н. Г. Семантическое поле глаголов эмоций в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1970; Шахова Л. И. Структурно-функциональная характеристика ЛСГ существительных «чувства, переживания»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1980; Шаховский В. И., Трошина И. Б. Структурно-семантические характеристики ЛСП эмотивности // Проблемы словообразовательной и семантической структуры слова в германо-романских языках. Горький, 1981 и др.
- ⁶ Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
- ⁷ Антрушина Г. Б. Развитие прилагательных «радости» и «печали» в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1956.
- ⁸ Roger P. Thesaurus of English Words and Phrases. London, 1973.
- ⁹ Webster's New World Thesaurus. N.Y., 1973.

В. П. Донгаузер
(Свердловск)

НЕКОТОРЫЕ ФОНЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СМЕШАННОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

В данной статье представлены некоторые результаты исследования консонантизма франкского говора немецкоязычного населения г. Березовский Свердловской области, а также характер развития системы при установлении изофонии в условиях немецко-русского двуязычия.

Экстралингвистические факторы, обуславливающие речевую деятельность того или иного языкового сообщества, послужили причиной безынтерферентного произношения в немецкой речи заимствований из русского языка и перехода франкского говора во вторичный, а русского языка — в первичный язык, то есть смену ролей¹. В процессе овладения языком иноязычной среды немцы идентифицировали элементы звуковой системы франкского говора с элементами звуковой системы русского языка.

До интенсивного языкового контакта в системе фонем франкского говора отсутствовали противопоставления по глухости — звонкости и палатализованности — непалатализованности. В интервокальной позиции в безударном слогe согласные произносились озвонченно. Эта озвонченность была результатом частичной ассимиляции по голосу². Билабиальные и лабиодентальные в позиции перед гласными переднего ряда, а заднеязычные как перед, так и после гласных переднего ряда произносились с легкой палатализацией, свойственной немецкой речи³. Овладение произносительной нормой русского языка привело к изофонии идентифицируемых элементов, т. е. они стали диафонами⁴. Факт функционирования в немецкой речи

безынтерферентных заимствований послужил причиной возникновения противопоставления по глухости — звонкости и палатализованности — непалатализованности.

При выявлении инвентаря фонем автор основывается на положении Л. В. Щербы о том, что в языке достаточно противоположения двух звуков в сходных фонетических условиях для того, чтобы они играли роль отдельных фонем (метод квазиомонимов, как показало выявление инвентаря фонем франкского говора, работает далеко не во всех случаях). Слова подбирались, главным образом, так, чтобы идентифицируемые элементы находились не только в сильной, но и в сходной фонетической позиции как в заимствованиях из русского языка, так и в исконно немецких словах. Слуховой и спектральный анализы должны были выяснить, как произносятся носителями говора идентифицируемые элементы, т. е. произносятся ли они согласно произносительной норме немецкого языка или русского.

Рассмотрим некоторые примеры с различными *p*, *t*, *k*: [ʔʰaka] *racken*, [ʔʰaka] *backen*, [ʔʰala] *пьяльцы*, [ʔʰika] *picken*, [ʔʰika] *пика*, [ʔʰir] *Bier*; [tʰer] *Teer*, [tʰer] *der*, [atʰe] *adieu*, [ʔʰanda] *Tante*, [ʔʰotʰa] *тетя*, [kʰalʔ] *kalt*, [kalʔ] *Galle*, [lʰiʔkʰor] *ликер*, [kʰelʔ] *Kälte*, [kʰelʔ] *Geld*. Итак, в сходной фонетической позиции возможны [pʰ], [p], [pʰ] и [pʰc]; [tʰ], [t] и [tʰ]; [kʰ], [k], [kʰ], [kʰc]. До интенсивного контакта с русским языком во франкском говоре в начальной позиции слова рассматриваемые глухие согласные противопоставлялись только по наличию или отсутствию придыхания: |pʰ| — |p|, |tʰ| — |t|, |kʰ| — |k|. С овладением звуковой системой языка окружения и безынтерферентным произношением заимствований в немецкой речи в сходной фонетической позиции стали возможны палатализованные согласные не только в позиции перед и после гласных переднего ряда, но и перед гласными заднего ряда: [ʔʰala, ʔʰotʰa, lʰiʔkʰotʰ]. Слуховой и спектральный анализы палатализованных согласных в исконно немецких словах и в заимствованиях из русского языка показали, что произносятся они носителями франкского говора согласно произносительной норме русского языка, т. е. в результате идентификации *p* и *k* с палатализованными русского языка [pʰ] и [kʰ], палатализованные аллофоны фонем [p] и [k] франкского говора стали произноситься немцами со степенью палатализации фонем русского языка [pʰ] и [kʰ]. Если во франкском в определенной позиции возможна палатализация билабиальных, лабиодентальных и заднеязычных согласных, то переднеязычные, как правило, в любой фонетической позиции произносятся непалатализованно (за исключением *lʰ*). И все же в говоре имеется слово, которое все носители произносят с палатализованным *t*, это слово [aʔtʰe.]

Итак, принадлежность [pʰc, p, pʰ, tʰc, t, tʰ, kʰc, k и kʰ] соответственно фонемам [pʰc, p, pʰ, tʰc, t, tʰ, kʰc, k, kʰ] сомнений не вызывает. Сложнее определить фонематический статус [pʰc] и

[k'e]. В русском языке эти согласные отсутствуют. Во франкском говоре они встречаются только в определенной фонетической позиции. Если основываться только на дистрибуции данных согласных в исконно немецких словах говора, то они должны рассматриваться как палатализованные аллофоны фонем [p^o] и [k^e]. Но поскольку в системе появился различительный признак палатализованный — непалатализованный, постольку такое решение фонологического статуса [p'e] и [k'e] нельзя считать правомерным.

Обратимся к примерам. Слова [k'eɪ't] и [k'el't], [k'e'is] Kies и [k'is] gieße различаются наличием или отсутствием придыхания, т. е. палатализованность придыхательных несомненна. Несомненно отсутствие палатализованности в словах [k'eal't], [kal'], [k'us] Kuß и [kūs] Guß, но она присутствует в слове [l'i'k'or], что дает нам право выделения фонем [k] и [k'], а по аналогии [k^e] и [k'e]. По той же причине различаются [p^o] и [p'e]. Таким образом, в системе фонем франкского говора в настоящий период его развития имеются фонемы [p^o, p'e, p', p, t, t', t^e, k^e, k'e, k, k']. На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Возможности звуковой системы воспринимающего языка, существующие в виде аллофонных различий, нашедшие в результате идентификации отражение в фонологической системе языка окружения, усиливаются и становятся реальностью, т. е. разными фонемами.

2. Возможности звуковой системы воспринимающего языка, не нашедшие эквивалентов в языке окружения, но подвергшиеся воздействию заимствованных фонологических противопоставлений, также усиливаются и обособляются в самостоятельные фонологические единицы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Донгаузер В. П. Вокализм говора в условиях иноязычного окружения// Вестник ЛГУ. Серия истории, языка, литературы. 1979. № 14. Вып. 3. С. 114.

² Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.; Л., 1956. С. 309.

³ Кириллова Л. И. Нормативные особенности реализации согласных в слове, содержащем гласный переднего ряда//Нормы реализации. Варьирование языковых средств. Горький, 1983. С. 12.

⁴ Хауген Э. Языковой контакт//Новое в лингвистике, 1972. Вып. 6. С. 74.

Р. С. Егунова
(Свердловск)

РЕАЛИЗАЦИЯ СЛГОВЫХ МОДЕЛЕЙ В ТЕКСТЕ

Известно, что произносительные ошибки, допускаемые учащимися в иностранном языке, являются результатом интерферирующего влияния родного языка на моторном и перцептивном уровнях. Однако простое сравнение фонемного инвентаря родного и изучаемого языков не дает возможность предсказать

все вероятные ошибки в реализации и восприятии фонем неродного языка. При изучении фонетической интерференции нужно исследовать взаимодействие фонемных репрезентантов в минимальном фонетическом контексте (слоге и далее) в составе и с учетом более крупных единиц (предложение, текст). Прогнозирование и изучение конкретных ошибок фонологического и фонетического планов в речи учащихся, овладевающих произношением неродного языка, помогают выбрать наиболее эффективные пути преодоления акцента в речи обучающихся.

В настоящей статье рассматриваются результаты инструментального анализа типичных ошибок русских учащихся в нормативном произнесении гласного и поствокального согласного в структуре «согласный — гласный (краткий) — согласный (СГС)», «согласный — гласный (долгий) — согласный (СГ:С)», включенной в контекст предложения.

В качестве экспериментального материала были использованы односложные слова, в которых гласные находились в позиции перед шумными смычными (b d g p t k). Инвентарь начальных согласных состоял из смычных и щелевых шумных и сонантов.

Программа состояла из 37 предложений, включавших слова модели СГС, СГ:С. Слова находились в одинаковом положении по отношению к ударению и позиции в предложении. Кроме того, для сравнения в программу было включено 36 слов, начитанных изолированно. Программа была начитана 10 студентами I курса языкового факультета до вводно-коррективного фонетического курса, 10 студентами I курса после вводного курса и 5 студентами III курса. Исходный экспериментальный корпус составил 1825 реализаций. Далее был проведен тщательный слуховой анализ слов и предложений, произнесенных русскими учащимися¹. Материал был прослушан в студийных условиях и затранскрибирован.

На основании данных слухового анализа материала были выделены 28 серий слов, серии составлены с учетом ненормативности гласного ядра и поствокального согласного; 15 серий включали ошибочные реализации слогов СГС, СГ:С при изолированном произнесении, 13 серий включали ошибки в произнесении этих слогов в контексте предложения.

Рассмотрим реализацию в речи русских учащихся позиционной длительности гласных сегментов и фонетических характеристик поствокального согласного.

Для инструментального анализа было отобрано 304 слова. Кроме ошибочных реализаций структур СГС, СГ:С, в программу были включены слова, отмеченные при слуховом анализе как соответствующие нормам произношения. Слова были записаны на магнитную ленту, и с магнитной записи сняты осциллограммы. По осциллограммам измерялась длительность гласного сегмента и длительность смычки финальных соглас-

ных. На основании абсолютных измерений была получена относительная длительность гласного и согласного в каждой серии.

Нормативность в произнесении слогов структуры СГС, СГ : С предполагает соблюдение правильной позиционной длительности перед глухим или звонким согласным, сильное напряженное произнесение глухих и слабое, частично оглушенное произнесение звонких согласных². Нарушение позиционной длительности, полное оглушение звонких в исходе слов относятся к грубейшим фонологическим ошибкам. Слабое произношение глухих и полновзвонное произношение звонких также не свойственно английскому языку³.

Известно, что начальный согласный не оказывает существенного влияния на длительность последующего гласного в структуре СГС⁴. Известно также, что между гласным и поствокальным согласным в структуре СГС, СГ : С существует «отрицательная корреляция по длительности»⁵. Высказывается мнение о том, что для правильного воспроизведения и восприятия слогов структуры СГС, СГ : С важнейшее значение имеет соблюдение нормативных временных связей между гласным и поствокальным согласным⁶.

Как модифицируются временные отношения между гласным и согласным в структуре СГС, СГ : С в английской речи русских учащихся? Приведем данные, полученные при анализе слогов, произнесенных русскими учащимися, и оцененные как нормативные при слуховом анализе.

Т а б л и ц а I

Слог	Соотношение длительности гласного и согласного	
	изолированное произнесение	в контексте
Г : С (звонкий)	0.64 : 0.36	0.67 : 0.33
Г : С (глухой)	0.48 : 0.52	0.56 : 0.44
ГС (глухой)	0.26 : 0.74	0.38 : 0.62

Временные отношения между Г и С соблюдены, за исключением слогов с долгим гласным компонентом перед глухим согласным при реализации в контексте предложения. Здесь уже нарушается временная корреляция между Г и С в слоге, закрытом глухим смычным (длительность смычки меньше длительности гласного). Такой тип временной связи характерен для слогов с конечным звонким согласным⁷.

Рассмотрим реализацию слогов структуры СГС, СГ : С в английской речи русских учащихся по сериям ошибок. В I серию ошибок были включены слова, произнесенные с нарушением позиционной длительности гласного перед сильным глухим аспирированным согласным. Осциллографический анализ показал также ненормативность количественных характеристик

согласного. При изолированном произнесении длительность гласного (СГ:С) — 0.56, длительность согласного — 0.44; при произнесении в контексте предложения длительность гласного — 0.71, длительность согласного — 0.29. В норме фаза смычки сильного согласного всегда должна быть больше длительности гласного. Такой тип временной корреляции характерен для слогов, закрытых звонким согласным. Однако в слогах данной серии глухой смычный всегда реализовался в сильном напряженном варианте. При таком произнесении полностью модифицируется «модель временной компенсации на сегментном уровне» в данном типе слога⁸.

II серия ошибок состояла из слов, в которых финальный звонкий согласный был произнесен нормативно, т. е. с оглушением, слабо, тогда как позиционная длительность гласного не была соблюдена. При анализе слов данной серии было получено следующее: при изолированном произнесении (СГ:С) длительность гласного — 0.55, длительность согласного — 0.45, в контексте предложения длительность гласного — 0.54, длительность согласного — 0.46. Временная зависимость между компонентами слога не нарушается, несмотря на значительное сокращение длительности гласных.

В III и IV серии ошибок были включены слова с ненормативной длительностью в позиции перед конечным полнозвонким согласным. От ошибок III серии слоги, включенные в IV серию, отличались ненормативным качеством гласного. При слуховом анализе материала не удалось отобрать слова из контекста предложения, имеющие те же ошибки, поэтому данные IV серии приводятся только по изолированному произнесению.

Т а б л и ц а 2

Слог	Соотношение длительности гласного и согласного (в сериях)	
	изолированное произнесение	в контексте
Г:С	0.63 : 0.37 (III)	0.70 : 0.30 (III)
ГС	0.48 : 0.52 (IV)	
	0.33 : 0.67 (III)	

Осциллографический анализ показал, что в слогах СГ:С, включенных в III серию ошибок, несмотря на сокращение длительности гласного, тип временной связи не нарушается. Однако в слогах СГС смычка в два раза превышала длительность гласного, что типично для слогов с финальным напряженным согласным. В слогах IV серии модель временной компенсации существенно модифицируется (смычка почти равна длительности гласного).

С учетом нормативности временных характеристик гласного перед полнозвонким согласным были составлены V и VI серии ошибок. Слоги, включенные в VI серию, отличались от ошибок V серии ненормативным качеством гласного сегмента.

Из таблицы видно, что при таком произнесении слогов СГС, СГ:С нормативная временная корреляция между Г и С не нарушается. Исключение составляет реализация структуры СГС (VI серия). Увеличение длительности смычки приводит к модификации модели временной компенсации.

Т а б л и ц а 3

Слог	Соотношение длительности гласного и согласного	
	изолированное произнесение	в контексте
Г:С	0.65 : 0.35 (V) 0.60 : 0.40 (VI)	0.77 : 0.23 (V)
ГС	0.59 : 0.41 (V) 0.47 : 0.53 (VI)	0.70 : 0.30 (VI)

В VII и VIII серии ошибок были отобраны слова, произнесенные с нормативной позиционной длительностью перед глухим согласным. Глухой согласный был произнесен на слух очень вяло, без достаточных артикуляторных усилий. Ошибочные реализации слогов СГС, СГ:С, включенных в VIII серию, отличались от слогов VII серии ненормативным качеством гласного.

Т а б л и ц а 4

Слог	Соотношение длительности гласного и согласного	
	изолированное произнесение	в контексте
Г:С	0.46 : 0.54 (VII) 0.42 : 0.58 (VIII)	0.51 : 0.49 (VII) 0.53 : 0.47 (VIII)
ГС	0.28 : 0.72 (VII) 0.37 : 0.63 (VIII)	0.52 : 0.48 (VII) 0.50 : 0.50 (VIII)

При изолированном произнесении соблюдалась нормативная временная корреляция между компонентами слога, несмотря на вялую артикуляцию конечного согласного. При включение слогов в контекст предложения происходит перераспределение временных характеристик: смычка равна по длительности гласному или незначительно уступает ему по величине, т. е. уже на уровне предложения устанавливается тип временной корреляции, не свойственной слогам с конечным глухим шумным.

В IX серию ошибок были включены слова, произнесенные с полным оглушением конечного звонкого согласного. Гласный компонент мог быть произнесен с нормативной (или ненормативной) позиционной длительностью перед фонологически звонким (но фонетически глухим) согласным.

Т а б л и ц а 5

Слог	Соотношение длительности гласного и согласного	
	изолированное произнесение	в контексте
Г : С	0.60 : 0.30 (норм.)	0.67 : 0.33 (норм.)
	0.47 : 0.53 (ненорм.)	0.47 : 0.53 (ненорм.)
ГС	0.49 : 0.51 (норм.)	0.72 : 0.28 (норм.)
	0.37 : 0.63 (ненорм.)	0.52 : 0.48 (ненорм.)

Из данных таблицы видно, что при соблюдении правильной позиционной длительности временная зависимость между Г и С не нарушается. Исключение составляет реализация структуры СГС в изолированном произнесении. Ненормативная позиционная длительность приводит к перераспределению временных характеристик (смычка длительнее гласного). Тип временной связи в структуре СГС различен в контексте слова и в контексте предложения.

В X и XI серии ошибок вошли слова, произнесенные с нарушением позиционной длительности перед финальным глухим согласным, который реализовался в слабом неаспирированном варианте. Слова, включенные в XI серию, отличались также ненормативным качеством гласного.

Т а б л и ц а 6

Слог	Соотношение длительности гласного и согласного	
	изолированное произнесение	в контексте
Г : С	0.60 : 0.40 (X)	0.68 : 0.32 (X)
	0.55 : 0.45 (XI)	0.70 : 0.30 (XI)
ГС	0.49 : 0.51 (XI)	0.70 : 0.30 (XI)

При таком произнесении слогов распределение временных характеристик между Г и С соответствует их соотношению в слоге, закрытом звонким согласным. Увеличение длительности смычки в слоге СГС (XI серия, изолированное произнесение) приводит к видоизменению модели временной компенсации на сегментном уровне.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что при включении слогов СГ : С, СГС в более широкий фонетический

контекст (контекст предложения) характер выявленных нарушений временных корреляций между Г и С в основном такой же, что и на уровне слога, а именно:

1) сокращение длительности гласного в позиции перед слабым звонким согласным, отмеченное при слуховом анализе и подтвержденное данными осциллографического анализа, не перераспределяет временные связи в слоге;

2) увеличение позиционной длительности перед сильным аспирированным согласным влечет полное изменение количественных отношений в данном типе слога;

3) энергичное с гласным призвуком произнесение конечных звонких в ряде случаев ведет к увеличению смычки и, в свою очередь, к ненормативному распределению временных характеристик;

4) в слогах, где конечный глухой согласный реализуется в слабом ненапряженном варианте, вариации в длительности гласного сегмента приводят к изменению типа временной связи в слоге; в контексте предложения значительное сокращение смычки при нормативной длительности гласного — к видоизменению модели временной компенсации;

5) при полном оглушении конечного звонкого согласного увеличение длительности не приводит к нарушению типа временной связи, тогда как сокращение длительности нарушает временные отношения в слоге.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слуховой анализ проводился автором статьи совместно с фонетистами кафедры фонетики ЛГУ им. Жданова.

² См., напр., *Торсуев Г. П.* Обучение аглийскому произношению. М., 1956. С. 111—112; *Его же.* Фонетика английского языка. М., 1950. С. 75—79, 130—133. В работах англоязычных авторов описываются и другие варианты произношения конечных согласных, напр.: *Gimson A. C.* An Introduction to the Pronunciation of English. London, 1968. P. 147—148. *Brown G.* Listening to Spoken English. M., 1984. P. 27—30.

³ *Васильев В. А.* Предупреждение и исправление ошибок в произношении английских фонем. М., 1973. С. 26—28, 33, 66.

⁴ *Peterson G. E., Lehiste I.* Duration of Syllable Nuclei in English//JASA. 1960. V. 32. N 6. P. 702.

⁵ *Потапова Р. К.* Типологии временной организации речи в германских языках//Вопр. языкозн. 1977. № 1. С. 40; *Chen M.* Vowel Length Variation as a Function of the Voicing of the Consonant Environment//Phonetica. 1970. V. 22. N 3. P. 145.

⁶ *Denes P.* Effect of Duration on the Perception of Voicing//JASA. 1955. V. 27. N 4. P. 763; *Carnochan G., Skalickova A.* Notes on the Comparison of English — Czech Phonetics//Zeitschr. fur Ph. Spachw und Kommunikationsfor. 1964. Bd 17. H. 2—4. S. 154, 159.

⁷ В табл. 1, а также в других таблицах приводятся данные не по всем типам слогов, так как при слуховом анализе материала не всегда удавалось подобрать ошибки в каждом типе слога.

⁸ *Потапова Р. К.* Указ. соч. С. 42.

СОДЕРЖАНИЕ

Ившин В. Д. Семантика единиц языка и речи и соотношение их с единицами мышления	3
Биренбаум Я. Г. Инверсия в темпоральных сложноподчиненных предложениях	9
Знаменская Т. А. Способы актуализации модели сложноподчиненного предложения в тексте	14
Красногор Е. Ш., Белякова Л. В. Реализация значения будущности в тексте (на материале произведений Г. Грина)	18
Донская И. В. Контекстуальная обусловленность структуры французского глагольного сказуемого	24
Черняк А. Б. Реализация вариантов сложного прошедшего в романском эпосе	30
Томашпольский В. И. Реализация глагольных форм в тексте и реконструкция диалектов общероманского языка (сардороманские парадигмы)	35
Радченко В. И. Двойные перфектные формы в прозе У. Бехера и Г. Канта	41
Хлебникова И. Б., Потапова Н. Ф. Проблема лексико-семантических связей в сверхфразовом единстве	44
Нефедова Л. В. Функционирование однородных синтаксических структур в тексте	48
Беляева Е. И. Синтагматика модальности в художественной и научной прозе (на материале английского языка)	53
Мещерякова М. П. Реализация фразеологических единиц в тексте	58
Овинникова Н. С. Актуализация английских пословиц и поговорок в тексте	60
Шабанова Т. Д. Темпоральная и пространственная специфика стихотворного текста (на материале английской и русской поэзии)	64
Шмидт И. К. Речевая многозначность слова (опыт лингвистического анализа текстового материала)	69
Лобанова Н. Н. Роль контекста в реализации речевой многозначности слов	72
Махова Э. Ф. Центральные понятия системы ценностей как регулятивы выражения оценки в тексте	76
Литвинов В. П. Технический подход к языковому средству в текстах М. Хайдеггера (предварительные результаты исследования)	82
Пестова Н. В. Особенности грамматической нормы в тексте	88
Хабилов В. П. Классы слов в языке санго	94
Плещев Н. А. Лексико-семантическая характеристика относительных наречий в немецком языке второй половины XVIII века	97
Путырская О. Г. Речевая обусловленность значения и употребления междометий (на материале современного французского языка)	102
Данкова М. А. Анализ семантического поля «эмоции» в английском языке	106
Донгаузер В. П. Некоторые фонемные отношения в смешанной фонологической системе	110
Егунова Р. С. Реализация слоговых моделей в тексте	112

РЕАЛИЗАЦИЯ
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
В ТЕКСТЕ

*Сборник
научных трудов*

Темплан 1986 г., поз. 180

Редактор И. М. Харитонов
Технический редактор
Н. Н. Зауолкова

Сдано в набор 15.05.86.
Подписано в печать 17.07.86.
НС 19285. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага газетная. Уч.-изд. л. 9,0.
Усл. печ. л. 7,5. Печать высокая.
Гарнитура литературная. Тираж 800.
Заказ 252. Цена 1 р. 20 к.
Свердловский государственный
педагогический институт. 620219
Свердловск, ГСП 159, ул. К. Либк-
нехта, 9.
Типография изд-ва «Уральский рабо-
чий». Свердловск, пр. Ленина, 49.